

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 29.04.2019 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 12,25. Тираж 500 экз.

Заказ № 103/226.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ

**Дыдров Артур Александрович,
Александрова Людмила Дмитриевна**
Ориентиры современного
российского образования:
философско-аксиологический ракурс.....7

Новикова Оксана Николаевна
Игроизация бытия человека,
или Всевластие игрового праксиса..... 18

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Давыдов Дмитрий Александрович
Государство в дискуссиях
о посткапиталистическом обществе:
курс на «отмирание»?27

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

**Абрамкина Светлана Рафаиловна,
Владыкина Лариса Борисовна,
Лукин Анатолий Николаевич**
Использование проектного метода
в государственном и муниципальном
управлении: от декларирования
к результативности37

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- С. В. Борисов* — доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Е. В. Грунт* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Ю. Г. Ершов* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* — доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- В. Г. Ледаев* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. Н. Медушевский* — доктор философских наук,
профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Павлов* — доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В. Д. Попов* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- Г. Л. Тульчинский* — доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. С. Чупров* — доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. В. Павроз* — доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. В. Понеделков* — доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О. Ф. Русакова* — доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* — доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А. Ю. Сунгузов* — доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* — доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Ковбан* — кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С. В. Кодан* — доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А. Б. Сергеев* — доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л. М. Байтенова* — доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л. М. Муталиева* — кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И. В. Лаврентьева* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т. Ю. Савченко* — кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. Н. Лукин* — кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С. С. Смирнов* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д. В. Тимофеев* — доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

**Коротина Наталья Юрьевна,
Абрамкина Светлана Рафаиловна,
Алдошенко Евгений Викторович**
Особенности финансовой поддержки
социально ориентированных
проектов в муниципальном
образовании.....46

Юматов Андрей Степанович
Методологические аспекты
использования цифровой платформы
«Государственная информационная
система жилищно-коммунального
хозяйства».....56

**Шаврина Юлия Олеговна,
Самакаева Марина Дмитриевна**
Оценка эффективности управления
сельскохозяйственными
организациями в период
банкротства на основе
данных стратегического учета.....71

КУЛЬТУРА

Чупров Александр Степанович
Проблема познаваемости мира
в свете диалектики бытия
и существования.....82

Нехамкин Валерий Аркадьевич
Междисциплинарность
в современном гуманитарном
познании: тенденции, итоги
и перспективы развития96

Дядык Наталья Геннадьевна
Минимализм как форма
философии повседневности.....106

**Миляева Екатерина Галимулловна,
Пеннер Регина Владимировна,
Сидорова Ульяна Владимировна**
Методы философской практики
(философское консультирование
и партнерство) в студенческой
аудитории: образовательный
эксперимент.
Часть II. Экзистенциальный опыт.....118

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.01 — Онтология и теория познания.
- 09.00.03 — История философии.
- 09.00.04 — Эстетика.
- 09.00.05 — Этика.
- 09.00.07 — Логика.
- 09.00.08 — Философия науки и техники.
- 09.00.11 — Социальная философия.
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
- 09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
- 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
- 08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
- 08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 138.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Борисов Сергей Валентинович
Энциклопедия философской
практики (рецензия на книгу:
Amir L. Taking Philosophy Seriously,
Cambridge Scholars Publishing, 2018,
504 pp.)..... 132

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration
 Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprova
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 29.04.2019 r.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 12,25. Issues — 500.
 Order № 103/226.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

**Artur A. Dydrov,
 Lyudmila D. Alexandrova**
 Objectives of modern Russian
 education: philosophical
 and axiological aspects 7

Oksana N. Novikova
 Gamization of human existence,
 or Absolute power of game praxis 18

STATE AND LAW

Dmitry A. Davydov
 The state in discussions
 about post-capitalist society:
 focus on «dying off»? 27

ECONOMICS
 AND MANAGEMENT

**Svetlana R. Abramkina,
 Larisa B. Vladykina,
 Anatoly N. Lukin**
 Project management in the system
 of state and municipal government
 experience, problems
 and their solutions 37

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St. Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**Natalya Yu. Korotina,
Svetlana R. Abramkina,
Evgeny V. Aldoshenko**

Peculiarities of financial support
for socially oriented projects
in the municipality.....46

Andrey S. Yumatov

Methodological aspects
of evaluating effectiveness of using
the digital platform «State Information
System of Housing
and Public Utility Sector».....56

**Julia O. Shavrina,
Marina D. Samakayeva**

Evaluating the efficiency
of agricultural organizations
management in the period
of bankruptcy on the basis
of strategic accounting data.....71

CULTURE

Alexander S. Chuprov

The problem of the world cognition
in the light of being
and existence dialectics82

Valery A. Nekhamkin

Interdisciplinarity in modern
humanitarian knowledge:
trends, results and development
prospects.....96

Natalia G. Dyadyk

Minimalism as a form of everyday
philosophy.....106

**Ekaterina G. Milyaeva,
Regina V. Penner,
Ulyana V. Sidorova**

Methods of philosophical
practice (philosophical counseling
and companionship) in the student
audience: an educational experiment.
Part II. Existential experience.....118

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 138.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia
38909**

REVIEWS

Sergey V. Borisov

Encyclopedia of philosophical practice
(book review: Amir L.
Taking Philosophy Seriously,
Cambridge Scholars Publishing,
2018, 504 pp.) 132

Для цитирования: Дыдров А. А., Александрова Л. Д. Ориентиры современного российского образования: философско-аксиологический ракурс // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 7—17.

УДК 101.2

ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФИЛОСОФСКО- АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС¹

Дыдров Артур Александрович,

Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент.
Российская федерация,
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Александрова Людмила Дмитриевна,

Международный институт дизайна и сервиса
(ЧОУ ВО МИДИС),
директор высшей школы менеджмента,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
кандидат философских наук.
Российская федерация,
454014, Челябинск, Челябинская обл.,
ул. Ворошилова, 12.
E-mail: Aleks.l.d@rbiu.ru

Аннотация

Введение. Сфера образования неоднократно была в фокусе внимания политической элиты России. В различные исторические эпохи ценностными основаниями реформ были общественное спокойствие, укрепление православной культуры, свержение господствующего класса и воспитание строителей коммунизма. С 90-х гг. XX в. российское образование стало ориентироваться на западную модель, что отразилось на структуре образовательного процесса, содержания дисциплин, на смене приоритетов учебно-воспитательной деятельности. Современный образовательный проект «Образование 2030» ориентирован на реформирование системы образования в различных направлениях и предполагает ликвидацию традиционных институций, изменение статуса субъектов образовательного процесса, реформирование учебного процесса. Новый проект уже стал предметом пристального внимания в социально-гуманитарных исследованиях. Несмотря на это, ценностные основания масштабной реформы до сих пор не ясны.

Цель. Определить аксиологические основания проекта «Образование 2030».

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Методы. Ценностные основания выявляются с помощью философско-аксиологического и антропологического подходов, аналитического метода и экспликации (концептуализации трендов и ценностных ориентиров).

Научная новизна исследования. В большинстве социально-гуманитарных исследований, посвященных проекту «Образование 2030», последний рассматривается в социально-философском, социологическом и политологическом контекстах. Аксиологический разрез реформы образования фактически не изучен.

Результаты. В статье раскрыто содержание электронизации и продуктоориентированности как мегатрендов современного образования, соответствующих смыслу образовательного проекта. Первый тренд выражается прежде всего в «викификации» и внедрении современных технических средств обучения, создании электронных образовательных платформ. Авторы проекта предсказывают появление персональных «алмазных букварей» — систем искусственного интеллекта. Второй тренд выражается в ориентации на конкретный (как правило, коммерциализируемый) результат учебной деятельности. На этот тренд работает проектное обучение, изначально появившееся на Западе (project-based learning). Обозначенные тренды переформируют традиционную систему образования, поэтому должны стать предметом гуманитарной экспертизы. Образовательный проект не имеет строго определенных ценностных оснований. Авторы проекта утверждают, что высшей ценностью является личность в ее уникальности и единстве самостоятельности как главного личностного качества и способности совершать сознательный и ответственный выбор. Вместе с этим утверждается, что приоритетной задачей в рамках новой образовательной парадигмы является формирование профессиональных сообществ. Противоречие между индивидуалистскими и коллективистскими ценностями является фундаментальным аксиологическим противоречием, не решенным авторами проекта.

Выводы. С помощью философско-аксиологического подхода были обозначены следующие принципиальные противоречия: противоречие между принципами индивидуализма и коллективизма, между социальной и индивидуальной траекториями, перспективными и бесперспективными образовательными маршрутами, безусловной и условной ценностью личности. Последнее из противоречий должно стать предметом особого внимания в свете декларируемого приоритета прав и свобод человека.

Ключевые понятия:

ценность,
аксиология,
образование,
тренд,
транспрофессионализм.

Введение

Перспективы образования всегда были в фокусе социально-гуманитарных исследований. Это обусловлено, во-первых, исторической значимостью образования как автономной сферы общественной жизни, во-вторых, сложностью механизмов обеспечиваемой образованием социализации, в-третьих, конкретной политической, экономической и социокультурной ситуацией. Последнее из обозначенных условий существенно влияет не только на образовательные институты, но и на содержание образовательного процесса. Кроме этого, в конкретной политической, экономической и социокультурной ситуации всегда формируется особое понятие об образовании. Оно не всегда четко и ясно определено, вследствие чего у социально-гуманитарных наук возникает задача экспликации его содержания. Иными словами, важно установить, что понимают под образованием авторы проектов и реформаторы различного толка. Особую значимость имеет аксиологический аспект проектирования и реформирования образования, включающий в себя ценностные основания предполагаемых или проводимых изменений. Ради чего необходимо изменение сложившегося порядка вещей? Качество ответа на обозначенный вопрос прямо пропорционально продуманности и взвешенности постулируемых идей и принимаемых решений. В истории России есть примеры ответов на вопрос, ради чего необходимы реформы образования.

В письме Александру III от 28 марта 1883 г. обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев обосновывал необходимость повсеместной организации церковно-приходских школ. Во-первых, по мнению К. П. Победоносцева, православная вера находится в состоянии раскола, что подтверждается популярностью различных сект. Во-вторых, популярность сектантских организаций свидетельствует, в свою очередь, о духовном «невежестве» русского народа. Для решения обозначенных проблем обер-прокурор предлагал повсеместно организовать «первоначальные школы грамотности», обучающихся основам православной культуры и церковному пению. Ответственность за содержание школ К. П. Победоносцев предлагал возложить на приходские попечительства. В завершение письма обер-прокурор просил у императора поддержать Могилевское Богоявленское братство, созданное главным образом для

организации сельских приходских учебных заведений [26, с. 27—28].

После Октябрьской революции у новой власти возникла потребность в реорганизации образования. Немалое (если не преобладающее) значение в деле реформирования школы имел ценностный аспект. Он был выражен в программе РКП: образовательные учреждения должны превратиться из классовых *орудий* в *орудия* уничтожения классово-структуры. Школа должна всемерно служить коммунистическому перерождению общества. Задача школы, главным образом, заключалась в формировании идейной грамотности пролетариата, способного воспитать представителей «полупролетарских» и «непролетарских» слоев в духе новых социальных ценностей. Руководитель народного комиссариата просвещения А. В. Луначарский назвал обозначенные тезисы программы РКП «общими принципами школьной политики советской власти» [23]. С целью формирования коммунистического пролетариата церковно-приходские школы в 1917 г. были переданы в ведение народного комиссариата просвещения. По итогам первого Всероссийского съезда учителей-интернационалистов (2—6 июня 1918 г.) было решено, что школа прежде всего должна приобщать к труду [20, с. 620]. В краткой протокольной записи речи В. И. Ленина на съезде учителей было обозначено, что знание должно быть освобождено от подчинения капиталу и направлено на строительство социализма [20, с. 420].

В контексте реформаторской политики школа рассматривалась в качестве средства переустройства общества. Ее роль заключалась в воспитании человека, мировоззрение которого соответствовало бы политическим, экономическим и социокультурным переменам. Дореволюционные и советские реформаторы отдавали себе отчет в том, что школа является необходимым инструментом для формирования новых ценностей. В письме К. П. Победоносцева к Александру III социальной ценностью объявлялось православие, обеспечивающее консолидацию духовно разрозненных групп. В речи В. И. Ленина мировоззренческим ориентиром поколения должны стать социалистические идеалы. В обоих случаях статус школы не был однозначным: учебные заведения признавались, во-первых, не соответствующими социально-политическим запросам из-за приверженности традициям, а во-вторых, важнейшим средством трансформации существующего порядка, пространством формирования новых личностных и социальных качеств.

Во второй половине XX в. российское образование пережило не менее значимые, чем в послереволюционные годы, перемены. Идеологическая надстройка советского прошлого была демонтирована, а вопрос о ценностях находился в «подвешенном» состоянии. Если в прошлом школа была призвана к воспитанию ребенка в канонах православия или социалистического мироустройства и служила определенным социальным идеалам, то постсоветской школе еще предстояло определиться с тем, ради чего она существует. В Федеральном законе «Об образовании» 1992 г. были определены принципы образовательной политики, первый из которых сводится к приоритету общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, а также свободного развития личности. Школа была призвана воспитывать гражданственность, уважение к правам и свободам человека, трудолюбие и любовь к родине.

Федеральный закон и соответствующие ему целевые программы развития образования выражали общие тренды образовательной политики. Впоследствии патристическое воспитание, субъект-субъектные отношения участников учебно-воспитательного процесса, формирование толерантности и гражданской компетентности стали темами для многочисленных педагогических исследований и семинаров учителей. На уровне идеологической политики приоритет был отдан доступности образования для всех желающих и имеющихся возможность его получить. Доступность образования для всех категорий граждан сообразовывалась с принципом гуманизма, обозначенным в ФЗ 1992 г. Первым ожидаемым результатом (в целевой программе он назван «конечным») реализации образовательной программы 2011—2015 гг. является «увеличение доли образовательных услуг в валовом внутреннем продукте не менее чем на 7 процентов» [25]. Процесс коммерциализации образования, отраженный в официальных документах и воплощающийся в конкретных социальных практиках, превратил школу из «орудия» строительства нового общества или средства укрепления духовных основ общества в средство удовлетворения персональных запросов. Свидетельством тому является, например, словосочетание «образовательная услуга», употребляемое как в официальных государственных документах, так и научных исследованиях. Некоторые исследователи уже называют образовательную услугу «товаром» (см., например, статью Н. С. Исаровой [18]), «пред-

метом торговли» (например, П. А. Скворцова [27]), «продажей знаний» (например, в статье Т. Е. Степановой [28]) и т. д. Существуют, однако, и позитивные коннотации словосочетания «образовательная услуга». Е. А. Гридасова называет образовательную услугу «ценностно-гуманистическим действием» [13]. Исследователь утверждает, что обозначенные услуги отвечают требованиям и ожиданиям участников образовательного процесса и имеют гуманистический «эффект» [13, с. 53].

На сегодняшний день российское образование остается предметом многочисленных дискуссий. Одним из ключевых вопросов, требующих ясного и четкого ответа, является вопрос о перспективах существования образовательных институтов и образования вообще. Коммерциализация образования существенно влияет на всех участников образовательного процесса, побуждая одних к внедрению новаций с целью привлечения клиентов (учащихся, спонсоров, партнеров), а других — к выбору образовательных «продуктов». Очевидно, что в сложившейся системе ценностных координат клиент образовательного учреждения вправе требовать от поставщика услуг определенного результата.

Дискуссия обостряется в связи с обнародованными результатами деятельности школы Сколково, прогностических групп («Конструирование будущего», «Метавер») и заместителя руководителя Администрации Президента РФ Д. С. Пескова. За сравнительно небольшой период в России было опубликовано более десятка книг, посвященных перспективам образования и презентующих так называемые «карты будущего». Уже при первом приближении к прогностическим выкладкам понятно, что образование может кардинально измениться. Дискуссии подогреваются и в связи с заявлением руководителей форсайт-сессии «Образование 2030»: к 2030 г. традиционная школа будет «местом для неудачников». Это решительное заявление наводит на принципиально важные вопросы о будущем школы, ее месте в обществе и жизни человека. Один из непроясненных вопросов касается ценностного основания грядущих реформ: где и каким будет место для «удачливых» людей? Ради чего необходим демонтаж традиционных образовательных институтов? Для того чтобы ответить на первый вопрос, необходимо обозначить векторы трансформации образовательной среды, или образовательные «мегатренды».

Мегатренды образования

Термин «мегатренд» используется в данном случае с отсылкой к известной футурологической книге Д. Нейсбита. Футуролог определил мегатренды как «основные направления движения, которые определяют облик и суть нового общества» [24, с. 9]. В образовательном контексте мегатрендами можно назвать соответственно магистральные направления движения, определяющие суть и облик меняющейся системы образования.

Электронизация. В научной литературе используется понятие «электронизация образования» [14, с. 4]. Это понятие, во-первых, выражает и результат, и процесс изменений и в этом отношении находится в одном ряду с понятиями «интернетизация» и «компьютеризация», во-вторых, включает в себя обозначенные интернетизацию и компьютеризацию в качестве видов, в-третьих, не сводится к обучению — особого рода деятельности в границах образования. Электронизация в самом общем виде есть процесс внедрения в образовательную среду и распространения в границах этой среды электронных (в том числе цифровых) средств. Соответственно внедрению и распространению новых средств обучения, воспитания и развития меняются методы и приемы дидактики, характер воспитательной работы, структура образовательных институтов, учебные планы и программы. Иными словами, перестройка происходит на всех уровнях системы. Поскольку основным техническим средством обучения в конце XX — начале XXI столетий стал персональный компьютер, постольку понятие «компьютеризация» точно выражает технико-технологический тренд в границах электронизации. В свою очередь, интернетизация образования развивалась благодаря компьютеризации.

На «Дорожной карте» место электронизации, интернетизации и компьютеризации заняло подчиненное им понятие «викификация». Прогнозисты определяют «викификацию» как распространение форм сетевой саморегуляции общества [15]. Сам термин вошел в оборот социально-гуманитарных исследований во втором десятилетии XXI в. [2; 4; 8]. Общеизвестно, что «Википедия» произвела переворот в мировом опыте издания энциклопедических трудов. Благодаря усилиям пользователей Сети количество и качество статей Интернет-энциклопедии постоянно меняется. Столь же очевидно, что в школьной и студенческой среде «Вики-

педия», прежде всего, является лидером по числу пользовательских запросов. Участники исследовательской группы под эгидой Агентства стратегических инициатив не акцентировали внимание на оборотной стороне «викификации» — потребительстве в отношении информации. Такого рода отношение не является новинкой. Еще М. Хайдеггер выражал обеспокоенность легкостью в обращении со знанием: «... сегодня познание всего и вся доступно так быстро и так дешево, что в следующее мгновение полученное так же поспешно и забывается» [30]. Эта мысль не утратила актуальности и по сей день. В эпоху «интернетизации» и «виртуализации» образования беспокойство за будущее человека выражают отнюдь не только ученые-гуманитарии, но и специалисты в технических науках. Ярким примером в сравнительно недавнем прошлом была книга «Вы не гаджет» Д. Ланира. Исследование разработчика виртуальной не было ограничено описанием издержек «технизации» жизни человека — оно содержало конкретные рекомендации для всех пользователей Сети. Автор советовал ответственно относиться к созданию видеороликов и сообщениям в блогах, тщательно продумывать каждую идею перед тем, как обнародовать ее в социальных сетях, Живых Журналах или где-либо еще [19]. Появление обозначенных рекомендаций вполне объяснимо: потребительское отношение к знанию в эпоху электронизации образования препятствует осмыслению накопленного опыта и развращению творческих способностей.

Продуктоориентированность. Обозначенный тренд соответствует логике постнеклассической науки, ориентированной на прикладные исследования, конкретные результаты научных разработок и применение этих результатов на практике. Фонды поддержки научных исследований требуют от ученого, во-первых, предварительных результатов (так называемого «задела») научной работы, а во-вторых, подробной сметы предполагаемых расходов. Современный ученый должен не только внятно ответить на вопросы о предмете и методах своего исследования, но и на вопрос о способах применения ожидаемых результатов. «Дорожная карта» образования соответствует логике постнеклассической науки. Образование должно быть не только практикоориентированным, но и продуктоориентированным. Одна из продуктоориентированных стратегий — проектное обучение — исторически возникла за рубежом. На Западе тер-

мин project-based learning появился еще в 90-х гг. прошлого века [3]. В 2000-х гг. термин прочно вошел в оборот в научных исследованиях по педагогике [1; 6; 7; 9].

Истории известны различные формы совмещения учебной и практической деятельности. Еще в XIX в. в европейских странах (прежде всего, в Британии) воплотилась идея трудового обучения. Мастерская была названа «местом детского творчества». Необходимость работы в мастерских обосновывалась идеей всестороннего развития ребенка и баланса в формировании интеллектуальных и физических способностей (Архипова Л. В. Техническое образование в Британии в XIX в.: от фабричного ученичества к техническим школам). Трудовое обучение развивалось и в США, и в республиках СССР. Строго говоря, практико-ориентированность школьного и вузовского образования не является трендом. В постсоветской России произошел сдвиг идеологии образования к идее продуктоориентированности. Современное образование прежде всего ориентировано на реализацию проектов. Проектное обучение реализуется ведущими образовательными институтами страны. Его особенностью является ориентация всех субъектов образования на конкретный результат (как правило, на продукт). Произошел сдвиг от идеи трудового обучения, значимого для всестороннего развития ребенка, к идее результативности образовательной деятельности. Значимость проектной работы зависит от социального запроса (в особенности, от запроса в бизнес-среде) и конвертации результатов в прибыль. Авторы «Дорожной карты» не без оснований противопоставляют модель продуктоориентированного образования, связанного с разработкой и реализацией проектов и «стартапов», традиционной образовательной модели. Последняя исключает смычку образования с бизнес-деятельностью и не предполагает акцентуации внимания педагога и ученика на создании и реализации проекта. Обозначенный тренд требует основательной гуманитарной экспертизы и, в том числе, философского осмысления проектной деятельности как таковой. Возможно, поспешность в признании ценности проектного обучения повлечет за собой неоправданные и непоправимые последствия. Вызывает вопросы сама смена приоритетов, выраженная не только идеологией проективности, но и соответствующего ей обесценивания традиционного образовательного уклада. Действительно ли проектная деятельность с

ее ориентацией на продукт ликвидирует все «издержки» старой системы? Как проектная «парадигма» повлияет на человека? Какова связь проектной деятельности и творчества? Все обозначенные вопросы требуют вдумчивого отношения.

Во второй половине прошлого столетия в образовательный процесс активно внедрялись так называемые «технические средства обучения» (ТСО). Студенты педагогических вузов еще в 2000-х гг. изучали соответствующий образовательный курс и по итогам аттестации должны были уверенно пользоваться различными устройствами, начиная от кинопроектора «Украина-5» и заканчивая персональным компьютером. Очевидно, что электронизация образования, по версии Агентства стратегических инициатив, предполагает переход пользователя на качественно иной уровень. Главным направлением электронизации является виртуализация образования, то есть интеграция в образовательные практики сложного программного обеспечения. Программы-симуляторы включают в себя модели изучаемых объектов и в известной мере позволяют «манипулировать» этими моделями. Традиционное обучение с помощью учебников и учебных пособий, атласов и глобуса, может окончательно уйти в прошлое или сохранится в качестве контркультурной практики. Участники форсайтов по образовательной проблематике видят новое место образования в Сети и виртуальной реальности, где будет осуществляться компьютерно-опосредованная коммуникация (computer-mediated communication) [5].

Ускоренный обмен сообщениями и соответствующая ему организация деловых сообществ необходимы для интенсивного принятия решений и реализации разрабатываемых проектов. Сложившаяся форма коммуникации — компьютерно-опосредованная коммуникация — эффективно обслуживает тренд продуктоориентированности. В этом отношении традиционное непосредственное взаимодействие участников образовательного процесса заметно проигрывает в скорости генерации идей и принятия решений. Признавая очевидные достоинства компьютерно-опосредованной коммуникации, следует обстоятельно разобраться в рисках, обусловленных такого рода взаимодействием. Между тем, в пространстве масс-медиа риски не обозначаются, вследствие чего их выявление фактически остается делом научного и философского сообществ. Например, статья «Википедии» завершается перечислением преимуществ компьютерно-

опосредованной коммуникации: преодоление «географического фактора» во взаимодействии участников проектов, быстрая установка контактов с новыми людьми и некоторые другие. Со ссылкой на экспериментальные исследования (см.: A. Schouten, P. Valkenburg, J. Peter, «An Experimental Test of Processes Underlying Self-Disclosure in Computer-Mediated Communication» [10]) анонимный автор статьи «Википедии» говорит о том, что компьютерно-опосредованное обучение, в отличие от непосредственной коммуникации, позволяет минимизировать стресс. Вероятно, автор энциклопедической статьи ограничился введением в исследование и не познакомился с его выводами. Авторы вышеобозначенного научного исследования пытались сравнить степень самораскрытия личности в непосредственном и опосредованном общении. Они предположили, что компьютерно-опосредованная коммуникация способствует раскрытию человека вплоть до откровений об интимных сторонах его жизни. В выводах исследователи сообщили, что гипотеза не подтвердилась.

Демонтаж традиционной системы образования с присущим ей непосредственным взаимодействием учителя и ученика совершается ради перехода к компьютерно-опосредованной коммуникации. На «Дорожной карте» Агентства стратегических инициатив указаны предполагаемые названия и краткие характеристики образовательных новшеств будущего. Прежде всего это «алмазные буквари», то есть персональные образовательные системы с искусственным интеллектом, распространение «умной среды» (перенос максимально полных данных об объекте из физической среды в виртуальную среду), распространение телесных интерфейсов (синтез физического тела и компьютерного hardware). Все обозначенные технологии отмечены на границе с «областью» сингулярности. Понятие сингулярности имеет, как известно, различные смыслы (математический, физический, философский). Ориентируясь на предсказания математика В. Винджа и западных трансгуманистов (Н. Бострома, Д. Пирса и др.) авторы «Дорожной карты» говорят не о математической или космологической, а о технологической сингулярности. Сторонники технологической сингулярности полагают, что вычислительные мощности компьютеров будут какое-то время (по оценке Н. Бострома, около 15 лет [12, с. 337]) расти в соответствии с т. н. «законом» Мура, но впоследствии вый-

дут за рамки этого «закона». К слову, Н. Бостром как один из наиболее известных сторонников технологической сингулярности уверен в том, что искусственный интеллект будет создан вне зависимости от намерений политиков: «Коллективное решение запретить новые исследования в этой области [в разработке ИИ — прим. А. Д.] не сможет быть достигнуто и успешно воплощено...» [12, с. 336]. Не удивительно, что в качестве наиболее адекватной технологической сингулярности образовательной формы авторы «Дорожной карты» называют «алмазные буквари». Эта гипотетическая технология полностью соответствует, во-первых, концепции сингулярности, а во-вторых, времени, экспрессивно обозначенному философом Ж. Липовецки как «эра пустоты» [21]. По мнению Ж. Липовецки, в XX в. произошел решительный аксиологический поворот в общественном мнении западных стран: в открытых обществах главными ценностями были признаны эффективность дела и мнение индивида [21, с. 319]. «Социальное пространство» — традиционный источник «гнета монолитности» (норм, правил, идеологий и т. д.) — при этом должно быть только «фоном» [21, с. 321]. Все обозначенные на «Дорожной карте» гипотетические тренды практически ничего не говорят о будущем человека как социального существа, но ставят акценты на когнитивных способностях и трансформациях тела (впрочем, в данных случаях предсказания не выходят за рамки концепции технологической сингулярности и трансгуманизма).

Таким образом, «мегатрендами» образования будущего, согласно форсайт-проекту являются, прежде всего, продуктоориентированность и электронизация. Первый тренд уже сегодня обслуживается так называемым «проектным обучением» (project-based learning) и предполагает целенаправленную реализацию определенного проекта (как правило, конвертируемого в деньги). Второй тренд связан с интенсивной организацией «умной» среды, компьютерно-опосредованной коммуникацией, развитием виртуальных образовательных платформ, и граничит с гипотетической «зоной сингулярности». Мероприятия планируемых масштабов должны иметь прочное ценностное основание. Ценностные основания необходимы не только и не столько для оправдания возможных рисков, сколько для органической целостности реформы. Тем более, на кон поставлено образование — индивидуальная и социальная практика, связывающая

поколения и являющаяся артерией социокультурной действительности.

Аксиологические основания проекта образовательной реформы

Следует оговориться, что «Образование 2030» (в другой редакции — «Образование 2035») открыто не определяется Агентством стратегических инициатив в качестве реформы или проекта. В аннотации материалов «Образование 20.35. Будущее» обозначено, что все изложенное в книге является прогнозом, учитывающим глобальные тренды и новые технологии. Несмотря на это, в предисловии профессор школы Сколково П. О. Лукша пишет: «Мы были глубоко убеждены, что цифровые технологии являются драйверами изменений в образовании, что самая главная задача [курсив мой — А. Д.] — это создание из разных инструментов индивидуализации образовательных маршрутов, что главным инструментом, который будет эту задачу решать, будет искусственный интеллект...» [22]. Форсайт «Образование 2030», безусловно, имел не только познавательное, но и стратегическое значение. Его материалы используются в качестве ориентиров образовательной политики: реализация новых поколений учебных программ, внедрение «элитного» образования и «проектного» обучения, организация смешанного обучения, присвоение некоторыми высшими учебными заведениями статуса smart-университетов, сокращение аудиторной работы — вот лишь некоторые примеры изменений на местах. Поскольку форсайт-сессии решали не только прогностическую, но и политическую задачу, вопрос об аксиологических основаниях является вполне уместным. Ценностные основания «Образования 2030» («Образования 2035») были обозначены организаторами сессий в нескольких строках. Согласно заявлению П. О. Лукши, новая образовательная политика является гуманоцентрической: «... образовательные технологии по сравнению с человеческими качествами вторичны» [22]. Оказывается, новые образовательные технологии внедряются для формирования «главных человеческих качеств» — самомотивации, способности выбирать, способности действовать в определенном направлении, в соответствии с определенными ценностями [22]. По выражению автора книги, образовательный проект ориентирован на нового человека, обладающего, в сравнении с человеком прошлого, важным «дополнительным» ка-

чеством — самостоятельностью [22]. Однако в завершение предисловия П. О. Лукша утверждает, что нет ничего важнее интеграции в коллектив и командного духа: «Более важно развивать потенциал связности между людьми, выращивание сообществ» [22]. Таким образом, не совсем понятно, что же все-таки ставится во главу угла — ценность личности или ценность коллектива, ценности коллективизма и командного духа или ценности самостоятельности и произвольного выбора?

Индивидуальная и командная работа требуют, очевидно, различных умений и навыков. В исследованиях Э. Ф. Зеера, посвященных новому феномену трансфессионализма, последний определяется в качестве конвергенции профессиональных компетенций, принадлежащих к разным специализированным областям [17, с. 9]. Подавляющее число так называемых «метапрофессиональных» компетенций непосредственным образом связаны с коллективистскими принципами: социально-профессиональная мобильность, коммуникативность, ответственность, корпоративность, коллективизм [17, с. 24]. Определение их соотношения с принципами индивидуализма представляет собой не только научно-исследовательскую, но и социальную проблему. Б. О. Майер и Д. В. Евзрезов видят опасность легитимации индивидуальных образовательных траекторий в том, что эта практика приведет к дифференциации общества (впрочем, и без того дифференцированного) по профессиональному признаку (а вследствие, и по материальному). Расслоению послужит и принципиальная разница в знаниях, умениях и навыках, полученных в границах индивидуальных образовательных траекторий. Исследователи прогнозируют появление образовательной элиты, противостоящей аутсайдерам, людям без «метакомпетенций», конец традиционной педагогики и дидактики и появление компьютерно-игровой симуляции учебно-воспитательных процессов. Авторы проекта, критикующие государственное образование, не вносят никаких конструктивных предложений [16, с. 154—156]. Исследователи, таким образом, акцентировали внимание на возможной социальной дифференциации, элитарности образования будущего и на девальвации традиционной дидактики. Но не меньшую значимость имеет вопрос о будущем каждой отдельной личности.

Аксиологические основания образовательного проекта включают в себя ценности индивидуализма и коллективизма. Их соотношение совсем не однозначно: высшей

ценностью объявляются свобода выбора и самостоятельность в мысли и действии; наряду с этим декларируется принципиальная важность формирования «метакомпетенций» — корпоративизма, коммуникабельности, коллективизма и т. д. В связи с этим актуализируются вопросы о свободе выбора как высшей ценности: о каком выборе идет речь? Каковы границы свободы выбора? Члены инициативной группы Агентства стратегических инициатив и школы Сколково еще в 2015 г. опубликовали «Атлас новых профессий», представляющий собой каталог условно обозначенных специальностей и занятий будущего [11]. Перечень новых профессий задает границы самоопределению человека. Это, конечно, не означает, что человек будет обязан учиться какой-то конкретной специализации из «Атласа». Тем не менее, организаторы форсайт-сессий фактически разграничили профессии как минимум на две категории — перспективные (они представлены в «Атласе») и неактуальные, исчезающие, бесперспективные. Составители «Атласа» призывают человека к постоянному самоизменению, самостоятельности, взвешенности в принятии решений. Индивидуальная образовательная траектория, таким образом, должна начинаться с выбора обучающих курсов, а продолжиться выбором будущей профессии. Иначе говоря, человек сам будет гарантом своего образования.

Определение достоинств и угроз обозначенных трендов, прежде всего легитимации индивидуальных образовательных траекторий, электронизации, продуктоориентированности, развивающихся на фоне традиционного «патерналистского» образования, является сегодня одним из важнейших предметов для осмысления. Эта важность непосредственно связана с исключительным, уникальным положением образования как ступени социализации, канала для передачи накопленного социального опыта, сферы превращения задатков в способности и приобщения к социокультурным образцам. Аксиологические основания образовательного проекта — это далеко не единственный, но значимый предмет исследования. У масштабных преобразований прошлого такие основания были. Они могли работать как на укрепление сложившегося порядка, так и на монтаж нового. Из этого, конечно, не следует, что определение аксиологических координат решает все социальные и личные проблемы. Но тем не менее ценностные ориентиры важны для сборки различных (нередко даже принципиально различных)

мероприятий под эгидой реформаторской политики. Ценностные ориентиры работают также на установление связи между адресантом и адресатом реформ. Уже в результате первичного анализа выяснилось, что наличие прочных ценностных оснований в новом образовательном проекте вовсе не очевидно.

Заключение

В результате анализа аксиологических оснований образовательного проекта можно обозначить некоторые наиболее важные коллизии между декларируемыми принципами образовательной политики. Ниже следующий перечень не исчерпывает всех возможных противоречий и резюмирует результаты первичного анализа проекта реформы образования:

1. Противоречие между принципами индивидуализма и коллективизма. В соответствии с принципом индивидуализма, высшей ценностью является личность, ее взгляды, вкусы и убеждения, права и свободы. Несмотря на это, в документах форсайт-сессий прямо говорится, что одна из приоритетных задач образования заключается в формировании «метакомпетенций», служащих интеграции человека в определенные профессиональные сообщества. Более того, образование будущего должно быть ориентировано на «выращивание сообществ» (выражение П. О. Лукши). Остается загадкой, как это будет связано с ценностью личности, уважением к ее правам и свободам. Не понятно и то, как обстоит дело с «выращиванием» личности в качестве главной цели гуманистического образования.

2. Противоречие между персональной и социальной траекториями. Определение персональной образовательной траектории, сквозь призму ценности индивидуализма, является личным делом каждого. В связи с возможной легитимацией персональных траекторий возникает вопрос, насколько эти траектории будут действительно персональными, то есть заданными исключительно запросами самой личности. Повсеместная легитимация индивидуальных образовательных траекторий влечет за собой известные риски: еще не сформировавшийся как личность человек несет большой груз ответственности за свои решения. Естественно, эти решения далеко не всегда будут рациональными и стратегически верными. В таком случае могут возникнуть серьезные проблемы с трудоустройством и социализацией вообще.

3. Противоречие между перспективными образовательными маршрутами и специализациями и бесперспективными маршрутами и специализациями. Авторы образовательного проекта составили перечень перспективных профессий и специализаций будущего. Само по себе появление перечня уже может спровоцировать внутриличностный конфликт, вызванный осознанием ненужности, бесполезности полученных знаний и профессии. На аксиологическом уровне четко выделились две категории специализаций и занятий — перспективные, ускоряющие процесс социализации и позволяющие повысить качество жизни и бесперспективные, коннотированные как «лишние» и «отживающие свой век».

4. Противоречие между безусловной и условной ценностью личности. Пожалуй, наиболее фундаментальное противоречие, возникающее в связи с внедрением масштабного образовательного проекта, совсем не ново и уже было выявлено мыслителями прошлого — противоречие между безусловной и условной ценностью личности. Общеизвестный моральный императив кантианской философии обязывал относиться к человеку как к цели, но не как к средству. Позднее марксисты и неомарксисты (Г. Маркузе, Э. Фромм) по-новому осмыслили обозначенное противоречие как напряженность между отчужденным и неотчужденным трудом. Отчужденный труд, по убеждению Э. Фромма, не изолирован от иных форм взаимодействия с миром. В конечном счете и в пределе человек отчуждается от себя самого, «расчлняясь» на непримиримо враждующие части (Фромм). Сегодня, в век высоких технологий и претенциозных проектов, проблема отчуждения не исчезла. Что будет высшей ценностью в эпоху продуктоориентированного образования — личность или результат проекта? Будут ли организаторы нового образования ценить личность во всей ее уникальности или она — личность — будет только средством реализации претенциозных замыслов (проектов, стартапов и т. д.)?

1. Ayas K. Project-based Learning: Building Communities of Reflective Practitioners // *Management Learning*. 2001. №1 (32). P. 61—76.

2. Alonso O. Automatic story evolution wikification from social data // 12th International AAAI Conference on Web and Social Media. 2018. P. 713—714.

3. Barron B. J. S. Doing with Understanding: Lessons from Research on Problem- and Project-Based Learning // *Journal of the Learning Sciences*. 1998. № 3—4 (7). P. 271—311.

4. Bartunov S. WikifyMe: Creating testbed for wikifiers // *CEUR Workshop Proceedings*. 2011. Vol. 735. Pp. 38—42.

5. Joinson A.N. Self-disclosure in computer-mediated communication: The role of self-awareness and visual anonymity // *European Journal of Social Psychology*. 2001. № 2 (31). P. 177—192.

6. Helle L. Project-based learning in post-secondary education — Theory, practice and rubber sling shots // *Higher Education*. 2006. № 2 (51). P. 287—314.

7. Keegan A. Quantity versus Quality in Project-based Learning Practices // *Management Learning*. 2001. № 1 (32). P. 77—98.

8. Kim S. Wikification of concept mentions within spoken dialogues using domain constraints from Wikipedia // *Conference Proceedings — EMNLP 2015: Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. 2015. P. 2225—2229.

9. Scarbrough H. Project-based learning and the role of learning boundaries // *Organization Studies*. 2004. № 9 (25). P. 1579—1600.

10. Schouten A. An Experimental Test of Processes Underlying Self-Disclosure in Computer-Mediated Communication. URL: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4227/3270> (дата обращения: 12.03.2019).

11. Атлас новых профессий. URL: http://atlas100.ru/upload/pdf_files/atlas.pdf (дата обращения: 12.03.2019).

12. Бостром Н. Сколько осталось до суперинтеллекта? // *Информационное общество*. М. : АСТ, 2004. С. 313—340.

13. Гридасова Е. А. Образовательная услуга как ценностно-гуманистическое действие // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2014. № 2 (3). С. 42—55.

14. Гриценко В. И. Перспективы компьютерного обучения // *Управляющие системы и машины*. 2009. № 2. С. 3—14.

15. Дорожная карта «Образование 2030». URL: <https://asi.ru/news/2475/> (дата обращения: 12.03.2019).

16. Евзрезов Д. В. «Образование 2030» — вызов системе образования. Часть 3: Смена государственного образования на частное элитарное // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2014. № 2 (18). С. 150—161.

17. Зеер Э. Ф. Методологические ориентиры развития транспрофессионализма педагогов профессионального образования // *Образование и наука*. 2017. № 8 (19). С. 9—28.

18. Исарова Н. С. Образовательные услуги как специфический товар на рынке образовательных услуг // *Вестник Российского нового университета*. Серия: Человек и общество. 2008. № 4. С. 55—61.

19. Ланир Д. Вы не гаджет: манифест. М. : Астрель, 2011. 320 с.

20. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М. : Изд-во полит. лит., 1969. 742 с.

21. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб. : Владимир Даль, 2001. 336 с.

22. Лукша П. О. Образование 20.35. Будущее. URL: <https://rf2035.net/books/2-06> (дата обращения: 12.03.2019).

23. Луначарский А. В. Владимир Ильич и народное просвещение. URL: <http://lunacharsky>.

newgod.su/lib/o-vospitanii-i-obrazovanii/vladimir-ilich-i-narodnoe-prosveshenie/ (дата обращения: 12.03.2019).

24. Нейсбит Д. Мегатренды. М. : АСТ : Ермак, 2003. 380 с.

25. О Федеральной целевой программе развития образования на 2011—2015 гг. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902264966> (дата обращения: 12.03.2019).

26. Победоносцев К. П. Письма Победоносцева к Александру III (с приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II). М. : Новая Москва, 1926. 382 с.

27. Скворцова П. А. Образовательные услуги как предмет торговли в современном мире // Студенческая наука XXI века. 2016. № 2-2 (9). С. 185—186.

28. Степанова Т. Е. Продажа знаний. Проблемы ценообразования на рынке образовательных услуг // Российское предпринимательство. 2004. № 4. С. 43—48.

29. Фромм Э. Марксова концепция человека. URL: https://scepis.net/library/id_642.html (дата обращения: 12.03.2019).

30. Хайдеггер М. Отрешенность. URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 12.03.2019).

References

1. Ayas K. (2001) *Management Learning*, no. 1 (32), pp. 61—76 [in Eng].
2. Alonso O. (2018) Automatic story evolution wikification from social data // 12th International AAAI Conference on Web and Social Media, pp. 713—714 [in Eng].
3. Barron B.J.S. (1998) *Journal of the Learning Sciences*, no. 3-4 (7), pp. 271—311 [in Eng].
4. Bartunov S. (2011) WikifyMe: Creating testbed for wikifiers // CEUR Workshop Proceedings., vol. 735, pp. 38—42 [in Eng].
5. Joinson A.N. (2001) *European Journal of Social Psychology*, no. 2 (31), pp. 177—192 [in Eng].
6. Helle L. (2006) *Higher Education*, no. 2 (51), pp. 287—314 [in Eng].
7. Keegan A. (2001) *Management Learning*, no. 1 (32), pp. 77—98 [in Eng].
8. Kim S. (2015) Wikification of concept mentions within spoken dialogues using domain constraints from Wikipedia // Conference Proceedings — EMNLP 2015: Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, pp. 2225—2229 [in Eng].
9. Scarbrough H. (2004) *Organization Studies*, no. 9 (25), pp. 1579—1600 [in Eng].
10. Schouten A. An Experimental Test of Processes Underlying Self-Disclosure in Computer-Mediated Communication. Available at: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4227/3270>, accessed 12.03.2019 [in Eng]
11. Atlas novyh professij. Available at: http://atlas100.ru/upload/pdf_files/atlas.pdf, accessed 12.03.2019 [in Rus]
12. Bostrom N. (2004) Skol'ko ostalos' do super-intellekta? // Informacionnoe obshchestvo. Moscow, AST Publ., pp. 313—340. [in Rus]
13. Gridasova E.A. (2014) *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no. 2 (3), pp. 42—55. [in Rus]
14. Gricenko V.I. (2009) *Upravljajushhie sistemy i mashiny*, no. 2, pp. 3—14. [in Rus]
15. Dorozhnaja karta «Obrazovanie 2030». Available at: <https://asi.ru/news/2475>, accessed 12.03.2019 [in Rus].
16. Evzrezov D.V. (2014) *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2 (18), pp. 150—161 [in Rus].
17. Zeer Je.F. (2017) *Obrazovanie i nauka*, no. 8 (19), pp. 9—28. [in Rus].
18. Isarova N.S. (2008) *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek i obshchestvo*, no. 4, pp. 55—61 [in Rus].
19. Lanir D. (2011) Vy ne gadzhet. Moscow, Astrel' Publ., 320 p. [in Rus].
20. Lenin V.I. (1969) *Polnoe sobranie sochinenij*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., vol. 36, 742 p. [in Rus].
21. Lipovecki Zh. (2001) *Jera pustoty. Jesse o sovremennom individualizme*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 336 p. [in Rus].
22. Luksha P.O. *Obrazovanie 2035. Budushhee*. Available at: <https://rf2035.net/books/2-06>, accessed 12.03.2019 [in Rus].
23. Lunacharskij A.V. Vladimir Il'ich i narodnoe prosveshenie. Available at: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-vospitanii-i-obrazovanii/vladimir-ilich-i-narodnoe-prosveshenie>, accessed 12.03.2019 [in Rus].
24. Nejsbit D. (2003) *Megatrendy*. Moscow, AST Publ., Ermak Publ., 380 p. [in Rus].
25. О Федеральной целевой программе развития образования на 2011—2015 гг. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902264966>, accessed 12.03.2019 [in Rus].
26. Победоносцев К.П. (1926) *Pis'ma Pobedonosceva k Aleksandru III (s prilozheniem pisem k v. kн. Sergeju Aleksandrovichu i Nikolaju II)*. Moscow, Novaja Moskva Publ., 382 p. [in Rus].
27. Skvorcova P.A. (2016) *Studencheskaja nauka XXI veka*, no. 2-2(9), pp. 185—186 [in Rus].
28. Stepanova T.E. (2004) *Rossijskoe predprinimatel'stvo*, no. 4, pp. 43—48. [in Rus].
29. Fromm Je. Marksova koncepcija cheloveka. Available at: https://scepis.net/library/id_642.html, accessed 12.03.2019 [in Rus].
30. Hajdegger M. Otreshennost'. Available at: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt>, accessed 12.03.2019 [in Rus].

For citing: Dydrov A.A., Alexandrova L.D.
Objectives of modern Russian education:
philosophical and axiological aspects //
Socium i vlast'. 2019. № 2 (76). P. 7—17.

UDC 101.2

OBJECTIVES OF MODERN RUSSIAN EDUCATION: PHILOSOPHICAL AND AXIOLOGICAL ASPECTS

Artur A. Dydrov,

South Ural State University (NRU),
Associate Professor
of the Department Chair of Philosophy,
Cand.Sc (Philosophy), Associate Professor.
Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Lyudmila D. Alexandrova,

International Institute of Design and Service,
Director of Higher School of Management,
Associate Professor
of the Department Chair of the Humanities,
Cand.Sc (Philosophy).
Russian Federation,
454014, Chelyabinsk, ulitsa Voroshilova, 12.
E-mail: Aleks.l.d@rbiu.ru

Abstract

Introduction. The sphere of education has repeatedly been the focus of political elite's attention in Russia. In various historical epochs, the value-based arguments for the reforms were social peace, strengthening of Orthodox culture, overthrow of the ruling class and education of the builders of communism. Since the 1990s Russian education began to focus on the Western model, which was reflected in the structure of the educational process, the content of disciplines, the change of priorities in educational activities. The modern educational project "Education 2030" is focused on reforming the education system in various directions and involves the elimination of traditional institutions, changing the status of educational process subjects, reforming the educational process. The new project has already become the subject of close attention in social and humanitarian researches. Despite this, the value-based arguments for a large-scale reform are still not clear.

The aim of the paper is to identify the axiological arguments for the "Education 2030" project.

Methods. The value-based arguments are identified with the help of philosophical, axiological

and anthropological approaches, analytical method and explication (conceptualization of trends and value orientations).

Scientific novelty of the study. In most social and humanitarian studies on the "Education 2030" project the latter is considered in a socio-philosophical, sociological and political contexts. The axiological aspect of the education reform has not actually been studied.

Results. The article reveals the content of electrification and product orientation as megatrends of modern education, corresponding to the meaning of the educational project. The first trend is expressed primarily in the "wikification" and introduction of modern technical teaching aids, creation of electronic educational platforms. The authors of the project predict introducing personal "diamond ABC books" - artificial intelligence systems. The second trend is expressed in the orientation towards a specific (as a rule, commercialized) result of educational activity. This trend is supported by the project-based learning, which initially appeared in the West.

The indicated trends reformat the traditional education system and therefore they should be the subject of humanitarian expertise. The educational project has no strictly defined value-based foundations. The authors of the project claim that the highest value is the personality in its uniqueness and unity of independence as the main personal quality and ability to make a conscious and responsible choice. At the same time, it is stated that forming professional communities is a priority within the framework of the new educational paradigm. The contradiction between individualistic and collectivist values is a fundamental axiological contradiction that has not been resolved by the authors of the project.

Conclusions. With the help of the philosophical-axiological approach the following principal contradictions were identified: the contradiction between the principles of individualism and collectivism, between social and individual trajectories, perspective and unpromising educational routes, unconditional and conditional value of the individual. The last of the contradictions should be the subject of special attention in the light of the declared priority of human rights and freedoms.

Key concepts:

value,
axiology,
education,
trend
transprofessionalism.

Для цитирования: Новикова О. Н.
Игроизация бытия человека,
или Всевластие игрового праксиса //
Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 18—26.

УДК 130.2

ИГРОИЗАЦИЯ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА, ИЛИ ВСЕВЛАСТИЕ ИГРОВОГО ПРАКСИСА

Новикова Оксана Николаевна,

Уральский государственный
лесотехнический университет,
заведующий кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат педагогических наук, доцент.
Российская Федерация,
620100, Свердловская область,
г. Екатеринбург, Сибирский тракт, д. 37.
E-mail: oksnovi@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что сегодня понятие игры тотально употребляется во всех формах и сферах человеческой деятельности. Современное состояние культуры демонстрирует проникновение игровых практик или их элементов во все сферы человеческой деятельности. Поэтому сегодня возникает необходимость анализа концепта «игрового праксиса» в качестве модуса человеческого мироощущения, сопряженного с жизненными процессами, деконструирующими не только сознание современника, но и саму реальность, порождая в ней черты и свойства, ранее ей не присущие и в силу этого не попадавшие в поле зрения исследователей.

Цель статьи заключена в анализе антропологического феномена всевластия игрового праксиса как модуса бытия человека в культуре постмодерна. В соответствии с целью были поставлены **задачи:** выявить специфику и место игры в повседневном бытии современного человека; раскрыть характерные особенности феномена игроизации бытия человека; проанализировать механизмы всевластия игрового праксиса, выявив его антропологические, социальные и культурные смыслы на основе феноменологического, антропологического и культурологического подходов.

Научная новизна исследования. Даны определения понятия игровой практики, игрового праксиса. Выявлены характеристики игры в качестве модуса мироощущения человека в повседневности, мотивированного потребностью в соревновании для достижения успеха и победного превосходства над другими.

Результаты. На основе анализа трудов современных авторов дано описание игроизации бытия человека в современном обществе, под которым мы понимаем процесс конструирования собственной реальности посредством симуляций и симулякров, интерпретируемых в процессе игровой коммуникации, как с самим собой, так и с окружающим миром. Игроизация становится всеобщим актом общения, в котором человек ищет выход за пределы самого себя, постоянно соединяя и сопоставляя себя и Другого, самостоятельно выстраивая границы допустимого, дозволенного себе и Другим.

Ключевые понятия:

игровой праксис,
игроизация бытия,
гедонизация жизненного мира человека,
бытийное слияние пространства игры и власти,
мифологизация облика человека-игрока.

Введение

Традиционно игра, являясь фундаментальной особенностью человеческого существования, определяла не только быт и нравы человека, но прежде всего способность понимать себя, мира и окружающих. В классическом понимании игра противопоставляется труду и власти как занятие, не приносящее прибыль, удаленное от жизненных проблем и необходимости, что подтверждается теоретическими разработками проблемы взаимоотношения игры и трудовой деятельности Г. В. Плеханова, В. Вундт, С. Холла и др. [7, 16, 21]. Так, например, В. Вундт констатирует, что «игра устраняет при этом полезную цель труда и, следовательно, делает целью этот самый приятный результат, сопровождающий труд» [7, с. 181].

Игра в противовес труду определяется как некая свобода, удаленность от жизненных проблем и трудностей, беззаботный процесс деятельности, сулящий получение необходимых эмоций. Она воспринимается как такая практика, в которой человек полностью владеет ситуацией, в которой самостоятельно выбирает возможность своего участия или бездействия в игровом процессе, определяет необходимый ему способ и правила данной игры. Игра как свобода, данная человеку на уровне «игрового инстинкта» [23], становится механизмом его актуализации в социокультурном пространстве.

Вместе с тем эпоха постмодерна вносит коррективы в определение игры, рассматривая ее как непродуктивную деятельность и бесполезную растрату сил (Ж. Батай, Ж. Бодрийяр), ведь она вовлекает человека в точку невозврата, заставляя его раз за разом возвращаться в игровой процесс, приобретая зависимость от него [2]. Ж. Бодрийяр предостерегает «о присущей игре силе соблазна. Не только той, что увлекает и приковывает вас к игре, но и связывает с игровым правилом трансмутировать ценности» [4, с. 243].

Методы и материалы

Решение поставленных задач опирается на феноменологию Э. Гуссерля, рассматривающего ее как науку о предметах опыта или жизненного мира человека, включающего в себя людей с их повседневной практикой существования, все возможные целеполагания, жизненные проекты, итоги прошлого жизненного опыта, практику

созидания всех форм культуры [9, с. 65.]. С этих позиций описываются феномены всевластия игрового праксиса и игроизации бытия жизненного мира человека. В ходе осмысления данных феноменов был использован также теоретический и методологический потенциал деятельностного подхода в сочетании с системной методологией в ее функционально-структурном аспекте. Использовались также общелогические методы научного исследования.

Обсуждение

В современной культуре постмодерна потребительское мировоззрение рассматривает игру как форму, вид потребления, факт жизни, где через игровую повторяемость человек научается раз за разом осваивать новые приемы, способы и возможности иной жизни, где характер и само содержание игры диктуется гедонизацией культуры. Гедонизм направляет человека на выбор наиболее доступных простейших форм деятельности, не требующих особых затрат, дающих удовлетворение, положительные эмоции.

Современная игровая практика предлагает преодолеть границы, рамки своего жизненного статуса, социальной роли, меняет взгляд на вещи, предметы и явления, также подвергаемые изменениям в реальной действительности. Игровые практики определяются нами как форсайт-технологии и трансгрессии бытия человека, имеющие стратегический характер броска в будущее и направленные на самоопределение, самореализацию человека, когда он, сознательно погружаясь в игровой фрейм, находит ответы на поставленные вопросы, решает определенные жизненные задачи [3, с. 112—118]. Совокупность игровых практик охватывается понятием «игровой праксис», который определяется нами как модус бытия человека в современности, экзистенциал бытия, позволяющий преобразовать реальность, найти в ней черты и свойства, удовлетворяющие потребности человека.

Игровой праксис прежде всего удовлетворяет потребность человека в свободе, при этом человек приобретает чувство свободы не только «свободы от...», но и «свободы для...», не только по отношению к внешним обстоятельствам, но и в отношении самого себя. «Движение свободы через игру приближает человека к свободе, ибо, познав и ощутив ее в мире условном, он перенесет это ощущение в мир жизненные реалии и будет искать свободы, жаждать ее,

обратившись, возможно, внутрь себя в этих поисках» [18, с. 65].

Далее важно герменевтическое значение игрового праксиса как модуса бытия человека. Игровой праксис становится способом понимания человеком самого себя, формой самоидентификации и презентации миру. Он дает шанс человеку постичь сложные и недостижимые экзистенции реальности, привнося иной смысл в собственную бытийность, через поливариативный выбор самого себя. «Процесс игроизации человеческих отношений базируется на моделировании искусственной реальности внутри подлинной путем привнесения в нее субъективных смыслов». Именно так понимает феномен игроизации бытия Л. Т. Ретюнских, считая, что «игроизация — это элементы игры, существующие в других сферах бытия, но не сводящие их к игре» [17, с. 135].

На наш взгляд, в условиях постмодерна игроизация общества и культуры принимает качественно новый характер, более радикальный и более глубокий в силу появления новых интерактивных технологий и компьютерных игр. Сегодня игровой праксис становится сущностью, константой бытия, определяющей не только деятельность человека, но и его мироощущение и мировосприятие. Жизненные потребности современника, формируясь в достижении конкретных целей, разыгрывают образ, идею, предмет, олицетворяющий конкретный финал действий — игроизацию бытия. Игровые элементы получают все большее распространение и значение в жизнедеятельности человека, приобретая над ним власть.

Власть и игра тесно связаны друг с другом; так, Г. Г. Гадамер констатирует: «Игра имеет место там, и даже преимущественно и собственно там, где тематические горизонты не сужаются для себя — бытием субъективности и где нет субъекта, ведущего себя по-игровому. Игра играет сама по себе, субъект игры — это не игрок, субъект игры — <...> сама игра» [8, с. 155]. Игра превращается для вовлеченного в нее игрока в доминирующую реальность, т. е. она получает власть над самим человеком, полностью захватывая и покоряя его, задавая порядок и структуру игрового праксиса. Желание власти, т. е. исполнение своей воли, является энергией жизни человека, мотивированного игрой, дающей энергию и развитие способностей.

В структурной технологии власти и игровой деятельности много общего: и то, и другое является средством для достижения

конкретных целей; формируют необходимые качества у человека; по своей сути представляют собой череду меняющихся в определенном порядке событий, явлений и сообщений, наделенных двояким смыслом (скрытым и явным), ведущих к нужному результату; образуют жизненные сценарии как искусственные системы, ограничивающие спонтанные желания человека; базируются на правилах (законах), подчинение которым осуществляется на дорефлексивном уровне. И власть, и игра держатся на агональности (соревновательности), проявляющейся в активной борьбе за жизненное пространство, дающее чувство свободы, материальной и духовной удовлетворенности. Конкуренция в политической сфере, экономике, борьбе за любовь, стремление к лидерству, престижные жизненные позиции, желание стать лучше, достичь больше — все поддерживается агонем и реализуется в повседневных игровых практиках, превращающих серьезное дело в легко достижимую забаву, внося в элементы отдыха и развлечения духовный смысл.

Игра выступает средством власти, формирующим определенные цели в осознании себя, своей свободы и других. Предпочтение конкретного типа игр вырабатывает необходимую модель культурного взаимодействия. И здесь игра выступает уже как ограничитель свободы. Игра господствует и подчиняет человека, ведь еще Платон указывал, что конкретные типы игр позволяют власти формировать нужный электорат: «...характер игр сильно влияет на установление законов и определяет, будут ли они прочными, или нет. Если одни и те же участвуют в одних и тех же играх, соблюдают одни и те же правила, это служит незыблемости и серьезности узаконений. Если молодые колеблют это единообразие игр, вводят новшества, не признают раз и навсегда установленных правил о том, что благообразно, для государства нет ничего более губительного» [15, с. 275]. Игра становится для власти средством и формой ограничения и направления желаний масс, участвующих в социокультурном процессе. Распространяя и рекламируя определенные типы игр, власть в лице государства помогает человеку сориентироваться в этом мире. «Игра — не свобода. Она не подчиняется диалектике свободной воли — гипотетической диалектике сферы реального и закона. Единственный принцип игры (хотя он никогда не выставляется универсальным) состоит в том, что выбор правила освобождает вас в игре от закона... Вступить в игру означает

вступить в ритуальную систему обязательства...» [4, с. 231—232]. Поддерживаемые властью игровые практики утверждают произвольные правила, благодаря чему значительно проще и легче принимаются человеком, не ощущающим нарушения своих личных границ. «Структурная упорядоченность игры дает человеку возможность как бы плыть по ее течению и таким образом избавляет его от тревог, свойственных обыденной «неорганизованной» жизни. Поэтому у человека возникает спонтанное стремление к повторению, возобновлению игры, которое закрепляется в ее форме» [10, с. 28]. Власть становится той необходимой силой, которая устанавливает и поддерживает «игры истины» [19].

Каждая эпоха поддерживается своей системой мифов, сознательно охраняемых властью. Лишая современника мировоззренческих оснований, таких как мифология, философия, религия, наука, культура постмодерна компилирует их инструментарий, предъявляя его как некий симулякр, формирующий массовую культуру. Человек постоянно изменяется, развивается, движется в направлении рождения нового себя, становясь симулякром, производящим новый смысл в борьбе с самим собой и окружающим миром. Миф, являясь архетипом, задает смысловой культурный код эпохи, устанавливая определенные типы преобразовательной и коммуникационной деятельности.

Общество потребления держится на подражательном начале, на воспроизведении объектов или событий, симулирующих реальность, базируемых на мифе о человеке-игроке. Данный миф описывает идеального человека, чьим мотивирующим предпочтением становится индивидуальная игра, поддерживаемая эгоцентрическими установками: азартом, жадой развлечений, превосходства над другими, нередко с утратой развивающего, созидającego смысла, ведь современнику дается право всю жизнь ощущать себя вечным ребенком. Ощущение себя вечным ребенком, сознательное продление возраста отрочества проявляется в расширенном продолжительном образовании, получении нескольких профессий, поиске себя в разных сферах жизни.

Мифологизация игрового праксиса поддерживается пространственно-временной моделью мира, в которой каждому человеку дается возможность по-своему воспринимать и преобразовывать собственную жизнь как некий игровой проект. Мир воспринимается как игра, где поведенческая

модель допускает победу в игре самого слабого участника через возможность избавиться от сильного, умелого и знающего игрока посредством голосования, ставки, договорных отношений с другими игроками ради денежного приза, выигрыша, некоего бонуса. Игровой праксис приветствует нестандартный подход, смекалку, умение свои слабости демонстрировать как достоинства. Сам процесс игры получает ценность не с точки зрения процессуальности, а с целью получения выигрыша, жадности азартных состязаний. Ведь потребление как образ жизни выстраивается на соревновательном начале за право борьбы, преодоления, соперничества, стремления к успешности.

Многие формы человеческой деятельности, такие как труд, власть, любовь, смерть утрачивают свою глубину и значение, приобретая черты легковесности, развлечения, гламура, необязательности. «Различать между игрой и не игрой в явлениях цивилизации становится все труднее, по мере того как мы приближаемся к нашему времени» [20, с. 196].

Особенно характерно для игроизированного и гедонизированного общества то, что современник предпочитает выбирать в том числе и трудовую деятельность как время приятного досуга, приносящего доход. Традиционная смысловая ценность труда подменилась постмодернистской рефлексией, ориентирующей современника на получение удовольствий не от конкретной трудовой деятельности, а от факта потребления. «Право на существование обретает только тот труд, который приносит удовольствие, труд как игра, в то время как труд-напряжение вытесняется из сознания, превращается в скучный, необязательный придачок человеческой жизни, который со временем смогут выполнять машины и который, естественно, не является средством самовыражения личности» [13, с. 128].

Еще в работе «Одномерный человек» Г. Маркузе указывает на возможную трансформацию трудовой деятельности, предъявляемую в развлекательном статусе, где «технология стала бы субъектом свободной игры способностей» [12, с. 21—22]. Игра становится символической формой труда, производящего знаки и символы эпохи вместо конкретного продукта и товара. Все больше видов трудовой деятельности занимаются не воспроизводством материальных объектов, а констатацией их символов, рекламных шаблонов, информации, закрепляющей статус, ценность и необходимость данной вещи или предмета для человека. Лейбл, марка,

фирменность продукта, регламентируя статус предмета быта, обыгрывая его ценность за счет рекламы, устанавливая современнику иллюзорную необходимость в его приобретении, гарантировано повышающем настроение и самооценку потребителя. «Так, успешный мужчина владеет авто определенной марки, пользуется парфюмом конкретного производителя, является потребителем неких продуктов, заданных в стандартных рекламных форматах. Успешная женщина одевается в определенных бутиках, следит за здоровьем и фигурой, посещая фитнес-залы, косметологические кабинеты, клиники здоровья и т. д.» [14]. Марка машины определенного типа, бренд одежды, носимый в повседневности, предпочитаемые виды и способы досуга в конкретном месте разыгрывают для современника «правильный, самый лучший имидж жизни», иллюстрирующий состояние счастья и довольства.

Общество навязывает человеку потребность не только в приобретении конкретной вещи или услуги, но и трансформацию отношений, ценностей и смыслов. «Товары поглощают людей и манипулируют ими; они производят ложное сознание, которое невосприимчиво к собственной лжи» [12, с. 134—135]. Потребительское сознание, ценностная ориентация на вещизм и гедонизм, ложное осознание свободы заставляют современника отказываться от традиционных ценностей (как жить, любить, во что верить, чем заниматься на работе или отдыхе и т. д.) и выбирать новые аксиологические координаты жизни, подвергая сомнению все и вся.

Мировоззрение современника допускает разнообразные виды и формы трудовой занятости без привязки к конкретному месту, работодателю, смене трудовой и временной деятельности. Приверженность делу, традициям, конкретному предприятию и профессии становится не модным, допускающая временные рамки трудовой занятости, одновременную работу на нескольких предприятиях с выполнением полифункциональных обязанностей. Характерные для игровой деятельности — удача, фарт, везение становятся ориентирами и в трудовой деятельности, подменяя творческое начало, нацеливая человека на труд без особых физических и интеллектуальных затрат.

Средства массовой информации, реклама сознательно нагнетают миф, что жизнь есть игра. Становится невозможным отличить в реальности, где игровое, а где настоящее, подлинное, ведь они взаимозаменяют и дополняют друг друга. Эту осо-

бенность существования человека в современном мире отметил А. Камю, показав, что люди обречены: «...к ужасной пытке видеть перед собой рядом призрак и реальность и не иметь возможности отличить одно от другого» [11, с. 57].

СМИ уже не отражают действительность, они сами становятся действительностью, приобретая свойства реальности через компиляцию фактов. Достаточно вспомнить череду новостных программ, ток-шоу, обыгрывающих и разбирающих факты, сцены из реальной жизни современников, выстроенные на межсемейных конфликтах, личностных проблемах и житейских ситуациях. Посредством воздействия на эмоции и чувства зрителей происходит пропаганда стереотипов и имиджей, внедрение нужной поведенческой и социокультурной модели действий, усвоение фраз, слоганов и новых идей. Стереотип, клише и псевдовещь превращаются в простейшую продуктивную игровую форму, ведущую к успешности и необходимым благам. Так, например, формируется гламурный тип поведения, позиционирующий себя как элитарный, доступный только избранным.

Само понятие «гламур» достаточно хорошо изучено аналитиками (Е. П. Белякова, Ю. В. Ветошкина, М. Ю. Гудова, С. Диблс, Ю. О. Идлис, П. Котов, В. Ловицкий, Л. Рудова, Э. Танака, Д. Смирова и др.) и определяется как состояние внутренней притягательности, реализованное не только в факторах внешних воздействий (жесты, движения, костюм, мейкап и т. д.), а прежде всего как некий поведенческий стереотип, дающий уверенность человеку. Но сегодня гламурный образ становится симулякром, игрой в успешность. Практика гламура, мотивированная стремлением к получению удовольствия, функционирует как определенный стиль потребительского поведения.

Современник следует навязанному экранному образу, дресс-коду, чтобы найти работу, завязать межличностную коммуникацию, занять определенное положение в глазах других людей. Гламур становится чем-то вроде внешней составляющей сущности человека, отличающей его от Другого, делающей более ярким, запоминающимся. Современник, выбирая для жизни данный стиль, пусть даже иллюзорно приобретает возможность повысить свой статус через демонстративное «престижное потребление, деятельность напоказ» [6]. Данный мир диктует современнику следовать стандартам и правилам: блеск, богатство, желание неувядающей молодости. Современник становит-

ся новым конструктом, преобразователем жизни, выстраивающим собственный путь достоверности бытия. Собственная самость предстает через возможность конструирования субъективных образов, таких, как Свой, Иной, Чужой, Другой, в качестве аналога обезличенного Другого. Пластическая хирургия в угоду гламурному образу создает новые уши, губы, грудь и т. д., корректируя телесность человека с точки зрения тиражируемого эталона, образца, подчас эпатирующего своим внешним видом. Гламур становится «избыточной самопрезентацией повторяемых образов «видимости» в темпоральном измерении фиксированного настоящего» [5, с. 78].

Новые технологии жизни порождают новые типы и виды игр: телевизионные, компьютерные, видеопрактики, игры производства и потребления, основанные на зрелище. Ведь современное телевидение превращает игру в документально-игровое действие, насаждающее определенную модель человеческого поведения. Осмысление фактов осуществляется через поверхностное суждение, современнику информация интересна сама по себе, без понимания, кто и зачем ее подготовил. Он воспринимает институт власти как шоу, постановочный спектакль, развлекающий и позволяющий играть в себя. Понятие любви упрощается, замещаясь технологиями любовных игр, легкими, необязательными взаимоотношениями. Смерть перестала пугать своей фатальностью, окрашиваясь ореолом романтики и потусторонней тайны. Игра, проникая повсеместно, рождает игроизацию бытия, меняя суть и константу жизни, где азарт спортивной игры становится тяжелым профессиональным трудом, а традиционные формы обучения и воспитания из серьезного дела превращаются в досуговую сферу услуг, формирующую интеллектуальный продукт как «особый вид игровых состязаний».

Всевластие игрового праксиса порождает такие новые творческие явления, как интерактивное кино, лекция, спектакль, виртуальная игра, где зритель становится непосредственным участником происходящих событий, координирующих конечный результат. Он имеет возможность управлять данным процессом, получая реальную власть на сотворение разыгрываемого действия с учетом своих целей и жизненных установок. Современник, погружившись в специально созданную среду (театра, кино, театра, виртуальной среды), ощущает себя Другим в Другом мире, но испытывает при этом реальные ощущения, в которых вое-

дино соединяются реальность, виртуальность и мир человека. Сопереживая своему игровому герою, он получает реальные ощущения и эмоции, как бы проживая их в реальности. Виртуальный мир разыгрывает эффект реальности таким образом, что «у человека не возникает сомнений в его реальности» [24, с. 219].

«Свобода и независимое самоуправление; вера в естественность и саморегулирование информационного сообщества; в равенство и полное отсутствие каких-либо ограничений, нематериалистический взгляд на человека, отрицание какого-либо физического насилия над ним; холизм; отказ от потребительского отношения к идеям», — таковы ценностные ориентиры информационной культуры, сформулированные Дж. П. Барлоу [1, с. 349—355]. Став идеологией, дающей новые виртуальные переживания и ирреальные реальности, информационная культура спроектировала иную форму человеческой жизни — бытия в сети, сделав ее игровым предметом. «В этом смысле игровой предмет — это не присутствие и не отсутствие, не отсылка и не отсрочка, это место встречи, способ удержать мгновение “теперь”, в котором сходится вся возможная Вселенная, чтобы стать единственной в своем роде действительностью того, кто живет только в этом действии, в игре сил и отражений» [22, с. 100]. Интерактивность виртуального мира превосходит вместе взятые возможности всех видов искусства, чей потенциал нивелирует законы физики, морали и законодательства. Наслаждаясь картиной, прочитывая книгу, смотря кинофильм или спектакль, человек остается потребителем.

Заключение

Все вышеизложенное позволяет выявить характеристики игры в качестве модуса мироощущения человека в повседневности, мотивированного потребностью в соревновании для достижения успеха и победного превосходства над другими, в виде многообразных форм выигрыша.

Игровой праксис способствует реализации творческой свободы человека в поисках собственного Я и своего будущего. Дистанцируя человека от последствий своих действий, он позволяет ему овладеть и опробовать новые навыки, являясь пространством для экспериментов, комбинаторикой тех элементов, которые еще не были достигнуты в жизни.

Повсеместно вводя в обыденную жизнь элементы игры, современник стремится

почувствовать себя в иной роли, стать другим — ИНЫМ, свободным, тем, кем хотел бы казаться. Игровой праксис является фактором антропологического самоопределения человека, возвращающего ему самого себя, собственное осознание «Я-Иной, Я-Другой». Он вырабатывает новую форму коммуникации, совмещающая реальную и виртуальную среды, где современник представляется как «Я-Другой». Игровой праксис становится технологией жизни, нацеленной на производство конкретного образа счастья, долговлства и благополучия.

Анализ трудов современных исследователей, собственное понимание игроизации бытия человека в современном обществе позволяют характеризовать данный феномен как процесс конструирования собственной реальности посредством симуляций и симулякров, интерпретируемых в процессе игровой коммуникации как с самим собой, так и с окружающим миром. Игроизация становится всеобщим актом общения, в котором человек ищет выход за пределы самого себя, постоянно соединяя и сопоставляя себя и Другого, самостоятельно выстраивая границы допустимого, дозволенного себе и Другим. В ней современный встречается с Другим и выстраивает технологии поиска понимания этого Другого.

Нами определены механизмы всевластия игрового праксиса, под которым мы понимаем совокупный игровой континуум в игроизированном обществе. Выделены его наиболее значимые характеристики, проявляющиеся в гедонизации повседневности в контексте игровой культуры; мифологизации облика человека-игрока; в бытийном слиянии пространства игры и властного характера игрового дискурса в процессе игроизации современной культуры; в интерактивности виртуального мира, служащего пространством для экспериментов; в реальности, предстающей как «игра в реальность»; реализации игрового инстинкта, приводящего к игровой зависимости.

1. Барлоу Дж. П. Декларация независимости киберпространства // Информационное общество. 2004. С. 349—355.

2. Батай Ж. Запрет и трансгрессия. URL: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (дата обращения: 08.11.2018).

3. Беляева Л. А., Новикова О. Н. Игра как формат технология и ее значение для бытия человека в культуре постмодерна // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 112—118.

4. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи; вступ. ст. Е. Петровской. М.: Ad Marginem, 2000. С. 231—232.

5. Борисова Т. В., Ларин А. П., Степанова О. С. Гламур под знаком техногенной цивилизации. Самара, 2015. 141 с.

6. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 183 с.

7. Вундт В. Психология народов. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 864 с.

8. Гадамер Х. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1998. 704 с.

9. Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Логос. 1992. № 3. С. 62—80.

10. Демидов А. Б. Феномены человеческого бытия. Минск: Экономпресс, 1999. 180 с.

11. Камю А. Творчество и свобода: статьи, эссе, записные книжки. М.: Радуга, 1990. 608 с.

12. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. 526 с.

13. Могилевская Г. И. «Смерть труда»: постмодернистская рефлексия и реалии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3(17). Ч. 1. С. 127—130.

14. Новикова О. Н. Игра как деконструкция бытия человека // Концепт. 2015. Т. 13. С. 1926—1930. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85386.htm> (дата обращения: 08.11.2018).

15. Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3, ч. 2. М., 1972. 678 с.

16. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 5. Сочинения по эстетике. М.: Госполитиздат : Соцэкгис, 1958. 904 с.

17. Ретюнских Л. Т. Философия игры. М.: Вузов. кн., 2002. 256 с.

18. Ретюнских, Л. Т. Игра и игроизация в поле субъектного выбора // Развитие личности. 2005. № 3. С. 61—69.

19. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

20. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня : пер. с нидерл. / общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М.: Прогресс, 1992. 464 с.

21. Холл С. Инстинкты и чувства в юношеском возрасте. Петроград, 1920. 198 с.

22. Шевцов К. П. Компьютерные игры как предмет философского анализа // Вестник СПбГУ. 2016. № 1. С. 98—103.

23. Шиллер Ф. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М.: Худож. лит. 793 с.

24. Bühl A. Dievirtuelle Gesellschaftdes 21. Jahrhunderts: sozialer Wandelim digitalen Zeitalter. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2000. 526 p.

References

1. Barlou Dzh.P. (2004) *Informacionnoe obshchestvo*. pp. 349—355. [in Rus].

2. Bataj Zp. Zapret i transgressiya. Available at: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm>, accessed 08.11.2018 [in Rus].

3. Belyaeva L.A., Novikova O.N. (2018) *Socium i vlast*, no. 3 (71), pp. 112—118 [in Rus].

4. Bodriyyar Zh. (2000) *Soblazn*. Moscow, Ad Marginem Publ., 319 p. [in Rus].
5. Borisova T.V., Larin A.P., Stepanova O.S. (2015) *Glamur pod znakom tekhnogennoj civilizacii*. Samara, 141 p. [in Rus].
6. Veblen T. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa*. Moscow, Progress Publ., 183 p. [in Rus].
7. Vundt V. (2002) *Psihologiya narodov*. St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 864 p. [in Rus].
8. Gadamer H.G. (1998) *Istina i metod: osnovy filosofskoj germenevtiki*. Moscow, Progress Publ., 704 p. [in Rus].
9. Gusserl' E. (1992) *Logos*, no. 3, pp. 62—80 [in Rus].
10. Demidov A. B. (1999) *Fenomeny chelovecheskogo bytiya*. Minsk, Ekonom-press Publ., 180 p. [in Rus].
11. Kamyu, A. (1990) *Tvorchestvo i svoboda*. Stat'i, ehsse, zapisnye knizhki. Moscow, Raduga Publ., 608 p. [in Rus].
12. Markuze G. (2002) *Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva*. Moscow, AST Publ., 526 p. [in Rus].
13. Mogilevskaya G.I. (2012) *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3-1 (17), pp. 127—130 [in Rus].
14. Novikova O.N. (2015) *Koncept*, vol. 13, pp. 1926—1930. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/85386.htm>, accessed 08.11.2018 [in Rus].
15. Plato. (1972) *Sochineniya: v 4 t. T. 3, ch.2*. Moscow, 678 p. [in Rus].
16. Plekhanov G. V. (1958) *Sochineniya po ehstetike*. T. 5. Moscow, Gospolitizdat Publ., Socehgkis Publ., 904 p. [in Rus].
17. Retyunskih L.T. (2002) *Filosofiya igry*. Moscow, Vuzovskaya kniga Publ., 256 p. [in Rus].
18. Retyunskih L. T. (2005) *Razvitie lichnosti*, no. 3, pp. 61—69 [in Rus].
19. Fuko M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Rabotyraznyh let*. Moscow, Kastal' Publ., 448 p. [in Rus].
20. Hejzinga J. (1992) *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya*. Moscow, Progress Akademiya, 464 p. [in Rus].
21. Holl S. (1920) *Instinkty i chuvstva v yunosheskom vozraste*. Petrograd, 198 p. [in Rus].
22. Shevcov K.P. (2016) *Vestnik SPbGU*, no. 1, pp. 98—103. [in Rus].
23. Shiller F. (1957) *Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 6*. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 793 p. [in Rus].
24. Bühl A. (2000) *Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter*. Wiesbaden, Westdeutscher Verlag Publ., 526 p. [in Germ.].

For citing: Novikova O.N.
Gamization of human existence
or absolute power of game praxis //
Socium i vlast'. 2019. № 2 (76). P. 18—26.

UDC 130.2

GAMIZATION OF HUMAN EXISTENCE OR ABSOLUTE POWER OF GAME PRAXIS

Oksana N. Novikova,
the Ural State Forest Engineering University,
Head of the Department Chair
of Socio-humanitarian Disciplines
Cand.Sc. (Education), Associate Professor.
Russian Federation,
620100, Sverdlovsk region, Yekaterinburg,
Sibirsky trakt, 37.
E-mail: oksnovi@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research topic is determined by the fact that today the concept of the game is totally used in all forms and spheres of human activity. The current state of culture demonstrates penetration of game practices or their elements into all spheres of human activity. Therefore, today there is a necessity to analyze the concept of "game praxis" as a mode of human perception of the world, inherent in life processes, deconstructing not only the consciousness of a contemporary, but also reality itself, generating in it features and properties that were not inherent in it before and, consequently, were not within researchers' view. The aim of the article is to analyze the anthropological phenomenon of game praxis absolute

power as a mode of human existence in the culture of postmodernism. In accordance with the aim, the following tasks were set: to reveal the specifics and place of the game in the everyday life of a modern person; to reveal the features and place of the game in everyday life of today's man; analyze the mechanisms of the game praxis absolute power, identifying its anthropological, social and cultural meanings on the basis of phenomenological, anthropological and culturological approaches.

Scientific novelty of the study. The author gives definitions of the game practice, game praxis concepts. Characteristics of the game as a mode of a person's worldview in everyday life, motivated by the need for competing to achieve success and victory over others, are revealed.

Results. Analyzing modern researchers' works, the author gives a description of human being gamization in modern society, under which we understand the process of constructing our own reality through simulations and simulacra, interpreted in the process of game communication, both with ourselves and with the world around us. Gamization becomes a universal act of communication, in which a person seeks out of himself, constantly connecting and comparing himself and the Other, independently drawing the limits of what is permissible, permitted by him and the Other.

Key concepts:

game praxis,
gamization of human existence,
hedonization of a person's life world,
existential fusion of game space and power,
mythologization of a human player image.

Для цитирования: Давыдов Д. А.
Государство в дискуссиях
о посткапиталистическом обществе:
курс на «отмирание»? //
Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 27—36.

УДК 321

ГОСУДАРСТВО В ДИСКУССИЯХ О ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ: КУРС НА «ОТМИРАНИЕ»?

Давыдов Дмитрий Александрович,
Институт философии и права
Уральского отделения РАН,
научный сотрудник отдела философии,
кандидат политических наук,
Российская Федерация,
620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16.
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Аннотация

В статье оспаривается тезис большинства современных левых теоретиков, согласно которому государство рано или поздно должно «отмереть».

Автор считает, что в предполагаемом посткапиталистическом обществе не обязательно исчезнут порождающие потребность в государстве социальные антагонизмы. Борьба классов вполне может смениться борьбой отдельных людей за творческую самореализацию, в которой подавляющему большинству уготована судьба проигравших. Соответственно, вполне вероятно, что государство из машины угнетения одного класса другим превратится в «инструмент» господства выдающихся творческих личностей.

Однако, согласно автору, как и прежде, государство могло бы при таком развитии событий выполнять ряд социально значимых функций. Оно могло бы: а) разрешать социальные конфликты, возникающие между конкурирующими творческими личностями; б) осуществлять надзор за творческой деятельностью, потенциально несущей в себе угрозу для всего человечества; в) обеспечивать работу системы регистрации и контроля заслуг, что позволяло бы выявлять наиболее достойных представителей общества, формирующих политическую (культурную, социальную, эстетическую и т. д.) повестку дня. Государство будущего могло бы также защищать результаты творческой деятельности от воровства и порочащего использования, охранять честь и достоинство личности. По мнению автора, «антагонистическое» посткапиталистическое общество, в котором наблюдается борьба за творческую самореализацию и сохраняется потребность в «охраняющем личность» государстве, куда более предпочтительно, чем анархическое общество, культивирующее «личностное равенство», что неизбежно ведет к преобладанию анонимности и безликости.

Ключевые понятия:

государство,
отмирание государства,
посткапитализм,
коммунизм,
социализм,
анархизм,
марксизм,
классовая борьба.

Введение

В последние годы отмечается оживление интереса к изучению возможных предпосылок перехода к посткапиталистическому обществу. И дело даже не в том, что социалистические идеи становятся все более популярными (например, в США, где больше половины всех молодых людей предпочитают социализм капитализму¹), и не в том, что социальное неравенство в мировом масштабе продолжает расти². Куда более важными являются изменения в самой структуре капиталистического общества, внутри которого постепенно складываются посткапиталистические общественные отношения. Повышение роли знания в экономике приводит к своего рода «самоотрицанию» капитализма: успех капиталистов все сильнее зависит от эксплуатации «нематериального» труда, от их «вложений» в «человеческий капитал». Но «инвестиции» в «человеческий капитал» лишь приводят к тому, что общий культурный уровень части наемных работников (особенно занятых в высокотехнологичных отраслях представителей «креативного класса» [23]) постепенно растет [7] (растет доля производительного труда относительно производительного [9]), в то время как их труд создает все больше «средств производства» материального изобилия (от роботизированных конвейеров до 3D-принтеров). В итоге многие левые теоретики усматривают в данных тенденциях реальную возможность скорого избавления от капитализма. Они подчёркивают, что посткапиталистическое будущее перестает быть чем-то далеким и даже фантастическим. Для его достижения необходима политическая воля и соответствующие *проекты* общественного переустройства. Но какие это проекты? В большинстве случаев речь идет о привлекательном будущем, в котором весь скучный, тяжелый, унижительный труд отдается роботам и машинам, в то время как люди занимаются творческой деятельностью: пишут стихи, рисуют картины, изобретают новые технологии, воспитывают все более «творческие» и «одаренные»

¹ Elkins K. Most young Americans Prefer Socialism to Capitalism, New Report Finds // CNBC. 2018. 14 авг. URL: <https://www.cnbc.com/2018/08/14/fewer-than-half-of-young-americans-are-positive-about-capitalism.html> (дата обращения: 23.03.2019).

² Богатые продолжают богатеть: как растет глобальное имущественное неравенство // Forbes. 2019. 21 янв. URL: <http://www.forbes.ru/milliardery/371457-bogatye-prodolzhayut-bogatet-kak-rastet-globalnoe-imushchestvennoe-neravenstvo> (дата обращения: 23.03.2019).

поколения и т. д. [6; 5; 15; 21] Знания становятся подлинным источником богатства, доступным всем в равной степени, ибо от их «использования» они только прирастают [7].

При этом, разумеется, сохраняются разногласия между левыми теоретиками. Ведутся споры о том, каким же образом достичь желанного «царства свободы». Кто-то придерживается старых социал-демократических рецептов реформирования капитализма, придания ему «человеческого лица» [22]. Для кого-то старые социал-демократические методы уже устарели, и необходимо строить утопию подлинной «свободы от труда» [11], бороться за обеспечение каждого гражданина минимальным набором материальных благ (безусловный доход), чтобы не зависеть от рынка труда и т. п. [4; 21; 26] Однако какими бы острыми ни были дискуссии между анархистами и марксистами, централистами и автономными [10] и т. п., их всех объединяет представление о том, что посткапиталистическая общественная формация будет характеризоваться «отмиранием» государства. Между ними еще могут быть дискуссии о том, как быстро оно должно «отмереть» (и на каком этапе исторического развития), но сам факт того, что государство рано или поздно *исчезнет (должно исчезнуть)*, никем не оспаривается.

Тем не менее в настоящей статье будет произведена попытка показать, что «отмирание» государства, понимаемого как *аппарат господства и принуждения*, — не самый лучший сценарий для посткапиталистического будущего. Вполне возможно, что необходимость в нем сохранится. Государство будущего, несомненно, сильно изменится, хоть и останется орудием *господства*. Правда, это уже будет господство не столько какого-либо класса (если под классами понимать общности, выделяемые по отношению к собственности и общественному разделению труда), сколько социальной прослойки *выдающихся творческих деятелей*.

Государство — враг «№ 1» и «№ 2»

Как уже было отмечено выше, подавляющее большинство современных левых теоретиков могут согласиться друг с другом касательно судьбы государства — оно должно быть *ликвидировано*. Правда, на этом «консенсус» кончается и начинаются довольно принципиальные расхождения. Анархисты, как известно, противостояли марксистам разных мастей. Причем именно в вопросе о том, как следует обращаться с государством, и проходит разграничительная черта между

анархизмом и марксизмом. Разница заключается в том, что, если анархисты видели (и видят) в качестве врага «№ 1» государство как таковое, то у марксистов государство является врагом «№ 2», в то время как враг «№ 1» — это *класс буржуазии*. Так, анархист М. А. Бакунин в книге «Государственность и анархия» видит *главную* опасность в государстве как бюрократической машине, стремящейся к военной экспансии, служащей интересам различных привилегированных меньшинств и уничтожающей всякую свободу и автономию посредством повсеместной централизации. Сама же государственная власть приводит к неизбежному моральному разложению тех, кто изначально берет ее в свои руки из благородных побуждений. Бакунин пишет: «государство именно и значит *насилие*, господство посредством насилия, замаскированного, если можно, а в крайнем — бесцеремонного и откровенного» [1, с. 85]. А потому подлинной альтернативой рабству может быть только «федеральная организация снизу-вверх рабочих ассоциаций, групп, общин, волостей и, наконец, областей и народов» [1, с. 96]. Похожим образом рассуждает П. А. Кропоткин: «возможность достигнуть коммунизма, т. е. владеть сообща всем нашим общественным наследием и производить сообща все богатства, [можно] только путем уничтожения государства, завоевания полной свободы личности, добровольного соглашения и совершенно свободного соединения в союзы и федерации союзов» [12, с. 127].

Соответственно, в отличие от анархистов, Маркс, Энгельс¹ и их последователи

¹ Ф. Энгельс: «Государство было официальным представителем всего общества, оно объединяло его в одной видимой организации, но оно исполняло эту роль лишь постольку, поскольку было государством того класса, который сам являлся представителем всего современного ему общества: в древности — государством граждан-рабовладельцев; в средние века — феодального дворянства; в наше время — буржуазии. Сделавшись, наконец, действительным представителем всего общества, оно станет излишним. Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества, — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти

считали, что сперва нужно уничтожить «диктатуру буржуазии», а затем способствовать постепенному «отмиранию» государства. Само же государство на первых порах даже послужит важнейшим инструментом, обеспечивающим «диктатуру пролетариата» до окончательного и бесповоротного уничтожения «буржуазных пережитков» и становления «царства свободы». Как отмечает Маркс в «Критике Готской программы», «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» [17, с. 27].

Но, что примечательно, и марксисты видели коммунистическое общество (вернее — его «завершенный вариант») как своеобразную социальную гармонию, в которой нет надобности в каком-либо надзоре, контроле, принуждении и т. п. Как пишет А. Бебель, «в будущем всякое водительство и руководство общества волей отдельных лиц совершенно исключается. Тогда общество будет демократией, которая познала тайну своей сущности, открыла законы собственного развития и целесообразно применяет их для своего дальнейшего развития» [2, с. 21]. П. Лафарг отмечал, что «в коммунистическом обществе не будет привилегированных классов. Там будут только трудящиеся, люди с равными правами и равными возможностями. Поэтому там не будет необходимости в государстве, так как в нем не будет классов, нуждающихся в защите...» [13, с. 34]. В. И. Ленин в «Государстве и революции» указывает на то, что в коммунистическом обществе поддержание общественного порядка попросту войдет в *привычку и будет осуществляться самими трудящимися*: «все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунаядцев, баричей, мошенников и тому подобных “хранителей традиции капитализма”, — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные в общественные отношения станут мало-помалу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не “отменяется”, оно отмирает» [25, с. 292].

рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволяют), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*» [14, с. 102].

Здесь стоит обратить внимание на *главную причину*, по которой анархисты и марксисты считали, что государство рано или поздно будет уничтожено. Государство «отмирает» именно как *политический инструмент подавления одного класса другим*¹. При этом подразумевается, что в посткапиталистическом обществе *не будет необходимости в централизованной структуре, имеющей монополию на применение насилия*. В буржуазном обществе основная функция государства — это все же *защита частной собственности* (как от внешних врагов, так и от «врагов» внутренних — прежде всего представителей пролетариата). Но если, собственно, больше нет частной собственности, а все потребности в материальных благах своевременно удовлетворяются (скажем, благодаря автоматизации и роботизации производства), то и не нужен никакой «аппарат принуждения», ибо все люди становятся друг другу «братьями», наслаждающимися подлинным *равенством*. Как пишет А. Бебель, «в будущем строе не известны ни политические, ни уголовные преступления, так как не станет больше частной собственности, и каждый в состоянии будет в новом обществе с легкостью и удобством удовлетворять свои потреб-

ности трудом. Точно также не будет более «босьяков» и «бродяг»; они — продукт общества, основанного на частной собственности, и исчезнут вместе с этой последней» [2, с. 93]. Разумеется, отдельные социальные эксцессы будут происходить и при коммунизме, но будут быстро пресекаться «вооруженным народом». При этом то, чем люди будут заниматься в будущем, как считали сторонники идеи «отмирания государства», будет скорее способствовать укреплению общественной *солидарности и равенства*. «Товарищ, — пишет А. Богданов, — дорог товарищу, как гармонично с ним действующая сила в общей борьбе, как частичное живое воплощение общей цели. Каждый успех в этой общей борьбе, каждый шаг к этой общей цели служит богатым источником той общей радости, к которой взаимные выражения счастливых переживаний усугубляют товарищество и усиливают их радостный характер» [3, с. 67].

Разумеется, левая мысль эволюционировала, и сегодня то, о чем говорят многочисленные и многообразные левые, сильно отличается от того, о чем говорили Маркс или Бакунин. Но какого бы «оттенка» (от умеренных социал-демократов до радикальных автономов) современный левый мыслитель ни был, он, скорее всего, будет *придерживаться старой концепции, согласно которой одна из основных задач всех левых должна заключаться в уничтожении государства*, хотя, как и прежде, способы достижения этого состояния предлагаются совершенно разные (от сквоттинга до установления демократического контроля над государством и способствования его дальнейшему «отмиранию» уже в посткапиталистическом «состоянии»). Можно даже сказать, что к сегодняшнему дню количество сторонников идеи моментальной «ликвидации» государства стало только больше относительно сторонников его постепенного «отмирания». Да и сроки «отмирания» сегодня все чаще видятся сокращенными, ибо, в отличие от ситуации вековой давности, задача «обуздания» «царства необходимости» (то есть развития производительных сил в «обобществленном» состоянии до пришествия всеобщего изобилия материальных благ) теперь уже видится куда более простой (ибо прогресс развития науки и техники только ускоряется, и совсем близка якобы всеобщая автоматизация производства).

При этом практически неизменной осталась картина «неантагонистического» будущего. Предполагается, что при отсутствии нужды в материальных благах (и избытке

¹ Нам кажется нерелевантной такая трактовка государства как именно инструмента классового господства, ведь исторически существовали другие, не-классовые, формы государства: сословные, жреческие и т. п. Конечно, Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии отмечают, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [18]. Но в «Манифесте» Маркс и Энгельс, очевидно, слишком сильно расширяют значение термина «класс». Маркс и Энгельс вполне осознавали, что существовали другие формы социальных антагонизмов. К примеру, в «Нищете философии» Маркс пишет: «условие освобождения рабочего класса есть уничтожение всех классов; точно также, как условием освобождения третьего сословия, буржуазии, было уничтожение всех и всяческих сословий» [19, с. 152]. Но если так, то возможны и другие — постклассовые — формы господства и антагонизмов, а потому и «постклассовое государство». Следовательно, как будет показано далее в тексте, проблематика отмирания государства не сводится к отмиранию специфически-классового господства, а помимо осуществления этого господства, у государства есть и другие функции, отмирание которых в будущем не столь очевидно.

свободного времени) люди будут заниматься преимущественно наукой и искусством. Например, в 1878 г. А. Бебель пишет, что будущее общество «...будет располагать учеными и художниками всякого рода в неисчерпаемом, но каждый из них будет известную часть дня физически работать, а остальное время предаваться своим занятиям и искусствам, а также общаться с людьми» [2, с. 49]. При этом имплицитно подразумевается, что в обществе ученых и художников вряд ли потребуются государство. Занятия наукой и искусством признаются чем-то исключительно благородным и даже сплывающим. То же самое мы находим у одного из видных современных марксистов А. В. Бугалина. Творчество, по его мнению, есть нечто объединяющее, взаимно обогащающее¹. «Результатом творческой деятельности, — пишет А. В. Бугалин, — является не только культурная ценность (и, может быть, даже в первую очередь не культурная ценность), а саморазвитие человека в процессе творческой деятельности. Здесь изменяется само содержание труда. Последний превращается в деятельность по созиданию (и саморазвитию) человека» [6, с. 47]. Такую же «гармонизирующую» трактовку посткапиталистического общества как общества солидарно взаимодействующих ученых, деятелей искусства и всех тех, кто занимается «производством человека», мы

¹ А. В. Бугалин: «Творчество — это не просто создание нового. Это (1) деятельность, соединяющая в себе (1.1) распределчивание культурного феномена, когда вы не потребляете некоторый ресурс (физическое потребление средств производства есть в лучшем случае предпосылка, но не содержание творческой деятельности), а используете его как культурный источник (информации, смысла, вдохновения) и (1.2) созидание нового культурного феномена — идеального в диалектико-материалистическом смысле.

Отсюда такие свойства этого результата творческой деятельности, как (1.3) неограниченность и (1.4) потенциальная общедоступность: поскольку вследствие действия механизма распределения издержек затраты на тиражирование культурных благ стремятся к нулю их можно раздавать, не теряя. (2) Результат творчества, однако, многогранен: это и (2.1) культурный феномен (художественное произведение, научный или конструкторский продукт, чему-то научившийся ученик или ставший более здоровым физически и нравственно человек), и (2.2) новые творческие качества самого субъекта творчества (создавая новый творческий результат, вы растете и обогащаетесь в самой этой деятельности). Вследствие последнего творческая деятельность характеризуется (2.3) свойством самомотивации (творческий труд перестает быть обременением и превращается в потребность)» [5, с. 45].

находим у В. М. Межуева: «Общественное производство в границах свободного времени — это производство индивидами всей полноты связей и отношений с миром и другими людьми. Все остальное имеет для них подчиненное значение. Даже производство материальных благ имеет здесь не просто потребление, но такое, которое соответствует запросам и вкусам общественно развитой личности» [20, с. 257—258]. Соответственно, какое может быть государство, если между людьми наблюдается гармония и «полнота связей»? На самом деле, такой взгляд на посткапиталистическое будущее «без государства» является общераспространенным, свойственен не только отечественным марксистам [7; 21]. Но не заблуждаются ли левые теоретики, не слишком ли они оптимистично настроены относительно «общества всеобщей творческой самореализации»?

«Безгосударственная» антиутопия?

Многие левые концепции посткапиталистического будущего упускают немало важные детали. Творческая деятельность, которой будут заниматься люди «светлого посткапиталистического будущего», берется как нечто исключительно положительное, приятное, способствующее самореализации и т. п. Однако имеются основания [8] считать, что творчество нередко приводит к ощущению отчужденности, связано с различного рода конфликтными ситуациями, а то и вовсе нередко способствует возникновению различного рода психических/психологических расстройств (либо каким-то образом вызывается ими). Поэтому стоит детальней взглянуть на то, в каком случае общество «всеобщей творческой самореализации» могло бы обойтись без государства. Для этого необходимо, чтобы:

1. *Всякая творческая деятельность имела равный «вес», значимость и одинаково оценивалось обществом.* В таком случае не было бы оснований для социального расслоения на «успешных» и «лишних» («творческих неудачников»). Соответственно, не было бы нужды в силовом аппарате государства для урегулирования возможных конфликтов между людьми. Однако это, очевидно, невозможно. Все указывает на то, что творческая деятельность в разных случаях имеет разную общественную полезность и значимость. Например, учитель, каким бы креативным он ни был, за свою жизнь имеет дело с несколькими тысячами учеников (и то — это в современных условиях «поточно-го» массового образования), в то время как

выдающийся писатель или ученый может существенно повлиять на жизнь миллионов, а то и *миллиардов* людей. Более того, возможен и творческий труд, вообще *не имеющий никакого общественного признания*, а то и вызывающий *отторжение* (при этом, разумеется, совсем не факт, что этот труд сам по себе плох и его результаты в дальнейшем не будут переоценены) [8]. Поэтому вполне представимой видится ситуация, когда существует «страта» творческой верхушки и противостоящие ей творческие «низы»¹. Но там, где есть существенное неравенство, вполне возможна и зависть, ощущение несправедливой «общественной оценки» результатов творческой деятельности, связанная с этим агрессия.

2. *Далее необходимо, чтобы творчество во всех случаях способствовало дальнейшему общественному развитию и взаимному «духовному обогащению».* В таком случае не было бы нужды в государстве, которое бы осуществляло надзор за творческой деятельностью и вовремя *запрещало* ту или иную неблагоприятную для всего общества активность. Но здравый смысл подсказывает, что это также невозможно. Всегда будут «нездоровые» идеи и попытки их воплотить в жизнь. Только вместе с увеличением свободного времени и ростом творческих возможностей масс этих «нездоровых» идей будет становиться больше. Кроме того, доминирование творческой деятельности над отраслью материального производства все серьезно усложнит. В сфере материального производства в большинстве случаев невозможно достичь успеха, разрушая (если речь не идет, например, об утилизации отходов или сносе старых домов). Но творческая самореализация вполне возможна *чисто негативным* способом. В конце концов, общественная память довольно долго хранит информацию о серийных маньяках («творческим образом» расправлявшихся со сво-

¹ Здесь можно привести критику В. Ф. Шелике концепции А. В. Бузгалина: «Дело в том, что в массовом сознании понятие “творчество”, как правило, увязывается с пониманием его как особого дара (от природы, бога, черта или еще чего-то) к созидаанию чего-либо нового, имеющего общечеловеческую ценность, но дара, который достается, однако, не каждому. И в таком ракурсе общество творцов невольно приобретает характер общества избранных (природой, богом, чертом или еще чем-то), но не общества, в котором комфортно жить и не-творцам (в обыденном смысле этого понятия). Опасность такого толкования А. В. Бузгалин пытается преодолеть, отводя не-творцам роль садовников (охранников природы) или пытаясь в любой деятельности найти хоть крупичку нового» [24, с. 99].

ими жертвами), «незаурядных» террористах и диктаторах, изобретателях оружия, полководцах и т. п. В конце концов, М. Д. Чепмен, убийца Дж. Леннона, так и заявил, что убил своего любимого певца «просто из желания самоутвердиться»².

3. *Наконец, и это главное, необходимо, чтобы всякие результаты творческого труда полностью отчуждалось от личности, то есть становилось «общественным достоянием», к которому имел бы доступ каждый, и каждый мог бы им пользоваться как ему заблагорассудится.* В таком случае не нужно было бы государство, защищающее «авторские права». Стоит отметить, что именно за это большинство левых и выступают, когда говорят о необходимости уничтожить авторское и патентное право, а также «обобществить» результаты творческой деятельности (антикопирайт)³. Конечно, эти авторы вовсе не выступают за всеобщую анонимность. Они просто считают, что память о выдающихся заслугах, уважение и признание будут возникать сами собой. Однако все же нужно иметь в виду, что «среднего не дано». Либо речь должна идти о *полной анонимности творчества*, а потому — о *полном безразличии к авторству*, либо следует признать необходимость «защиты авторства». В первом случае мы бы выступали за творчество «умной толпы», во втором — за творчество *персонализированное*, устремленное к выражению *индивидуальности человека* (когда само по себе творчество не является целью, оно необходимо ради ощущения радости от общественного признания творчества).

Но во втором случае все же без государства не обойтись, ибо *результаты творческого труда нуждаются, быть может, даже в еще большей защите, чем материальное богатство.* Последнее, по крайней мере, еще нужно постараться *отнять* у владельца. *Результаты же творчества (будь то музыкальное произведение, поэма или, к примеру, научная теория) изначально даны в «восприятии» обществом (сообществом, публикой, аудиторией и т. п.).* Поэтому с «беззащитными» результатами творческой деятельности может происходить довольно много неприятных для самого творца вещей: их могут исказить или намеренно коверкать при воспроизведении, их могут использовать в антиобщественных целях

² Самый известный убийца // Новый взгляд. 2011. 20 янв. URL: <http://www.newlookmedia.ru/?p=12785> (дата обращения: 23.03.2019).

³ Stallman R. Bill Gates and other communists // CNET. 2005. 17 февр. URL: <https://www.cnet.com/au/news/bill-gates-and-other-communists/> (дата обращения: 24.03.2019).

(тем самым «очерняя» память о творце), их могут «воровать» или выдавать за свои «достижения» и т. п.

Такие ситуации будут еще более неприятными, если в посткапиталистическом обществе отбор на наиболее ответственные должности будет производиться именно *по заслугам*. Более того, скорее всего, такой отбор станет *насущной необходимостью*, ибо дальнейшее «технологическое усложнение» общества (см. выше — контроль над негативными проявлениями творческой деятельности) потребует незаурядных управленческих талантов. Поэтому посткапиталистическое общество будет попросту *нуждаться в неискаженных представлениях о заслугах и морально-нравственных качествах отдельных людей*. Соответственно, будет необходима *государственная система защиты и учета творческих достижений* каждого человека постольку, поскольку каждый будет иметь право занять соответствующее своим талантам и заслугам положение в обществе.

Здесь мы, разумеется, в своих предположениях о будущем несколько оторвались от изначальной интуиции левых теоретиков, согласно которой посткапиталистическое общество — это *общество равных*. Фактически мы все ближе подходим к рассмотрению посткапиталистической общественной формации как *антагонистической*. Только социальные антагонизмы данного общества перестают носить черты классовой борьбы и все больше связываются с *конкурентной личностной самореализацией*. «Обладание личностью» в таком обществе становится важнейшим «стратегическим ресурсом» и источником наслаждения, но в то же время требует постоянной «защиты» со стороны государства, которое следит за тем, чтобы заслуги тех или иных выдающихся деятелей не очернялись, а результаты их творческой деятельности не «присваивались» в свою пользу¹. Конечно, идея государственной системы регистрации и учета заслуг может показаться антиутопической. Однако при

¹ А в истории примеров «заимствования заслуг» можно найти довольно много. К примеру, заслугу изобретения пенициллина и его антибактериальных свойств приписывают А. Флемингу, хотя на самом деле этот антибиотик был обнаружен гораздо раньше доктором Э. Дюшеном. Он создал препарат на основе пенициллина, но не потрудился получить на него патент. Похожая ситуация была с итальянцем А. Меуччи, который перебрался в Америку и там изобрел телефон, но не смог выделить из скудного бюджета 10 долларов на оплату патента. Два года спустя А. Белл запатентовал этот аппарат, получив деньги и известность.

должном развитии институтов прямой демократии данная система может служить эффективным инструментом действительного отбора лучших представителей человечества. Она также могла бы давать каждому ощущение непосредственного «принятия» обществом его заслуг (пусть даже эти заслуги относительно скромны). В таком случае даже самый скромный творческий деятель, результаты которого оказались применимы в обществе, был бы уверен, что прожил жизнь не зря (не просто *существовал*, но как бы *«опредметил»* свою личность).

На фоне этого анархическая картина анонимизации творческого труда и полного «обобществления» результатов творческой деятельности могла бы выглядеть куда менее привлекательной. При таком сценарии каждый человек оказывался бы перед творческим хаосом, в котором совершенно не понятно, будут ли чьи-либо заслуги вообще кем-либо учтены и зафиксированы без каких-либо искажений. В принципе, о «творческих толпах» говорят уже сегодня. Причем многие авторы признают, что «творческая толпа» (то есть большое множество рассредоточенных и независимых деятелей, среди которых много специалистов) может вполне эффективно решать те или иные творческие задачи. Уже сегодня «творческие толпы» используются различными корпорациями. Э. Бриньолфсон и Э. Макафи отмечают, что даже сложные научные задачи могут выполняться «толпой» более эффективно, чем это делают крупные институты, состоящие из узких специалистов. Как они отмечают, «любые проблемы решаются проще, если увеличить число и разнообразие занимающимися ими людей. Это продемонстрировал конкурс по секвенированию генома: ни одно из тех решений, которые оказались одновременно точнее и быстрее эталона, не было предложено специалистами по вычислительной биологии» [16, с. 222]. Но нас здесь смущает потенциал *обезличивания* в «творческой толпе». Фактически это означает, что огромное количество людей попросту потратит свое время впустую, в то время как все лавры победителя достанутся только одному человеку или группе. Такая ситуация сама по себе неприятна для подавляющего большинства людей, которые становятся безликими винтиками «эффективной машины решения творческих задач». Поэтому вряд ли разумно устроенное посткапиталистическое общество будет порождать «творческие толпы». Но даже при использовании «творческих толп» память о победителе могла бы

где-то фиксироваться в качестве незаурядного достижения. Полная же анонимизация творческой толпы попросту приведет к тотальной обезличенности, превратит творческую деятельность в неблагоприятный и не особо приятный процесс *избавления от скуки*. Произойдет своеобразное «слитие» людей в большой копошащийся «творческий алгоритм», в котором единичные победы быстро забываются, и движение постоянно возобновляется с новой силой. Но является ли это *желанным* будущим? Какой смысл в творчестве ради творчества? Смогут ли люди, добровольно принеся в жертву свою личность в пользу равенства, найти смысл в *обезличенной жизни*?

Так или иначе, вышесказанное позволяет заключить, что вполне представимо и даже может быть желанным посткапиталистическое общество, в котором государство сохраняется. Да, оно в таком случае уже не будет инструментом господства какого-либо класса. Оно вообще потеряет свою «классовую» сущность и сильно видоизменится (например, путем введения институтов электронной прямой демократии). Но оно все же останется инструментом, условно говоря, «господства личности». При этом главной функцией государства было бы предоставление веского слова самым достойным представителям человечества. Оно также следило бы за тем, чтобы каждое достижение того или иного человека не пропадало зря, а учитывалось специально созданной системой контроля и учета достижений. Такая система давала бы человеку наглядное представление о полезности (не-абсурдности) его творческих усилий. Данное государство также стремилось бы вовремя пресекать всякие деструктивные «творческие» устремления. Разумеется, не обошлось бы и без урегулирования конфликтов, связанных с «неоднозначным» и неравнозначным восприятием обществом тех или иных результатов творческой деятельности. Однако данную проблему, думается, вполне по силам решить такому обществу, которое нацелено на достижение одной из самых амбициозных задач за историю человеческой цивилизации — сделать так, чтобы каждый ощущал себя частью единого прогрессивного «проекта», устремленного в будущее. Поэтому, вероятно, посткапиталистическое государство будет обладать еще и такой важнейшей функцией как придание смысла индивидуальному творчеству (альтернатива «творчеству ради творчества»). По крайней мере, для ряда творцов оно будет ставить глобальные задачи, выполнение которых

возможно только путем единения и сплочения в один большой общественный организм¹.

1. Бакунин М. А. Избранные сочинения. Т. 1. Государственность и анархия. Пг. ; М., 1919. 321 с.
2. Бебель А. Будущее общество. М. : Госполитиздат, 1959. 169 с.
3. Богданов А. А. О пролетарской культуре: 1904 — 1924. Л. ; М. : Книга, 1924. 344 с.
4. Брегман Р. Утопия для реалистов: как построить идеальный мир. М. : Альпина Паблишер, 2018. 356 с.
5. Бузгалин А. В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43—53.
6. Бузгалин А. В. По ту сторону царства необходимости (эскизы и концепции). М. : Экон. демократия, 1998. 191 с.
7. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М. : ГУ ВШЭ, 2010. 208 с.
8. Давыдов Д. А. Личность, свобода творчества и отчуждение // Человек. 2019. Т. 30. № 1. С. 45—65.
9. Золотов А. В., Попов М. В. Перспектива преодоления социального разделения людей // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. № 2. С. 218—232.
10. Касториадис К. Возможно ли создать новую форму общества? // К. Касториадис. Дрейфующее общество: беседы и дискуссии (1974—1997). М. : Гнозис : Логос, 2012. С. 133—151.
11. Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов. М. ; Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2017. 684 с.
12. Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал. СПб. : Азбука-Аттикус, 2017. 480 с.
13. Лафарг П. За и против коммунизма. Собственность и ее происхождение. М. : Политиздат, 1959. 198 с.
14. Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М. : Ленанд, 2018. 152 с.
15. Майданский А. Д. «Не отомрет, с-собака!» Э. В. Ильенков о государстве // Свободная мысль. 2013. № 4. С. 171—182.
16. Макафи Э., Бриньолфон Э. Машина, платформа, толпа. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 320 с.
17. Маркс К. Критика Готской программы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 19. М. : Политиздат, 1961. С. 9—32.
18. Маркс К. Манифест коммунистической партии. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (дата обращения: 23.03.2019).
19. Маркс К. Ницета философии. М. : Э, 2016. 160 с.

¹ Добавим, что некоторые творческие увлечения подразумевают масштабность: их результаты нельзя осуществить иначе, чем с привлечением огромных ресурсов, доступных только таким большим субъектам, как государство.

20. Межуев В. М. Так что же такое коммунизм? // *Альтернативы*. 2009. № 1. С. 257—258.

21. Мейсон П. *Посткапитализм: гид по нашему будущему*. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.

22. Славин Б. Ф. О социализме, свободе и тоталитаризме // *Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма*. М. : Культур. революция, 2009. С. 83—113.

23. Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые создают будущее*. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.

24. Шелике В. Ф. *Непознанный Маркс и некоторые проблемы современности*. Ч. 2 // *Философские науки*. 2013. № 4. С. 94—107.

25. Энгельс Ф. *Анти-Дюринг* // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Т. 20. М. : Политиздат, 1961. С. 5—343.

26. Standing G. *Basic Income: a Guide for the Open-Minded*. New Haven : Yale University Press, 2017. 392 p.

References

1. Bakunin M.A. (1919) *Izbrannye sochineniia*. T. 1. Gosudarstvennost' i anarkhiia. Petersburg-Moscow, 321 p. [in Rus].

2. Bebel' A. (1959) *Budushchee obshchestvo*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 169 p. [in Rus].

3. Bogdanov A. A. (1924) *O proletarskoi kul'ture: 1904 — 1924*. Leningrad, Moscow, Kniga Publ., 344 p. [in Rus].

4. Bregman R. (2008) *Utopiia dlia realistov: kak postroit' ideal'nyi mir*. Moscow, Al'pina Pabliher Publ., 356 p. [in Rus].

5. Buzgalin A.V. (2017) *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 43—53 [in Rus].

6. Buzgalin A.V. (1998) *Po tu storonu tsarstva neobkhodimosti (eskizy i kontseptsii)*. Moscow, Ekonomicheskaiia demokratiia Publ., 191 p. [in Rus].

7. Gorts A. (2010) *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i capital*. Moscow, GU VShE Publ., 208 p. [in Rus].

8. Davydov D. A. (2019) *Chelovek*, no. 1 (30), pp. 45—65 [in Rus].

9. Zolotov A.V., Popov M.V. (2018) *Vestnik SPbGU. Filosofiia i konfliktologiiia*, no. 2 (34), pp. 218—232 [in Rus].

10. Kastoriadis K. (2012) *Vozmozhno li sozdat' novuiu formu obshchestva? // K. Kastoriadis. Dreifuuushchee obshchestvo. Besedy i diskussii*

(1974—1997). Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., pp. 133—151 [in Rus].

11. Koriakovtsev A., Viskunov S. (2017) *Marksizm i polifoniia razumov*. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 684 p. [in Rus].

12. Kropotkin P. A. (2017) *Anarkhiia, ee filosofiia, ee ideal*. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 480 p. [in Rus].

13. Lafarg P. (1959) *Za i protiv kommunizma. Sobstvennost' i ee proiskhozhdenie*. Moscow, Politizdat Publ., 198 p. [in Rus].

14. Lenin V.I. (2018) *Gosudarstvo i revoliutsiia. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revoliutsii*. Moscow, Lenand, 152 p. [in Rus].

15. Maidanskii A.D. (2013) *Svobodnaia mysl'*, no. 4, pp. 171—182 [in Rus].

16. Makafi E., Brin'olfson E. (2019) *Mashina, platforma, tolpa*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 320 p. [in Rus].

17. Marks K. (1961) *Kritika Gotskoi programmy // K. Marks, F. Engel's. Sochineniia*. T. 19. Moscow, Politizdat Publ., pp. 9—32 [in Rus].

18. Marks K. (2019) *Manifest kommunisticheskoi partii*. Available at: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>, accessed 24.03.2019 [in Rus].

19. Marks K. (2016) *Nishcheta filosofi*. Moscow, E Publ., 160 p. [in Rus].

20. Mezhuiev A.M. (2009) *Al'ternativy*, no. 1, pp. 257—258 [in Rus].

21. Meison P. (2016) *Postkapitalizm: gid po nashemu budushchemu*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 416 p. [in Rus].

22. Slavin B.F. (2009) *O sotsializme, svobode i totalitarizme // Sotsializm-21. 14 tekstov postsovetskoi shkoly kriticheskogo marksizma*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., pp. 83—113 [in Rus].

23. Florida R. (2016) *Kreativnyi klass: Liudi, kotorye sozdaiut budushchee*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 384 p. [in Rus]

24. Shelike V.F. (2013) *Filosofskie nauki*, no. 4, pp. 94—107 [in Rus].

25. Engel's F. (1961) *Anti-Diuring //K. Marks, F. Engel's. Sochineniia*. T. 20. Moscow, Politizdat Publ., pp. 5—343 [in Rus].

26. Standing G. (2017) *Basic Income: a Guide for the Open-Minded*. New Haven, Yale University Press Publ., 392 p. [in Eng].

For citing: Davydov D.A.
The state in discussions
about post-capitalist society:
focus on "dying off"? //
Socium i vlast'. 2019. № 2 (76). P. 27—36.

UDC 321

THE STATE IN DISCUSSIONS ABOUT POST-CAPITALIST SOCIETY: FOCUS ON "DYING OFF"?

Dmitry A. Davydov,
Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Researcher of the Department of Philosophy,
Cand.Sc. (Political Sciences)
Russian Federation,
620108, Yekaterinburg, ul. Sofji Kovalevskoy, 16.
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Abstract

The article disputes the thesis of the majority of modern left-wing theorists, according to which the state must "die off" sooner or later. The author believes that in the proposed post-capitalist society the social antagonisms generating the need for the state will not necessarily disappear. The class struggle may be replaced by the struggle of individuals for creative self-realization, in which the overwhelming majority are destined to become losers. Accordingly, it is quite likely that the state, from the machine of oppression of one class by another, will turn into a "tool" (moral, cultural, political, etc.)

of prominent creative personalities domination. However, according to the author, in this dynamic, the state could perform a number of socially significant functions. It could: a) resolve social conflicts that arise between competing creative individuals; b) to oversee creative activity, potentially carrying a threat to the humanity; c) to ensure registration and merit control system operation, which would make it possible to identify the most worthy representatives of the society, forming political (cultural, social, aesthetic, etc.) agenda. The state of the future could also protect the results of creative activity from theft and defamatory use; protect an individual's honor and dignity. According to the author, an "antagonistic" post-capitalist society, in which there is a struggle for creative self-realization and the need for a "personality-safeguarding" state, is much more preferable than an anarchic society that cultivates "personal equality", which inevitably leads to the predominance of anonymity and impersonality.

Key concepts:
state,
dying of the state,
postcapitalism,
communism,
socialism,
anarchism,
Marxism,
class struggle.

Для цитирования: Абрамкина С. Р., Владыкина Л. Б., Лукин А. Н. Использование проектного метода в государственном и муниципальном управлении: от декларирования к результативности // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 37—45.

УДК 338.242

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА В ГОСУДАРСТВЕННОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ: ОТ ДЕКЛАРИРОВАНИЯ К РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

Абрамкина Светлана Рафаиловна,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующая кафедрой экономики и менеджмента,
кандидат экономических наук
Российская Федерация,
454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: abramkina@chel.ranepa.ru

Владыкина Лариса Борисовна,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры экономики и менеджмента,
кандидат экономических наук, доцент,
Российская Федерация,
454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: vladykina71@mail.ru

Лукин Анатолий Николаевич,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры государственного управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат культурологии, доцент,
Российская Федерация,
454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: anlukin@mail.ru

Аннотация

Проектный менеджмент в государственном и муниципальном управлении находит всё более широкое применение. Согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в стране определено 12 национальных проектов, реализация которых потребует разработать сотни проектов на региональном уровне.

В процессе работы предстоит решить значительное количество задач. Прежде всего это кадровое обеспечение, организация экспертного сопровождения, мониторинг достижения ключевых показателей, обеспеченность материальными и информационными

ресурсами. Серьёзного пересмотра требует организация работы проектных офисов на местах, которые будут способствовать решению ключевых вопросов.

Цели исследования: выявить проблемы в использовании проектного менеджмента в государственном и муниципальном управлении в современной России и определить возможности повышения результативности его применения.

Методы: функциональный анализ, сравнительный анализ, системный анализ, синтез, абстрагирование, описание и объяснение. Авторы данной статьи с 2011 г. являются модераторами проектных групп на площадке Челябинского филиала РАНХиГС в ходе реализации программы дополнительного образования «Управление в социальной сфере». При их участии разработаны и успешно реализованы десятки проектов в сфере образования, здравоохранения и культуры.

Научная новизна: выявлены проблемы использования методов проектного менеджмента на государственной и муниципальной службе и определены направления повышения эффективности. Нами обосновано, что для успешной реализации проектов необходимо обеспечить тщательный отбор кадрового состава проектных офисов и членов проектных команд, организовать их обучение проектному менеджменту. Следует осуществлять экспертное сопровождение и постоянный мониторинг реализации проектов (прежде всего в контрольных точках), распространять лучший опыт использования проектного менеджмента в государственном и муниципальном управлении.

Результаты. Проектный менеджмент в государственном и муниципальном управлении будет находить всё более широкое применение, так как обладает рядом неоспоримых преимуществ, прежде всего это возможность концентрировать использование ресурсов для достижения стратегических целей в четко обозначенных временных рамках, обоснованность и прозрачность принимаемых решений, высокая вероятность получения ожидаемого конечного результата. В перспективе он будет все активнее применяться в различных сферах деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Однако нужны серьёзные управленческие решения, направленные на активизацию процессов обучения и мотивации проектных команд, экспертное сопровождение проектов, организацию межведомственного взаимодействия, информационное обеспечение, мониторинг промежуточных и конечных результатов проекта. Жесткие временные рамки реализации национальных проектов не оставляют времени на затягивание данных процессов.

Заключение. Повышение компетентности государственных и муниципальных служащих в сфере проектного менеджмента, создание системы стимулов по результатам личной эффективности и общей успешности проектной деятельности, организация результативной работы проектных офисов позволит организовать проектную работу в регионе и муниципальных образованиях на более эффективном уровне.

Ключевые понятия:

проектный менеджмент,
государственное управление,
проектные команды,
проектный офис,
индикаторы.

Введение

Сегодня в государственном управлении проектный метод находит самое широкое применение. Он давно и успешно используется за рубежом, а теперь занял достойное место и в России. Для достижения амбициозных стратегических целей государственного масштаба в России принято 12 национальных и 67 федеральных проектов, в которых четко определены конкретные цели, а также указаны сроки реализации, показатели и индикаторы их достижения, рассчитаны необходимые ресурсы и названы ответственные за получение конечного результата.

Примерами успешного использования проектного менеджмента в государственной сфере на локальном уровне в наши дни является деятельность центров инновационного развития на территории Российской Федерации, а также применяемые практики реализации концепции «территорий опережающего развития», проекты, связанные с космическими, коммуникационными, электронными, топливно-энергетическими технологиями.

Особого внимания заслуживает деятельность проектного офиса Правительства Москвы, обеспечивающего внедрение инновационных практик, направленных на повышение качества городской среды и эффективности хозяйства столицы, а также отвечающего за разработку и реализацию программ и проектов, содействующих развитию инновационного предпринимательства [8].

Реализация национальных и федеральных проектов влечет за собой необходимость разработки, утверждения и реализации множества проектов на разных уровнях государственного и муниципального управления. На наш взгляд, при этом следует учитывать тот факт, что в субъектах Российской Федерации и особенно в муниципальных образованиях многие управленцы недостаточно хорошо владеют проектными компетенциями, поэтому формировать проектные команды необходимо из специалистов, прошедших соответствующее обучение и подготовку. Важно также организовать экспертное сопровождение проектной деятельности, поэтому в команде должны работать как руководители и специалисты органов государственной власти и местного самоуправления, так и представители бизнеса, некоммерческих организаций, а также учреждений культуры, науки и образования.

Использование проектного менеджмента в государственном и муниципальном управлении

Так как государственные программы включают подпрограммы и портфели проектов, которые объединяют общие цели, ресурсное обеспечение, временной фактор и прочее, то проектный менеджмент является ключевой деятельностью в реализации программ [6]. По мнению Ю. В. Павкиной, «необходимость перехода Российской Федерации на принципы проектного управления обуславливается модернизацией экономики и реализацией инновационных проектов и проектов инфраструктуры, а также развитием территориальных кластеров» [10, с. 211]. О. Н. Сафонова и Е. А. Анчихров называют ряд четко обозначившихся трендов, позволяющих сделать вывод о возрастании доли и значения проектно-ориентированной деятельности. Важнейшими среди них являются:

- переход от экстенсивного роста и регулирования к интенсивному развитию на основе инновационных подходов, конкуренции и мотивационных механизмов;
- сокращение жизненного цикла производства и создание новых видов государственных услуг;
- персонификация спроса и предложения продуктов и услуг [12].

Не случайно проектный менеджмент оказался столь востребован в государственном управлении в современной России: при необходимости достижения стратегических амбициозных целей в условиях ограниченности ресурсов, проектирование позволяет концентрированно использовать их на стратегически важных направлениях. Как отмечают А. И. Васильев и С. Е. Прокофьев, «методы проектного управления призваны мобилизовать и структурировать ресурсы организации на достижение целей проектов» [3, с. 44]. В то же время на региональном и тем более на муниципальном уровне проектный менеджмент используется у нас пока не достаточно активно [9]. В связи с тем, что современный этап развития экономики отличается усилением конкуренции и прогрессом в области технологий, при отборе и реализации проектов на региональном уровне нужно тщательно учитывать присущие территориям специфические проблемы управления и ресурсной обеспеченности [2, с. 139].

Ещё одно неоспоримое преимущество использования проектного менеджмента в

государственном и муниципальном управлении — обеспечение высокой степени прозрачности деятельности властных структур, обоснованности и своевременности принимаемых ими решений. В этой связи, есть реальная возможность для осуществления эффективного общественного контроля на постоянной основе использовать институты гражданского общества, которые всё более активно проявляют себя в своей гражданско-горизонтальной нише в социальной, духовной и экономической сферах, обеспечивая оптимальное сочетание государственно-общественных, экономических и социальных, а также индивидуально-личностных интересов [7, с. 8].

Кроме того, проектный менеджмент предполагает формирование системы мотивации, направленной на получение конечного результата. Это особенно важно по отношению к государственному и муниципальному управлению, где для многих руководителей и специалистов характерно мышление работника, ответственного в большей степени за протекающие процессы, нежели за конечный результат.

Отметим специфику управления проектами в государственных структурах:

- более жёсткое правовое регулирование деятельности государственных органов;
- строгая субординация, предполагающая систематическую отчётность по вертикали власти;
- расходуются прежде всего бюджетные средства;
- открытость деятельности, публичный отчёт, общественный контроль при участии институтов гражданского общества;
- направленность на достижение стратегических приоритетных для социума целей;
- предпочтение получению социального эффекта от реализации проекта перед его прибыльностью.

Важной целью внедрения проектного менеджмента в государственном и муниципальном управлении может стать повышение эффективности внутриведомственного, межведомственного и межуровневого взаимодействия. Реализация национальных проектов предполагает как раз формирование таких проектных команд, в которые войдут представители различных министерств и ведомств, представители бизнеса и некоммерческих организаций. Преодолевается ограниченность ведомственного мышления. Ряд интересных проектов в социальной сфере,

например, предполагает достижение синергии от синтеза ресурсов сфер образования и здравоохранения, культуры и образования и тому подобное.

Частные инвесторы, которые всегда внимательно следят за направленностью государственной политики, также будут учитывать наметившиеся тренды при составлении своих бизнес-планов, и в результате мультипликация от бюджетных вложений будет более заметна [13].

Соблюдение и сокращение сроков получения достижения результата — ещё одно преимущество проектного менеджмента, предполагающего наличие контрольных точек, в которых осуществляется мониторинг реализации проекта, делается необходимая корректировка усилий при отставании от сроков получения промежуточного результата. При необходимости, в проект вовремя могут быть внесены нужные изменения.

Наконец, при рассматриваемом нами подходе чётко просчитываются расходы, необходимые для получения результата, высок уровень обоснования выделения ресурсов, есть чёткое понимание того, когда, сколько и на какие цели осуществляется финансирование.

Программы реализации национальных и федеральных проектов не собираются как карточные домики из частных, ранее принятых программ и проектов. Напротив, именно региональные программы и проекты формируются, пересматриваются, перестраиваются в соответствии с целевыми установками и заданиями, принятыми на федеральном уровне.

Погружение региональных приоритетных проектов в национальные и федеральные проекты не означает оторванность их от стратегических целей региона, но в то же время предполагает:

- персонализацию ответственности по всей вертикали власти;
- акцент со стороны федерального центра на реальные результаты («прорывы») предполагает концентрацию расходов средств на стратегически важных направлениях развития экономики и социальной сферы регионов;
- регулярный контроль хода реализации федеральных проектов со стороны федерального центра;
- обширный набор целевых показателей, достижение которых постоянно мониторится;
- оперативность перераспределения ресурсов и своевременной корректировки планов;

- предсказуемость сроков и результатов работ, поскольку у проекта есть план и контрольные точки его выполнения;
- возможность выявить ещё на стадии разработки проекта риски и вовремя принять меры по их минимизации;
- наличие стейкхолдеров, учёт их интересов и возможность их быстрого подключения к проекту.

Резервы повышения эффективности применения проектного метода в государственном и муниципальном управлении

Можно согласиться с О. Сабденом в том, что в нашей стране «практически отсутствует столь необходимая для современной экономики система проектирования процессов как способ объединения усилий государства, науки и университетов, бизнеса (малый, средний и крупный), потребителя-человека и потребителя-общества [11, с. 59]. Однако на наших глазах и при нашем участии такая система сейчас формируется.

В России проектный менеджмент ещё используется не так широко, как в некоторых зарубежных странах. По данным Японской ассоциации управления проектами, все инвестиционно-строительные проекты, осуществляемые в рамках программ развития территорий, оцениваются и реализуются в этой стране с помощью технологий проектного управления, в то время как в России используется не больше 1,5—2 % от их общего количества [17, с. 442].

В то же время инвестиции в проекты развития отдельных регионов — новая тактика руководства страны в достижении социально-экономической эффективности российского общества [14, с. 82]. Нет сомнений, что проектный метод будет всё более широко использоваться в России, как в государственном, так и в муниципальном управлении. Однако, стремясь находиться в модном тренде, руководители на местах порой выхолащивают его содержание. Например, проекты инициируются и реализуются во многих случаях спонтанно, без координации со службами (кадровой, финансовой, материально-технического обеспечения и др.), без полного учета стратегий функционирования и развития территорий.

В органах государственной власти и местного самоуправления на настоящий момент можно встретить два принципиально отличных друг от друга вида деятельности:

процессную и проектную. Процессный вид деятельности отличается своей цикличностью. Органы власти, как правило, как раз и создаются для осуществления определённых процессов.

Процессом мы можем назвать регулярно повторяющуюся последовательность действий, при которой расходуются ресурсы и получается некий результат. В отличие от этого, для достижения целей развития, инновации, качественного изменения ключевых показателей развития субъекта федерации или муниципального образования требуются преобразования иного рода, которые осуществляются в рамках реализации проектов.

Проект — это ограниченный временными рамками комплекс мероприятий, реализуемый специально созданными для этого командами. Конечной целью проекта является получение уникального результата. А. В. Щёголев считает, что «проектное управление представляет собой управление видами деятельности, которые требуют постоянного регулирования в условиях строгих ограничений по срокам, качеству работ и затратам» [17, с. 441]. Отличительными чертами любого проекта являются направленность на достижение целей и уникальность его результатов в условиях наличия множества ограничений. Проектный менеджмент, в противовес функциональному подходу, предполагает исключение лишних для получения конечного результата процессов, что гарантирует экономии ресурсов, инициирует эффективное взаимодействие всех заинтересованных субъектов и, благодаря наличию детализированного плана, делает результаты, сроки выполнения проекта более прогнозируемыми. Всё перечисленное позволяет проводить качественный мониторинг проекта и обеспечивает высокую вероятность достижения поставленных целей.

В государственном и муниципальном управлении имеет место противоречие между проектными и функциональными механизмами управления, поскольку, с одной стороны, провозглашается переход на проектное управление, а с другой, реализуются эти проекты при помощи старого набора подходов и механизмов, что снижает вероятность успешной реализации проекта.

В ходе интервьюирования, проведенного нами, многие государственные служащие, руководители учреждений культуры, здравоохранения и образования признали, что модель управления, построенная на поручениях, является преимущественно вертикальной, тогда как проектный подход в зна-

чительной степени способствует развитию горизонтальных связей. При этом оба подхода могут сочетаться в государственном и муниципальном управлении.

В Российской Федерации ещё только предстоит разработать и ввести в действие систему стимулирования за участие в проектной деятельности государственных и муниципальных служащих. Для управления мотивацией членов проектной команды в коммерческих организациях разрабатываются показатели результативности (эффективности) — КПЭ — как для всего проекта, так и для каждого конкретного участника. От этих показателей существенным образом зависит размер стимулирующих выплат. Опыт коммерческих структур, на наш взгляд, должен быть учтён при формировании системы мотивации членов проектных команд в органах государственной власти и местного самоуправления.

Эксперты отмечают, что во многих органах власти разного уровня в планы текущей деятельности охотно и часто включаются пункты, которые обозначены как проекты, но таковыми не являются. Тогда как умение выделить проекты в деятельности органов власти, понять их особенности — первый шаг на пути применения специальных подходов и инструментов проектного управления [18, с. 168].

Модным термином «проект» называют сегодня всё, что угодно. Всё это свидетельствует о том, что в ближайшее время предстоит решить важнейшую задачу обучения проектному менеджменту многих руководителей и специалистов регионального и местного уровня. Е. В. Васильева и М. В. Мирзоян приводят данные проведённого ими опроса, согласно которому «только 9,52 % опрошенных государственных служащих ответили, что профессиональных знаний им вполне хватает в работе, а более 75 % в этом уверены не были. 11,44 % служащих согласились с тем, что они ощущают нехватку профессиональных знаний при выполнении задач» [4, с. 83].

Проектная деятельность предполагает знание и детальную оценку текущей ситуации, использование актуальных данных и технологий, возможность получения необходимых экспертных заключений, анализ достоинств и недостатков реализации схожих проектов. Как отмечает Н. А. Штурбина, серьёзно сдерживает продвижение проектного метода «отсутствие профессиональных устойчивых связей между регионами, муниципалитетами и даже образовательными организациями внутри одного муници-

палитета, погружения в успешную практику других управленцев» [16, с. 9].

Нужно организовать сбор информации о лучших реализованных проектах. Источниками информации должны стать специализированные обзоры, статьи в периодических изданиях, материалы российских и международных конференций и семинаров, официальные сайты органов государственного управления и местного самоуправления, собственные базы знаний вузов и т. д. [15]. На формирование проектных компетенций нынешних и будущих управленцев должны быть нацелены российские вузы [1]. Уместно говорить об использовании проектного метода при формировании человеческого капитала [5].

Развитие кадров — основа деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Управление человеческими ресурсами при использовании проектного менеджмента — одна из важнейших задач. Работа членов проектных команд создаёт возможность для развития, как отдельного служащего, так и структурного подразделения, да и всей организации. Для успешной реализации проекта на протяжении его жизненного цикла к нему подключаются разные специалисты (в том числе представители бизнеса, некоммерческих организаций, эксперты от общественных организаций и др.) с различным уровнем квалификации. Состав и количество участников изменяются в процессе осуществления проекта. Однако все члены проектной команды должны обладать базовыми компетенциями в области проектной деятельности.

Всё это требует создания единой информационной системы и доступа к ней участников проектной деятельности. Опыт проектных решений и их реализации должен аккумулироваться и быть основанием для продвижения новых проектных идей. На наш взгляд, реализация национальных проектов даст новый импульс развитию информационного пространства (интернет-ресурсы, средства телекоммуникации) и реализации комплекса мер по поддержке и популяризации социально значимых для населения проектов. Должна быть в полной мере обеспечена информационная и консультационная поддержка проектных команд по действующим нормативно-правовым актам.

Среди проблем, встречающихся в органах власти при использовании проектного менеджмента, чаще всего экспертами называют следующее:

- значительная часть проектов не реализуется в установленные сроки;
- реализуются проекты с неочевидной пользой для развития территорий;
- приоритеты проектов корректируются слишком часто, а руководители подразделений не участвуют в контроле этого процесса;
- руководителям приходится постоянно прилагать значительные усилия, чтобы обеспечить выделение ресурсов, часто по причине того, что не качественно проведено обоснование состава мероприятий, объемов их финансирования;
- информация о проектах неточна или вообще отсутствует;
- индикаторы лишены управленческого смысла, так как не предусмотрено ответственности лиц, виновных за то, что не достигнуты целевые значения и вовремя не осуществлены корректирующие действия;
- выполняются не те проекты, какие следует;
- некоторые проекты, на которые затрачены большие средства, прекращаются до получения нужных результатов или разработанные проекты «складываются на полку» и не внедряются;
- слишком велик объём переделок проектов;
- проекты не предполагают увязки целевых индикаторов и выбранных технологий, механизмов и инструментов их достижения;
- низкая окупаемость проектов;
- невысокая степень тиражируемости проектов, а порой отсутствие необходимой информации об успешно реализованных проектах в соседних регионах;
- служащие, занятые в проектной деятельности, чрезмерно загружены.

Всё перечисленное является следствием выхолащивания содержания проектного менеджмента на местах, низкой компетентности и недостаточным уровнем мотивации ответственных должностных лиц и членов проектных команд.

Эти проблемы свидетельствуют ещё и о том, что не вполне эффективно функционируют в большинстве регионов проектные офисы министерств и ведомств, а на местном уровне они даже не везде созданы. Тогда как проектные офисы как раз и должны решать обозначенные проблемы. Кроме того, они позволяют эффективно управлять

портфелями проектов, что, среди прочего, предполагает:

- проведение стратегических сессий по постановке целевых векторов развития региона (муниципального образования);
- создание портфелей проектов по приоритетным направлениям развития региона (муниципального образования);
- установление приоритетов;
- согласование и приведение проектов в соответствие со стратегиями региона (муниципального образования);
- консультационные и прочие услуги (спасение срывающихся проектов, оценка и ускорение работ по проектам, аудиты, управление рисками, ведение веб-портала и управление информационной системой и др.);
- обучение и повышение квалификации (принятие единой методологии и методик, организация наставничества, курсов повышения квалификации, сертификации и др.);
- административная работа и управление персоналом (ведение отчетности по проектам, сбор данных и распространение отчетов, операционное планирование и прогнозирование, управление контрактами и изменениями, карьерный рост и стимулирование кадров и др.);
- ведение архивов (обобщение опыта, библиотека документов по проектам и управление базами знаний, хранение информации, обеспечение полноты и защищенности данных и др.).

Отметим, что проектный офис — специально выделенная структурная единица администрации, основными функциями которой являются сопровождение и мониторинг реализуемых проектов, развитие методологии проектной деятельности, а также формирование проектной культуры в органах государственной власти и местного самоуправления.

Управление портфелями проектов предполагает направленность на достижение стратегических целей региона (муниципального образования, организации), оно сфокусировано на обеспечении анализа проектов и программ с задачей выбора правильных программ или проектов, установления приоритетов, предоставления необходимых ресурсов.

Проектные офисы должны выполнять и другие важные задачи для обеспечения достижения целей национальных, феде-

ральных, региональных и муниципальных проектов. Например, оценку ценности проектов (работает ли на стратегическую цель, способствует ли достижению ключевых показателей, позволяет ли привлечь внебюджетные средства и т. д.) и их реализуемости (ресурсная обеспеченность, отсутствие технических рисков, отсутствие организационных рисков и др.).

Налаживание работы проектных комитетов и проектных офисов на местах, на наш взгляд, — важнейший резерв повышения эффективности использования проектного метода в государственном управлении. Решить эту задачу предстоит в самые сжатые сроки.

Заключение

Внедрение проектного менеджмента на современном этапе является ключевым направлением развития государственного и муниципального управления. Нацеленность на результат в условиях жестких ресурсных и временных ограничений, четкие цели и задачи, управление рисками и ограничениями — вот основные слагающие эффективности проектного менеджмента. Новые вызовы требуют развития компетентности государственных служащих: гибкость мышления и готовность к изменениям, умение взаимодействовать в рамках командной работы, персональная эффективность и принятие решений в условиях риска и неопределенности.

1. Абрамкина С. Р., Домрачев С. С. Проектный подход в обучении студентов // Подготовка профессиональных управленческих кадров: опыт, проблемы, инновационные образовательные технологии : сб. науч. тр. Челябинск : Челяб. филиал РАНХиГС, 2014. С. 14—17.

2. Будаева И. О. Применение проектного менеджмента как наиболее эффективного инструмента управления интеллектуальным потенциалом в регионе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23. № 9. С. 134—143.

3. Васильев А. И., Прокофьев С. Е. Организация проектного управления в органах государственной власти // Управленческие науки. 2016. Т. 6. № 4. С. 44—52.

4. Васильева Е. В., Мирзоян М. В. Проблемы формирования кадрового потенциала государственной службы в контексте реализации нового государственного менеджмента // Управленческие науки. 2017. Т. 7. № 4. С. 80—89.

5. Владыкина Л. Б. Проектный подход при формировании человеческого капитала: постановка задачи // Государственное и муниципаль-

ное управление в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф. Челябинск : Челяб. филиал РАНХиГС, 2015. С. 114—118.

6. Заболотских А. К., Синяева О. Ю. Направление применения проектного менеджмента в государственной сфере на сегодняшний день в Российской Федерации // Лидерство и менеджмент. 2015. Т. 2. № 3. С. 209—222.

7. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Гражданское общество в современной России: основные сценарии становления и развития // Социум и власть. 2016. № 3. С. 7—16.

8. Игнатова А. М. Применение проектного метода в государственном управлении современной России // Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием. 2016. Т. 7. № 1. С. 176—189.

9. Кузнецова Е. Г., Горин И. А. Практика применения проектного подхода к реализации государственных программ развития региона // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2017. № 2. С. 31—37.

10. Павкина Ю. В. Применение проектного менеджмента в государственном секторе Российской Федерации // Научный альманах. 2017. № 4-1 (30). С. 209—211.

11. Сабден О. Инновационные проекты ускоренного развития экономики // Общество и экономика. 2017. № 9. С. 58—66.

12. Сафонова О. Н., Анчихров Е. А. Внедрение проектного управления в исполнительных органах государственной власти как механизм эффективного управления ресурсами // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2015. № 2 (14). С. 58—67.

13. Смирнов М. А. Повышение эффективности реализации государственных программ за счёт проектного подхода // Финансы и кредит. 2016. № 35 (707). С. 37—48.

14. Усик Н. И. Исследование задач управления национальным хозяйством в России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2016. № 3. С. 79—84.

15. Филимонова Н. М., Моргунова Н. В. Методические подходы к оценке лучших практик применения методов проектного управления органами государственной власти // Российское предпринимательство. 2013. № 23 (245). С. 10—19.

16. Штурбина Н. А. Анализ существующей системы подготовки управленческих кадров. Перспективные направления её развития в контексте проектного подхода // Преемственность в образовании. 2016. № 13 (10). С. 4—16.

17. Щеголев А. В. Повышение эффективности государственной экономической политики на основе внедрения проектного управления // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 6. С. 440—445.

18. Юрьева Т. В. Проектное управление: макроэкономический аспект // Наука и бизнес: пути развития. 2013. № 8 (26). С. 168—171.

References

1. Abramkina S.R. Domrachev S.S. (2014) Proektnyj podhod v obuchenii studentov // Podgotovka professional'nyh upravlencheskih kadrov:

опыт, проблемы, innovacionnye obrazovatel'nye tekhnologii. Chelyabinsk, Chelyabinskij filial RANHiGS Publ., pp. 14—17 [in Rus].

2. Budaeva I.O. (2017) *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universitetavol. 23, no. 9. pp. 134—143. [in Rus].*

3. Vasil'ev A.I., Prokof'ev S.E. (2016) *Upravlencheskie nauki, vol. 6, no. 4, pp. 44—52 [in Rus].*

4. Vasil'eva E.V., Mirzoyan M.V. (2017) *Upravlencheskie nauki, vol. 7, no. 4, pp. 80—89 [in Rus].*

5. Vladykina L.B. (2015) Proektnyj podhod pri formirovanii chelovecheskogo kapitala: postanovka zadachi // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie v HKHI veke. Chelyabinsk, Chelyabinskij filial RANHiGS Publ., pp. 114—118 [in Rus].

6. Zabolotskih A.K., Sinyaeva O.Yu. (2015) *Liderstvo i menedzhment, vol. 2, no. 3, pp. 209—222 [in Rus].*

7. Zyrjanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Socium i vlast', no. 3, pp. 7—16 [in Rus].*

8. Ignatova A.M. (2016) *Marketing MVA. Marketingovoe upravlenie predpriyatiem, vol. 7, no. 1, pp. 176—189 [in Rus].*

9. Kuznecova E.G., Gorin I.A. (2017) *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ehkonomiki, no. 2, pp. 31—37 [in Rus].*

10. Pavkina Yu.V. (2017) *Nauchnyj al'manah, no. 4-1 (30), pp. 209—211 [in Rus].*

11. Sabden O. (2017) *Obshchestvo i ehkonomika, no. 9, pp. 58—66 [in Rus].*

12. Safonova O.N. (2015) *Modeli, sistemy, seti v ehkonomike, tekhnike, prirode i obshchestve, no. 2 (14), pp. 58—67 [in Rus].*

13. Smirnov M.A. (2016) *Finansy i kredit, no. 35 (707), pp. 37—48 [in Rus].*

14. Usik N.I. (2016) *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ehkologicheskij menedzhment, no. 3, pp. 79—84 [in Rus].*

15. Filimonova N.M., Morgunova N.V. (2013) *Rossijskoe predprinimatel'stvo, no. 23 (245), pp. 10—19 [in Rus].*

16. Shturbina N.A. (2016) *Preemstvennost' v obrazovanii, no. 13 (10), pp. 4—16 [in Rus].*

17. Shchegolev A.V. (2016) *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk, vol. 11, no. 6, pp. 440—445 [in Rus].*

18. Yur'eva T.V. (2013) *Nauka i biznes: puti razvitiya, no. 8 (26), pp. 168—171 [in Rus].*

For citing: Abramkina S.R.,
Vladykina L.B., Lukin A.N.
Project management in the system
of state and municipal government:
experience, problems and their solutions //
Socium i vlast'. 2019. № 2 (76). P. 37—45.

UDC 338.242

PROJECT MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF STATE AND MUNICIPAL GOVERNMENT: EXPERIENCE, PROBLEMS AND THEIR SOLUTIONS

Svetlana R. Abramkina,

The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration, Chelyabinsk branch,
Head of the Department Chair of Economics
and Management, Cand.Sc. (Economics)
Russian Federation,
454077, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: abramkina@chel.ranepa.ru

Larisa B. Vladykina,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch, Associate Professor,
Department Chair of Economics and Management,
Cand.Sc. (Economics), Associate Professor,
Russian Federation,
454077, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: vladykina71@mail.ru

Anatoly N. Lukin,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch, Associate Professor
of the Department Chair of Public Administration,
Legal Support of State
and Municipal Service,
Cand.Sc. (Cultural Studies), Associate Professor,
Russian Federation,
454077, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: anlukin@mail.ru

Abstract

Project management in state and municipal government is becoming more widely used. According to the Presidential Decree No. 204 of May 7, 2018, "On National Objectives and Strategic Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2024," 12 national projects have been identified in the country, the implementation of which will require the development of hundreds of projects at the regional level.

While working, a significant number of tasks have to be solved. First of all, it is staffing, organizing expert support, monitoring the achievement of key indicators, availability of material and information resources. Organizing the project offices work

at the local level requires revising, which will contribute to solving key issues.

The aim of the study is to identify problems in project management application in state and municipal government in modern Russia and to identify opportunities for improving the effectiveness of its application.

Methods: functional analysis, comparative analysis, system analysis, synthesis, abstraction, description and explanation. Since 2011, the authors of this article are moderators of project groups at the site of the Chelyabinsk branch of the RANEPa while implementing the extended education program "Management in the social sphere". With their participation, dozens of projects in education, health and culture have been developed and successfully implemented.

Scientific novelty: the authors identify problems with the use of project management methods in the state and municipal service and directions for increasing efficiency.

We justified that for successful implementation of projects it is necessary to ensure a thorough selection of the staff of project offices and members of project teams, to organize their training in project management. Expert support and constant monitoring of project implementation (primarily at control points) should be carried out, and the best experience in using project management in state and municipal administration should be disseminated.

Results. Project management in state and municipal government will be widely used, as it has a number of indisputable advantages, first of all, it is the ability to concentrate the use of resources for achieving strategic goals within clearly defined time frames, reasonableness and transparency of decisions made, high probability of getting the expected final result. In the future, it will be increasingly applied in various fields of state and local government bodies activity.

However, we need serious management decisions aimed at enhancing training and motivating project teams, expert support of projects, organizing inter-agency cooperation, information support, monitoring of intermediate and final project results. Rigid time frames for implementing national projects do not make it possible to delay these processes.

Conclusion. Increasing the competence of state and municipal servants in project management, creating a system of incentives based on personal effectiveness and overall success of project activities, organizing effective work of project offices will make it possible to organize project work in the region and municipalities at a more efficient level.

Key concepts:

project management,
public administration,
project teams
project office
indicators.

Для цитирования: Коротина Н. Ю., Абрамкина С. Р., Алдошенко Е. В. Особенности финансовой поддержки социально ориентированных проектов в муниципальном образовании // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 46—55.

УДК 330.190.2.

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПРОЕКТОВ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Коротина Наталья Юрьевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заведующая кафедрой экономики, финансов и бухгалтерского учета, кандидат экономических наук, доцент, Российская Федерация, 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
E-mail: korotina@chel.ranepa.ru

Абрамкина Светлана Рафаиловна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заведующая кафедрой экономики и менеджмента, кандидат экономических наук Российская Федерация, 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
E-mail: abramkina@chel.ranepa.ru

Алдошенко Евгений Викторович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заместитель директора по информационным технологиям, кандидат политических наук. Российская Федерация, 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
E-mail: aldoshenko@chel.ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена развитию механизма муниципальной финансовой поддержки некоммерческих организаций при реализации социально ориентированных проектов. В процессе исследования был выявлен положительный опыт взаимодействия муниципальных властей города Челябинска и некоммерческих организаций в рамках финансовой поддержки их социально

направленной деятельности. В исследовании обозначены причины низкой конкурсной активности организаций в вопросах грантоискательства и предложены направления решения данной проблемы.

Цель: проанализировать проблемы муниципального грантоискательства некоммерческими организациями в городе Челябинске, выявить направления совершенствования данного процесса и перспективы его развития.

Методы: в статье использованы статистический анализ, системный анализ, эмпирический анализ, нормативный анализ, структурный анализ.

Научная новизна исследования: выделены формы муниципальной поддержки, уточнено понятие «муниципальный грант», выделены отличительные признаки муниципального гранта, систематизирован порядок предоставления муниципального гранта в городе Челябинске, предложен инструментарий оценки, характеризующий результативность грантоискательства в муниципальном образовании, определены направления развития института грантоискательства в муниципальном образовании.

Результаты: на основе анализа результатов грантоискательства некоммерческими организациями г. Челябинска в 2016—2019 гг. выявлены положительные тенденции развития данного процесса, а именно, увеличение количества некоммерческих организаций, успешно участвующих в конкурсе на получение муниципального гранта. При этом сохраняются проблемы, в частности, в объемах финансирования грантов, в развитии проектных и коммуникационных компетенций членов некоммерческих организаций, в отсутствии единой информационной площадки для некоммерческих организаций. Анализ результатов свидетельствует, что эффекты, полученные от реализации муниципального гранта в социальной сфере, оказались гораздо масштабнее прогнозируемых и стали основой изменения городского пространства.

Заключение: муниципальное грантоискательство некоммерческими организациями способствует развитию самих НКО, а также является ключевым фактором развития социального партнерства и создает условия для улучшения сферы социальной среды города.

Ключевые понятия:

муниципальная поддержка, муниципальный грант, социально ориентированный проект, коммуникационные компетенции, проектные компетенции, управление проектами, некоммерческие организации.

Введение

В развитии института местного самоуправления особая роль принадлежит взаимодействию органов власти и некоммерческих организаций с целью повышения эффективности осуществляемой в муниципальном образовании социальной политики [10; 18]. Действуя в интересах граждан, местные органы власти в рамках своих полномочий создают условия для урегулирования социальных вопросов путем реализации реальных проектов. В свою очередь, некоммерческий сектор способствует объединению людей для совместного разрешения общих проблем [3; 20], тем самым зачастую становясь источником новых идей, новых решений и новых социальных практик, которые и являются основой проектов.

К полномочиям органов местного самоуправления по решению вопросов поддержки некоммерческих организаций относится создание условий для их деятельности.

Оказание поддержки некоммерческим организациям осуществляется в следующих формах:

1. Финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка [4].
2. Поддержка в области подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев социально ориентированных некоммерческих организаций [6].
3. Предоставление социально ориентированным некоммерческим организациям налоговых льгот.
4. Осуществление закупок товаров, работ, услуг для обеспечения муниципальных нужд у социально ориентированных некоммерческих организаций.
5. Предоставление юридическим лицам, оказывающим социально ориентированным некоммерческим организациям материальную поддержку, налоговых льгот¹.

Как показывает практика, основной формой финансовой поддержки социально значимых проектов, инициируемых и реализуемых некоммерческими организациями в муниципальных образованиях, является муниципальный грант [2; 7; 11].

Муниципальный грант как форма поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций

В рамках исследования было проанализировано понятие «муниципальный грант», представленное в нормативно-правовых актах ряда муниципальных образований Российской Федерации (табл. 1).

В результате анализа были выделены отличительные признаки муниципального гранта.

Первое: муниципальный грант — средства муниципального бюджета в форме субсидии. Это означает, что денежные средства выделяются на условиях софинансирования, то есть муниципальные средства не являются единственными ресурсами, для реализации проекта привлекаются и иные источники. Муниципальные средства для поддержки некоммерческих организаций должны быть предусмотрены в бюджете муниципального образования на плановый период, должен быть определен главный распорядитель бюджетных средств и утверждена целевая программа².

Расходы на финансирование муниципальных грантов являются инициативными расходами органов местного самоуправления и могут финансироваться только за счет доходов местных бюджетов [14], то есть при дефиците муниципальных бюджетов расходы на поддержку социально значимых проектов могут быть не предусмотрены.

Второе: бюджетные средства являются целевыми и направляются исключительно на финансирование общественно значимых проектов (программ) некоммерческих организаций [9].

Третье: муниципальный грант предоставляется на конкурсной основе.

Четвертое: для предоставления финансовых средств между грантополучателями (некоммерческими организациями) и грантодателями (администрацией города) заключается договор.

Пятое: некоммерческие организации обязательно должны отчитаться о выполнении проекта и использовании предоставленного муниципального гранта.

Принципами финансирования социально значимых проектов за счет муниципальных средств являются:

¹ О некоммерческих организациях : Федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 31 дек. 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации 1996. №3. Ст. 145.

² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

**Обзор понятия «муниципальный грант»
в нормативно-правовых актах муниципальных образований**

Нормативный правовой акт муниципального образования	Определение понятия
Постановление Администрации города Тюмени от 03.03.2014 года № 43-ПК «Об утверждении порядка предоставления муниципального гранта некоммерческим организациям»	Муниципальный грант — денежные средства бюджета города Тюмени, предоставляемые на конкурсной основе в форме субсидии в целях финансового обеспечения затрат по разработке и реализации проекта.
Постановление Администрации города Хабаровска от 22.02.2017 года № 578 «О проведении городского конкурса по предоставлению муниципальных грантов социально ориентированным некоммерческим организациям на реализацию проектов по созданию системы взаимодействия общественности и администрации города в 2017 году»	Муниципальный грант — средства бюджета городского округа «Город Хабаровск», предоставляемые по итогам конкурса социально ориентированным некоммерческим организациям на безвозмездной и безвозвратной основе и на условиях долевого финансирования в целях финансового обеспечения затрат на реализацию социально значимого проекта
Решение совета депутатов города Мурманска от 07.07.2010 года № 23-248 «О положении о муниципальном гранте администрации города Мурманска»	Муниципальный грант — средства безвозмездно, на конкурсной основе предоставляемые администрацией города Мурманска за счет бюджета муниципального образования город Мурманск, предусмотренных на реализацию муниципальных целевых программ, в распоряжение общественного объединения для выполнения поставленных задач в рамках программы общественного объединения, с условием обязательного обеспечения отчетности об использовании выделенных средств
Постановление Псковской городской думы от 01.11.2005 года № 511 «О Положении о целевом финансировании социально значимых проектов общественных объединений, некоммерческих организаций (о муниципальных грантах) города Пскова»	Муниципальный грант — целевое финансирование, предоставляемое Администрацией города на безвозмездной конкурсной основе за счет средств бюджета города Пскова отдельных социально значимых проектов, направления которых определяются планом социально-экономического развития города, общественных объединений, некоммерческих организаций, действующих на территории города Пскова, по их заявкам на конкурсной основе с обязательным последующим отчетом о выполнении проекта и использовании предоставленных средств
Постановление Администрации города Тулы от 13.05.2011 года № 1269 «Об утверждении положения о муниципальных грантах и порядке их предоставления из бюджета муниципального образования города Тула Администрацией города Тулы общественным организациям для осуществления социально значимых программ, мероприятий и общественно-гражданских инициатив в городе Туле»	Муниципальный грант — безвозвратное целевое финансирование в форме субсидии за счет средств бюджета муниципального образования «город Тула», предоставляемое общественным организациям, осуществляющим свою деятельность на территории муниципального образования город Тула, на конкурсной основе для выполнения заявленных социально значимых программ с обязательным последующим отчетом об их исполнении
Решение Тобольской городской думы Тюменской области от 26.06.2007 года № 127 «О Положении «О муниципальном гранте в городе Тобольске»	Муниципальный грант — целевое финансирование, предоставляемое на конкурсной основе общественным объединениям, некоммерческим организациям Администрацией города Тобольска из средств бюджета города в виде субсидий на возмещение затрат, связанных с осуществлением общественно значимых программ и направляемых на реализацию указанных программ или мероприятий с последующим отчетом об их выполнении
Постановление Администрации города Челябинска от 13.12.2012 года № 272-П «Об утверждении Положения о муниципальных грантах — целевом финансировании социально значимых проектов социально ориентированных некоммерческих организаций»	Муниципальный грант — целевое бюджетное финансирование в форме субсидии на безвозмездной, конкурсной основе отдельных социально значимых проектов, предоставляемое юридическому лицу для реализации общественно-гражданских инициатив в целях социально-экономического развития города Челябинска

- соответствие приоритетам муниципальной политики (социальная значимость проектов);
- равенство прав некоммерческих организаций на получение грантов;
- публичность и открытость процедуры предоставления грантов;
- конкурсный характер рассмотрения заявок.

При определении приоритетных направлений учитываются потребности в решении социальных проблем муниципального образования, а также ресурсы, опыт и экспертные оценки деятельности некоммерческих организаций города.

К приоритетным направлениям предоставления муниципальных грантов относятся:

- социальная поддержка социально незащищенных категорий горожан;
- экологические программы, охрана окружающей среды;
- занятость населения;
- молодежная политика, защита семьи, детства, материнства и отцовства;
- гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание;
- физическая культура и спорт;
- охрана здоровья населения;
- благоустройство города;
- развитие муниципальной демократии;
- межнациональные отношения;
- иные сферы городской жизни, предусмотренные правовыми актами органов местного самоуправления¹.

Порядок предоставления финансовой поддержки социально ориентированных проектов в муниципальном образовании

Практика предоставления финансовой поддержки социально ориентированных проектов в муниципальных образованиях свидетельствует об организации исполнительными органами местного самоуправления ежегодных конкурсов на соискание муниципальных грантов [13; 15; 17]. Организаторы конкурса определяют структуру заявки, обеспечивают информационную

¹ Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг : Указ Президента Российской Федерации от 08 августа 2016 г. № 398 (в ред. от 01 июля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 33. Ст. 5164.

поддержку [8], разрабатывают систему оценки проектов, регистрируют присланные на конкурс заявки и передают их для анализа в конкурсную комиссию, создают условия продуктивной работы комиссии и размещение информации об организациях, получивших муниципальный грант.

Некоммерческие организации для участия в конкурсе должны сформировать необходимый пакет документов — заявку. В нее включаются, как правило, формальные документы (копии свидетельства о государственной регистрации; учредительных документов; решение организации об участии в конкурсе; финансовая отчетность организации и другие) [1, с. 99] и описание самого проекта, который претендует на получение муниципального гранта. В описании проекта включены проблемное поле, поставленные цели и задачи, проектное решение, «дорожная карта» по реализации проекта, смета, стейкхолдеры проекта и ожидаемые результаты.

Анализом поданных заявок и определением победителей конкурса занимается специально создаваемая конкурсная комиссия. Это коллегиальный орган, созданный для принятия квалифицированного решения по результатам оценки поданных некоммерческими организациями заявок. В состав данного коллегиального органа включаются муниципальные служащие, депутаты местного представительного органа, эксперты из местного сообщества.

Основными критериями оценки проектов являются:

- системный подход к процессу реализации проектов;
- соответствие заявленного проекта выделяемому финансированию и уставной деятельности соискателей на получение муниципального гранта;
- направленность проекта на широкие слои населения;
- конкретность, измеримость и достижимость результатов проекта.

Получив муниципальный грант, некоммерческая организация должна реализовывать проект согласно всем этапам и срокам, определенным в заявке. В случае нарушения сроков, нецелевого использования денежных средств и отклонения от заявленного содержания финансирование проекта может быть прекращено.

Таким образом, подача заявки и получение муниципального гранта является длительной и формализованной процедурой.

Финансирование социально ориентированных проектов в городе Челябинске

Целевое финансирование социально значимых проектов некоммерческих организаций осуществляется в городе Челябинске с 2006 г. [12], что свидетельствует о действующем механизме партнерских отношений между исполнительным муниципальным органом и общественными объединениями. Эти отношения сформированы на основе единства интересов, взаимного доверия, открытости и заинтересованности в позитивных изменениях города

Порядок предоставления муниципальных грантов в городе Челябинске представлен на рисунке.

Количественные результаты грантоискательства по поддержке социально ориентированных проектов некоммерческих организаций в городе Челябинске в 2016—2019 гг. (представлены в табл. 2).

По результатам анализа выявлено, что количество проектов, поданных на участие в конкурсе на соискание муниципального гранта в 2016, 2018, 2019 гг. находится примерно на одном уровне. В 2017 г. количество заявок было значительно меньше — 24. Резкое снижение показателя в 2017 г. объясняется достаточно слабой информационной поддержкой конкурса муниципальных грантов. Даже увеличение практически вдвое в 2018 и 2019 гг. участников является незначительным прогрессом в процессе грантоискательства в муниципалитете, так как 46 организаций составляют только 2 % от 1700 некоммерческих организаций в городе Челябинске. Помимо низкой информированности, причиной слабого участия НКО в конкурсе грантов является и отсутствие необходимых знаний и умений по инициации, оформлению и реализации социально значимых проектов.

Низкую компетентность в составлении заявок подтверждает показатель доли проектов, допущенных к конкурсной процедуре, который колеблется от 87,5 до 95,7 %, то есть от 2,2 до 12,5 % поданных заявок не было допущено до конкурса по причине несоответствия заявки установленным требованиям.

Необходимо обратить внимание, что количество поддержанных экспертами заявок ежегодно превышает количество проектов, которые фактически получили финансовую поддержку в виде муниципального гранта. В 2019 г. из 27 поддержанных экспертами проектов получают грант только 25 организаций. Эксперты анализируют представлен-

ную документацию, а конкурсная комиссия принимает решение после очной защиты проекта. Основная причина отказа в предоставлении гранта по поддержанным экспертами проектов заключается в недостаточном развитии коммуникативных компетенций членов НКО для публичного представления проектов.

Для оценки результативности грантоискательства в муниципальном образовании был введен коэффициент удовлетворения заявок, который рассчитывается по следующей формуле:

$$K_{уд.з.} = \frac{\text{Количество одобренных заявок}}{\text{Количество поданных заявок}} \cdot 100,$$

где $K_{уд.з.}$ — коэффициент удовлетворения заявок,

Количество одобренных заявок — количество проектов, получивших полную или частичную финансовую поддержку,

Количество поданных заявок — количество проектов, заявленных для участия в конкурсе.

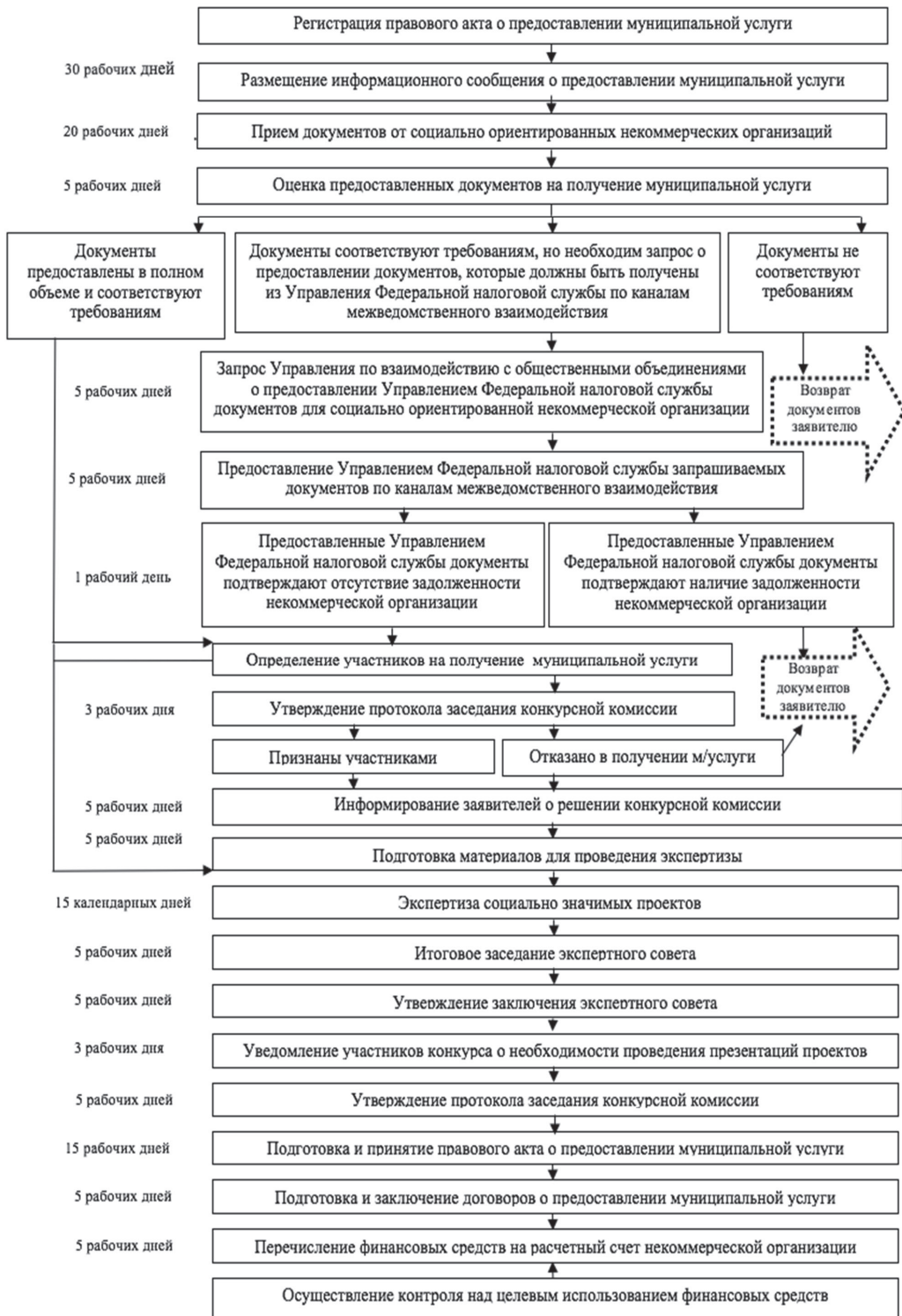
Финансовые параметры выделения финансовой поддержки социально ориентированным организациям представлены в табл. 3.

Ежегодная сумма финансирования социально значимых проектов в 2016—2018 гг. в рамках конкурса на соискание муниципального гранта оставалась неизменной и составляла в год 2 370 600 руб., в 2019 г. общая сумма финансирования увеличилась до 2 720 600 руб.

Всего за период 2016—2019 гг. муниципальная поддержка на общую сумму 9 832 400 рублей оказана для реализации 74 социально значимых проектов.

Независимо от муниципальной финансовой поддержки некоммерческие организации для реализации социально значимых проектов привлекают средства из иных источников: собственные средства организаций, выручка от коммерческой деятельности организаций, финансовая помощь. Доля муниципального гранта в общей стоимости проектов для различных некоммерческих организаций варьируется от 6,9 до 94,8 %. Доля финансовой поддержки в запрашиваемой сумме на реализацию социально значимых проектов для разных организаций варьировалась от 23,6 до 100,0 %. Стопроцентное предоставление запрашиваемой суммы было оказано за 2016—2019 гг. 12 организациям.

Необходимо отметить, что снизилось количество заявок на полное финансирование, то есть некоммерческие организации

Порядок предоставления муниципального гранта в городе Челябинске

Таблица 2

Количество заявок некоммерческих организаций, принявших участие в конкурсе на соискание муниципального гранта в 2016—2019 гг.

Показатель	2016	2017	2018	2019
Количество проектов, поданных в качестве заявки на участие в конкурсе, ед.	41	24	46	46
Количество проектов, допущенных к конкурсу на получение муниципального гранта, ед.	37	21	45	44
Доля проектов, допущенных к конкурсной процедуре, %	90,2	87,5	97,8	95,7
Количество проектов, поддержанные экспертным советом, ед.	18	16	29	27
Количество проектов, получивших финансовую поддержку, ед.	16	13	20	25
Коэффициент удовлетворения заявок, %	39,0	54,2	43,5	54,3

Таблица 3

Финансовая поддержка социально значимых проектов в 2016—2019 гг.

Показатель	2016	2017	2018	2019
Общая сумма муниципальной финансовой поддержки социально значимых проектов, руб.	2 370 600	2 370 600	2 370 600	2 720 600
Запрашиваемая сумма на реализацию социально значимых проектов, поддержанных Администрацией города, руб.	3 484 918	3 013 209	4 251 436	5 457 690
Общая сумма, запланированная на реализацию социально значимых проектов, поддержанных Администрацией города, руб.	7 336 594	7 100 586	7 863 534	12 816 169
Сумма, привлеченная из альтернативных источников, на реализацию социально значимых проектов	3 851 676	4 087 377	3 612 098	7 358 479
Доля финансовой поддержки в общей стоимости проектов, %	32,31	33,39	30,15	21,23
Доля финансовой поддержки в запрашиваемой сумме, %	68,02	78,67	55,76	49,85

научились привлекать альтернативные источники для реализации проектов. В 2019 г. размер немunicipальных средств увеличился более чем в 2 раза по сравнению с 2018 г. Также отмечается рост общей суммы проектов (более, чем в 1,5 раза), то есть увеличивается размах, масштабность проводимых мероприятий.

На основе анализа динамики грантоискательства некоммерческих организаций в городе Челябинске были выявлены следующие основные проблемы:

1. Низкий уровень проектных и коммуникационных компетенций представителей некоммерческих организаций.
2. Слабая информационная поддержка муниципального гранта в городе Челябинске
3. Сумма общей финансовой поддержки муниципалитетом социально значимых проектов некоммерческих организаций в течение четырех лет увеличивается незначительно, ниже темпов инфляции. Таким образом отмечается падение реального размера муниципальной поддержки.

Низкий уровень проектных и коммуникационных компетенций возможно решить повышением квалификации членов неком-

мерческих организаций по программам дополнительного образования в высших учебных заведениях города Челябинска. Учебные курсы, которые рекомендуется включить в образовательный процесс — управление проектами, связи с общественностью, деловое общение, искусство презентации, государственно-частное партнерство. Более половины учебного времени должна быть отведена под проектную работу, результатом которой станет паспорт социально ориентированного проекта.

В сфере информационного обеспечения необходимо создание единой информационной площадки [5], в рамках которой будут представлены социально ориентированные некоммерческие организации, будет предложен перечень успешных проектов, которые были поддержаны и реализованы в муниципалитете, будет опубликованы условия получения грантов, методические рекомендации по проектной деятельности и другая полезная информация.

Проблему финансирования можно решить через альтернативные источники денежных средств. В настоящее время отмечается высокая целесообразность привлечения в ряды некоммерческих организаций известных политиков, бизнесменов и лидеров общественного мнения. Практи-

ка показывает, что результативность функционирования некоммерческого сектора во многом обусловлена наличием в нем известных людей [19], что формирует благоприятный образ некоммерческой организации в глазах потенциальных инвесторов. Более того, это способствует участию людей с активной гражданской позицией в некоммерческом объединении.

Заключение

В целом сама возможность участия в муниципальном гранте общественных организаций стимулирует изменения и в их деятельности, побуждая выходить за пределы привычных форм работы. Значимо, что инициативы в рамках конкурса направлены на проведение общественными организациями общегородских культурно-массовых и презентационных событий (с активным вовлечением в досуговую занятость не только представителей некоммерческих организаций, но и жителей города и области, укрепление международных связей).

Еще одним очень значимым для социальной сферы города результатом от внедрения практики муниципального гранта является формирование на территории городского округа благоприятного информационного климата. Мероприятия проектов становятся «информационными поводами» для освещения событий в средствах массовой информации. Активно освещаются не только крупные события, но и весь ход реализации проектов, подведение итогов конкурсов и годовых итогов проектной деятельности.

Также важным результатом практики является «постгрантовая» жизнь проектов. Так, муниципальный грант способствует саморазвитию социальной сферы города. Более половины проектов мотивируют реализовывать новые инициативы, которые являются логическим продолжением этих проектов. Таким образом, многие проекты имеют долгосрочные результаты и уже после реализации получают дальнейшее развитие, появляются новые достижения в постпроектном периоде, которые создают благоприятные условия для социально-экономического развития города Челябинска.

1. Аскеров М. Н. Особенности государственной финансовой поддержки некоммерческим организациям // Актуальные вопросы современной экономики. 2015. № 2. С. 94—101.

2. Ванев О. Н. Муниципальный грант как форма поддержки некоммерческих организаций //

Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 5. С. 99—102.

3. Гимазова Ю. В., Омельченко Н. А. Российский опыт взаимодействия органов государственной власти с негосударственными некоммерческими организациями // Вестник университета (государственный университет управления). 2011. № 11. С. 22—36.

4. Голубев С. В., Славгородская М. Ю. Система государственной поддержки СО НКО как инструмент развития рынка социальных услуг. М. : Грифон, 2017. 60 с.

5. Жеданкова И. В. Организация и проведение PR-коммуникаций для некоммерческих организаций // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 23—26.

6. Лазаренко А. Л. Взаимодействие государственных и муниципальных органов с некоммерческими организациями в социальной сфере // Вестник ОрелГИЭТ. 2007. № 2 (2). С. 125—131.

7. Маракулина К. А. Проблемы взаимодействия органов государственной власти с социально ориентированными некоммерческими организациями // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 306—310.

8. Михеев Д. С. Реализация принципа гласности местного самоуправления через взаимодействие органов местного самоуправления с некоторыми институтами гражданского общества // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 8. С. 143—158.

9. Неркаряян А. С. Совершенствование взаимодействия некоммерческих организаций с органами местного самоуправления : дис. ... магистра. Екатеринбург, 2015. 168 с.

10. Погодина Е. В. Органы местного самоуправления как субъект развития социального партнерства : дис. ... магистра. Екатеринбург, 2015. 124 с.

11. Сесявин Е. А. Развитие механизмов государственной поддержки ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2015. 17 с.

12. Сковрцов В. Н., Кузьмин Д. В. Доклад о состоянии гражданского общества в Челябинской области. Челябинск : Абрис, 2015. 150 с.

13. Соловьев А. Ю. Совершенствование мер поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на местном уровне : метод. рекомендации для муницип. образований Республики Саха (Якутия). Пермь : Грани, 2014. 108 с.

14. Субочева В. А. Социальное партнерство органов государственной власти и некоммерческих организаций: правовые аспекты // Современное право. 2015. № 9. С. 4—10.

15. Сысоева В. П., Максимова М. Н. Анализ участия социально ориентированных некоммерческих организаций Республики Татарстан в республиканских грантовых конкурсах для некоммерческих организаций // Специфика профессиональной деятельности социальных работников: к 100-летию Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2015. С. 469—473.

16. Титов С. Р. Классификация некоммерческих организаций в официальной статистике,

ее совершенствование // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий. 2016. № 3. С. 195—198.

17. Хопатько В. А., Веприкова Е. Б. Муниципальный грант в сфере культуры и искусства. Опыт городского округа Благовещенск (Амурская область) : информац.-метод. пособие / под общ. ред. С. К. Смоленцова. Хабаровск : Дальневосточ. центр соц. инноваций, 2016. 190 с.

18. Цуканова О. М. Государственная финансовая поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в России // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2016. № 27. С. 217—222.

19. Шавтикова З. А. Особенности организации финансов некоммерческих организаций // Наука через призму времени. 2018. № 11 (20). С. 88—89.

20. Якимец В. А. Законодательные основы партнерства НКО с государственными и коммерческими структурами // Социальное взаимодействие: партнерство и соцзаказ. 2016. № 4. С. 2—12.

References

1. Askerov M.N. (2015) *Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki*, no. 2, pp. 94—101. [in Rus].

2. Vaneyev O.N. (2010) *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 5, pp. 99—102. [in Rus].

3. Gimazova Yu.V., Omel'chenko N.A. (2011) *Vestnik universiteta (gosudarstvennyy universitet upravleniya)*, no. 11, pp. 22—36. [in Rus].

4. Golubev S.V., Slavgorodskaya M.Yu. (2017) *Sistema gosudarstvennoy podderzhki SO NKO kak instrument razvitiya rynka sotsial'nykh uslug*. Moscow, Grifon Publ., p. 60. [in Rus].

5. Zhedankova I.V. (2016) *Obrazovaniye i nauka bez granits: sotsial'no-gumanitarnyye nauki*, no. 4, pp. 23—26. [in Rus].

6. Lazarenko A.L. (2007) *Vestnik OrelGIET*, no. 2 (2), pp. 125—131. [in Rus].

7. Marakulina K.A. (2013) *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, no. 4, pp. 306—310. [in Rus].

8. Mikheyev D.S. (2017) *Istoriko-pravovyye problemy: novyye rakursy*, no. 8, pp. 143—158. [in Rus].

9. Nerkararyan A.S. (2015) *Sovershenstvovaniye vzaimodeystviya nekommercheskikh organizatsiy s organami mestnogo samoupravleniya*. Yekaterinburg, 168 p. [in Rus].

10. Pogodina Ye.V. (2015) *Organy mestnogo samoupravleniya kak sub'yekt razvitiya sotsial'nogo partnerstva*. Yekaterinburg, 124 p. [in Rus].

11. Sesyavin Ye.A. (2015) *Razvitiye mekhanizmov gosudarstvennoy podderzhki sotsial'no oriyentirovannykh nekommercheskikh organizatsiy na regional'nom urovne*. St. Petersburg, 17 p. [in Rus].

12. Skvortsov V.N., Kuz'min D.V. (2015) *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Chelyabinskoy oblasti*. Chelyabinsk, Abris Publ., 150 p. [in Rus].

13. Solov'yev A.Yu. (2014) *Sovershenstvovaniye mer podderzhki sotsial'no oriyentirovannykh nekommercheskikh organizatsiy na mestnom urovne: Metodicheskiye rekomendatsii dlya munitsipal'nykh obrazovaniy Respubliki Sakha (Yakutiya)*. Perm', Grani Publ., 108 p. [in Rus].

14. Subocheva V.A. (2015) *Sovremennoye parvo*, no. 9, pp. 4—10. [in Rus].

15. Sysoyeva V.P., Maksimova M.N. (2015) *Analiz uchastiya sotsial'no oriyentirovannykh nekommercheskikh organizatsiy Respubliki Tatarstan v respublikanskikh grantovykh konkursakh dlya nekommercheskikh organizatsiy // Spetsifika professional'noy deyatel'nosti sotsial'nykh rabotnikov: k 100-letiyu Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, pp. 469—473. [in Rus].

16. Titov S.R. (2016) *Sovremennyye problemy ekonomicheskogo razvitiya predpriyatiy, otrasley, kompleksov, territoriy*, no. 3, pp. 195—198. [in Rus].

17. Khopat'ko V.A., Veprikova Ye.B. (2016) *Munitsipal'nyy grant v sfere kul'tury i iskusstva. Opyt gorodskogo okruga Blagoveshchensk (Amurskaya oblast')*. Khabarovsk, Dal'nevostochnyy tsentr sotsial'nykh innovatsiy Publ., 190 p. [in Rus].

18. Tsukanova O.M. (2016) *Ekonomika i upravleniye: analiz tendentsiy i perspektiv razvitiya*, no. 27, pp. 217—222. [in Rus].

19. Shavtikova Z.A. (2018) *Nauka cherez prizmu vremeni*, no. 11 (20), pp. 88—89. [in Rus].

20. Yakimets V.A. (2016) *Sotsial'noye vzaimodeystviye: partnerstvo i sotszakaz*, no. 4, pp. 2—12. [in Rus].

For citing: Korotina N.Yu.,
Abramkina S.R., Aldoshenko E.V.
Peculiarities of financial support
for socially oriented projects in the municipality //
Socium i vlast'. 2019. № 2 (76). P. 46—55.

UDC 330.190.2.

PECULIARITIES OF FINANCIAL SUPPORT FOR SOCIALLY ORIENTED PROJECTS IN THE MUNICIPALITY

Natalya Yu. Korotina,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch, Head of the Chair
of Economics, Finance and Accounting,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor,
Russian Federation,
454071, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 41.
E-mail: korotina@chel.ranepa.ru

Svetlana R. Abramkina,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch, Head of the Department Chair
of Economics and Management,
Cand.Sc. (Economics)
Russian Federation,
454077, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: abramkina@chel.ranepa.ru

Evgeny V. Aldoshenko,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch, Deputy Director
of Information Technology
Cand.Sc. (Political Sciences).
Russian Federation,
454077, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26
E-mail: aldoshenko@chel.ranepa.ru

Abstract

The article is devoted to developing the mechanism of municipal financial support for non-profit organizations while implementing socially oriented projects. In the course of the study, the authors pointed out a positive experience of interrelations between the municipal authorities of Chelyabinsk and non-profit organizations in the framework of financial support for their socially oriented activities. The study identifies the reasons for the low

competitive activity of organizations in matters of grant-seeking and suggests ways to solve this problem.

The aim of the study is to analyze the problems of municipal grant-seeking by non-profit organizations in Chelyabinsk, to identify areas for improving this process and the prospects for its development.

Methods: the authors use statistical analysis, system analysis, empirical analysis, regulatory analysis, structural analysis.

Scientific novelty of the research: the authors highlight the forms of municipal support, clarify the concept of "municipal grant", point out the distinctive features of the municipal grant, systematize the procedure for granting municipal grants in Chelyabinsk, define the assessment tools characterizing the effectiveness of grant research in the municipality, define directions for developing the institute of grant research in the municipality.

Results: on the basis of analyzing grant-seeking results by non-profit organizations of Chelyabinsk in 2016-2019, positive trends in the development of this process were revealed, namely, an increase in the number of non-profit organizations successfully participating in the competition for a municipal grant. At the same time, problems persist, in particular, in the volume of grant funding, in the development of project and communication competencies of non-profit organizations members, in the absence of a single information platform for non-profit organizations. The analysis of the results shows that the effects obtained from implementing the municipal grant in the social sphere turned out to be much larger than those predicted and became the basis for changing urban space.

Conclusion: Municipal grant-seeking by non-profit organizations contributes to the development of non-profit organizations themselves, and is also a key factor in the development of social partnership and creates conditions for improving the social sphere of the city.

Key concepts:
municipal support,
municipal grant
socially oriented project
communication competences
project competencies
project management,
non-profit organizations.

Для цитирования: Юматов А. С. Методологические аспекты использования цифровой платформы «Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства» // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 56—70.

УДК 332.87

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА ЖИЛИЩНО- КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА»

Юматов Андрей Степанович,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Оренбургский филиал),
заведующий кафедрой
менеджмента организации,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация,
460000, г. Оренбург, ул. Курача, д. 26.
E-mail: nokia26002005@yandex.ru

Аннотация

Введение. Развитие цифровых (информационных) технологий на современном этапе затрагивает практически все сферы хозяйственной деятельности. Цифровые технологии могут внедряться частными организациями для получения конкурентных преимуществ, или развиваться в результате планомерной деятельности органов власти. В последнем случае особенно актуально встает проблема объективной оценки эффективности использования данных технологий. В статье освещаются результаты исследования базового элемента информационной инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации — «Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства».

Цель исследования — разработка модели оценки эффективности использования «Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства».

Методы. Исследование проводилось с использованием инструментов анализа и обобщения при определении границ проблемной области и построении классификаций. Используются системный подход и моделирование при формировании модели оценки и описании отдельных ее элементов.

Научная новизна исследования заключается в расширении методологического аппарата использования информационных технологий на макроуровне на основе разработки модели оценки эффективности использования цифровой платформы.

К основным **результатам** исследования в статье следует отнести: обобщение базовых направлений оценки использования информационных технологий, формирование модели оценки использования «Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства»; классификация и описание (как центров затрат и выгод в модели оценки) субъектов жилищно-коммунального хозяйства России; первичная оценка эффективности использования ГИС ЖКХ на макроуровне.

Выводы: оценка эффективности использования информационных технологий требует применения методологии, способной учитывать специфические стороны данного ресурса, среди которых, высокая корреляция с административно-управленческими расходами, сравнительно большой срок окупаемости инвестиций в информационные проекты, эффект «технологий общего назначения»; ГИС ЖКХ представляет собой разветвленную цифровую платформу, обслуживающих деятельность различных субъектов: органов власти, собственников жилищного фонда, управляющих организаций, жилищно-коммунальных предприятий и региональных операторов; оценка эффективности работы ГИС ЖКХ показывает инвестиционную несостоятельность проекта на настоящий момент; ГИС ЖКХ не является средством снижения издержек на оказание жилищно-коммунальных услуг, но при этом создает дополнительную услугу «цифрового сопровождения жилищно-коммунальных отношений»; вебметрический анализ сайта <https://dom.gosuslugi.ru> свидетельствует о растущей сетевой активности портала ГИС ЖКХ.

Ключевые понятия:

государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства (ГИС ЖКХ), информационные технологии, цифровизация, оценка эффективности.

Цифровые технологии сегодня стали одной из самых обсуждаемых тем на уровне научного сообщества, органов власти, бизнес-структур, общественных объединений, отдельных пользователей информационных продуктов. С процессом цифровизации сегодня связано дальнейшее развитие каждой страны.

Выделяют два подхода к построению цифровой экономики: плановый и рыночный [4, с. 15]. США является наиболее контрастным представителем «рыночного лагеря» в построении цифровой экономики¹. Основной спецификой цифровизации в США является ограниченная роль государства, заключающаяся в создании нормативно-правовой среды, экономических стимулов, социально благоприятного фона и некоторых элементов технологической базы. В рыночной модели большая роль отводится частным структурам, которые должны подхватить импульс государственных мероприятий и достроить каркас экономики цифрового типа. США обладает достаточным набором частных высокотехнологичных компаний, способных создавать и продвигать элементы цифровой среды. Основным преимуществом рыночного подхода является его широкая направленность развития, что позволяет выбрать наиболее жизнеспособные направления, используя механизм конкуренции.

Неофициальным лидером планового пути построения цифровой экономики является Китай. В рамках планового подхода государство планомерно развивает цифровую инфраструктуру, привлекая к реализации четко определенных проектов цифровизации различных экономических субъектов. Основными элементами цифровой стратегии Китая являются:

- «тотальная цифровизация производства и логистики;
- разработка нормативно-правовой базы;
- цифровизация систем управления, создание цифровых платформ;
- интеграция цифровых платформ и экосистем в единое пространство» [4, с. 17].

Планный подход является более узконаправленным: развиваются сферы, которые являются приоритетными для государства. Основным преимуществом планового подхода является концентрация ресурсов и скорость построения элементов цифровой инфраструктуры.

Распространение цифровых технологий сегодня в России связано с доминирующей ролью государства, что свидетельствует о реализации элементов планового подхода к развитию цифровой экономики. Этот факт подтверждают положения ключевых документов в сфере цифровизации: «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы», государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»², «Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» от 29 сентября 2018 г. Политика органов власти Российской Федерации в сфере цифровизации хозяйственной системы структурирована, предусматривает последовательное создание институтов развития и инфраструктурной составляющей цифровой экономики [12]. Для того чтобы реализовать заложенный в программных документах потенциал наиболее эффективным образом, необходимо иметь современную методологическую базу, адаптированную под каждый элемент цифровой экономики.

В настоящей статье представлены результаты исследования продукта развития инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства — «Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства» (ГИС ЖКХ). Цель исследования — разработка модели оценки эффективности использования данной цифровой платформы. Ключевые понятия цифровой экономики и особенности цифровизации жилищно-коммунального хозяйства в РФ рассмотрены в предшествующей работе [15].

Создание ГИС ЖКХ было инициировано Президентом России в октябре 2011 г. Разработанный Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации проект системы, был одобрен Правительством Российской Федерации в конце 2013 г. Реализация проекта началась в 2014 г. с принятием федерального закона от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства». Главными участниками проекта выступили Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, в том числе подведомственная организация ФГУП «Почта России» и Министерство строительства

² Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-п. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 10.10.2018).

¹ Цифровая Россия: новая реальность // McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/our-insights> (дата обращения: 10.12.2018).

и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. В качестве исполнителя была привлечена ГК «Ланит». Система была введена в промышленную эксплуатацию 1 июля 2016 г.

ГИС ЖКХ представляет собой цифровую (информационную) платформу, которая содержит разветвленные базы данных и интегрирована с рядом современных информационно-коммуникационных ресурсов. Обобщим ее основные информационные и технологические особенности:

- наличие и постоянная актуализация баз данных по объектам жилищного фонда, управляющим компаниям, коммунальным предприятиям, нормативным актам и программам в сфере ЖКХ;
- возможность субъекта в информационной среде идентифицировать контрагента (найти в базе), получить нужную информацию (статус субъекта, надежность, актуальное состояние, территориальное расположение и др.), установить контакт (или отказаться от сотрудничества, если вариант предусмотрен);
- использование вспомогательных поисковых систем (в рамках собственных баз данных и интегрируемых ресурсов) при работе с информацией;
- наличие блока аналитической информации по различным параметрам жилищно-коммунальных отношений (состояние МКД, уровень и динамика платежей, объемы оказания жилищно-коммунальных услуг, результаты деятельности организаций ЖКХ и др.);
- актуальная и потенциальная интеграция платформы с другими цифровыми ресурсами (по сведениям разработчика, обеспечена интеграция более чем с 500 внешними информационными системами, в том числе 186 банковскими¹);
- максимально широкий охват субъектов ЖКХ (способность обрабатывать до 2,8 тыс. запросов в секунду, наличие личного кабинета пользователя, прогнозируемое число посетителей — более 1,3 млн человек в сутки²).

ГИС ЖКХ сегодня уже более 2 лет находится в эксплуатации и возникает ряд вопросов, касающихся результативности работы

этого инфраструктурного ресурса. Как правило, масштабные государственные проекты сопровождаются разработкой и реализацией государственных программ, в которых предусмотрены индикаторы, сигнализирующие о степени эффективности реализации мероприятий³. Несмотря на то что создание ГИС ЖКХ инициировано федеральным законом, в государственные программы не включена разработка и дальнейшая эксплуатация данной системы. Соответственно, оценить программными критериями исследуемую информационную систему невозможно. К тому же, как показывает анализ программ органов власти, предлагаемые индикаторы и методы их расчета не дают полной и объективной картины для оценки эффективности проведенных мероприятий.

Характеристика степени изученности проблемы

Оценка результативности информационных систем (систем, основанных на использовании информационных технологий) требует учета специфики данного продукта. Много дискуссий ведется в последние 30 лет о влиянии информационных технологий на деятельность организаций различного уровня. Согласно представлениям известного американского исследователя П. Страссмана, вложения в информационные технологии в наибольшей степени коррелируют с таким показателем организации, как административно-управленческие расходы. Информационные средства и технологии позволяют снижать внутренние управленческие издержки [19].

П. Дэвид в своих работах отмечает, что информационные технологии являются «технологиями общего назначения» [17]. Похожую точку зрения высказывает и профессор Гарвардской школы бизнеса Г. Ловеман [18]. Информационные технологии создают потенциал для развития других прикладных технологий, которые были недоступны без цифровизации, при этом сами эти технологии зачастую не приносят непосредственной отдачи. Информационные технологии служат платформой для улучшения текущих организационных процессов и внедрения принципиально новых инструментов. Эти обстоятельства существенно затрудняют оценку внедрения

³ Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации : Постановление Правительства Рос. Федерации от 02 авг. 2010 г. № 588 (ред. от 31.08.2018). URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 10.12.2018).

¹ Проекты компании // ГК «Ланит». URL: <https://www.lanit.ru/projects/14476/> (дата обращения: 18.11.2018).

² Там же.

информационных систем в деятельность организации.

При внедрении информационных технологий необходимо учитывать достаточно большой круг факторов, определяемых как особенностями информационного продукта, так и сферой его применения. В. Н. Гебраль приводит ряд характерных причин неудач при реализации проектов внедрения информационных технологий: отсутствие консолидации между людьми и между отделами в компании, отсутствие мотивации для получения наилучшего результата при реализации ИТ-проекта, отсутствие четкой задачи и цели внедрения, отсутствие системы оценки результативности и др. [5, с. 387].

Необходимо четко представлять цель использования информационных технологий, выделять сферы применения и иметь адекватную объекту систему оценки результатов использования информационных технологий.

В работах современных авторов выделяется ряд направлений оценки внедрения информационных технологий [2; 3; 7; 11; 13], которые можно свести в следующую классификацию:

- использование классической методологии оценки инвестиционных проектов и программ, опирающейся на международные стандарты;
- использование экономических методов расчета вклада фактора в общий результат, экономии ресурсов, расчета системы финансовых показателей, оценки уровня и динамики специфических для отрасли (в которой применяется информационная система) показателей;
- применение экспертных методов оценки (полезность, перспективность, доступность, удобство пользования информационным ресурсом и др.);
- использование методов информационной диагностики (сетеметрия, вебометрия).

В основе первого направления лежит *стандартизированный подход к оценке инвестиций*, разработанный Международным центром промышленных исследований при ЮНИДО. Российский вариант данной методики отражен в «Методических рекомендациях по оценке инвестиционных проектов», утвержденных Минэкономки РФ, Минфином РФ, Госстроя от 29.06.1999 г. В принятых документах по оценке инвестиций дается интерпретация основных терминов, принципов, субъектов и объектов инвести-

ционной деятельности, раскрывается алгоритм оценки проекта от систематизации финансовых потоков до расчета конкретных показателей. Данный подход хорошо структурирован, имеет многолетний опыт успешного использования, однако в своем алгоритме не содержит инструментов, учитывающих особенности проектной деятельности в сфере внедрения информационных технологий.

Спектр *экономических методов* оценки внедрения информационных технологий (нестандартизированных под проектную деятельность) достаточно широк: метод определения совокупной стоимости владения (Total Cost of Ownership) и его модификации, расчет производственной функции организации, расчет ключевых показателей эффективности организации (KPI) (например, сбалансированная система показателей Нортон и Каплана (Balanced Scorecard) или пирамида результативности Линча и Кросса).

Одним из вариантов представленных методов является оценка вклада информационных технологий в общую эффективность организации на основе использования производственной функции. В классическую функцию, помимо традиционных ресурсов труда и капитала, вводится фактор информационных технологий (см. формулу (1)).

$$Q = A(i, j, t)K^{Bk}L^{Bj}C^{Bc}, \quad (1)$$

где K , L , C — обычный капитал, труд и компьютерный капитал соответственно.

Подобную операцию проделали Э. Бринолссон и Л. Хит, исследовавшие деятельность 527 крупных американских фирм [16]. В данном подходе, как отмечают авторы, важная роль отводится дополняющим активам (активам, меняющимся под воздействием информационных технологий: опыт и квалификация персонала, средства и технологии коммуникации, качество принятия решений, изменение в бизнес-процессах и др.). Результаты внедрения информационных технологий во времени появляются постепенно, нарастающим итогом. Вариант производственной функции, включающей вложения в информационные технологии (real IT-capital), предлагается также в работе Г. Ловемана [18].

П. Страссман в своих исследованиях вводит такой показатель, как информационная продуктивность (IP), который рассчитывается как отношение экономической добавленной стоимости бизнеса к затратам на управление, администрирование, продвижение и поддержку продаж (см. формулу (2)) [20].

$$IP = EVA / SGA, \quad (2)$$

где *EVA* — экономическая добавленная стоимость бизнеса;

SGA — затраты на управление, администрирование, продвижение и поддержку продаж.

Экспертный метод является менее точным в количественном отношении. Однако он позволяет учитывать качественные параметры информационных систем: удобство пользования приложениями, привлекательность для клиентов, возможная степень интеграции информационных систем с другими ресурсами, потенциал роста организации на основе использования информационных систем и др. Заключение экспертов можно получить путем специально организованной работы экспертных групп или на основе анализа публикаций и выступлений экспертов по проблемам функционирования информационных систем.

В официальных документах, определяющих работу «Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства», четко выделена цель, заключающаяся в повышении эффективности предоставления жилищно-коммунальных услуг. Соответственно, мнение отдельных потребителей о уровне качества услуг, обобщенное с помощью методов статистического наблюдения, можно в определенной степени считать экспертным. Официальные критерии результативности оказания государственных и муниципальных услуг определены в Постановлении Правительства РФ от 12 декабря 2012 г. № 1284¹. В работе Е. К. Шибановой и Л. А. Сычевой, на примере деятельности многофункциональных центров, предлагается авторская методика оценки результативности предоставления государственных и муниципальных услуг [14]. Государственные и муниципальные услуги непосредственно через ГИС ЖКХ не оказываются, но получение услуг через централизованную информационную систему имеет общие признаки с деятельностью

¹ Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей: Постановление Правительства Рос. Федерации от 12 дек. 2012 г. № 1284. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 10.12.2018).

публичных органов власти. В связи с этим, выделенные методологические положения (в особенности критерии оценки) могут послужить основой для формирования объективного заключения потребителей. При этом возникает другая методологическая задача, обусловленная целями нашего исследования: выделить вклад информационной системы в изменение уровня качества ЖКУ.

Далее охарактеризуем группу *инфометрических методов*. Данное направление оценивает использование информационных технологий по параметрам информационной востребованности, степени интеграции с другими ресурсами, продолжительности функционирования ресурса, сетевого статуса и др. Одним из распространенных сегодня инфометрических направлений, используемых для оценки информационных ресурсов в сетевом пространстве, является сайтометрия (вебометрия). Пример использования сайтометрии для оценки информационной активности аграрных вузов и научных центров приведен в работе группы авторов под руководством В. И. Меденникова [10]. Методика авторов предусматривает использование девяти показателей: индексация в поисковиках Bing, Yandex, количество ссылок на сайт зафиксированное сервисами Alexa, Google, Linkpad, Majestic, количество ссылок с сайта зафиксированное сервисом Linkpad.

При проведении оценки внедрения информационных технологий в работах современных исследователей используется комбинация выделенных методологических направлений, что вполне оправдано. Применение более широкого спектра подходов к оценке повышает объективность результата. Более того, некоторые из отмеченных направлений предполагают совместное использование (например, экспертный метод используется при выборе ставки дисконтирования и прогнозировании денежных потоков от различных видов деятельности, что является основой оценки инвестиционных проектов).

К группе комплексных методик оценки и прогнозирования информационных систем относится методика А. А. Белых. Автор выделяет ряд критериев, диагностика которых требует использования широкого круга методов расчета экономических показателей и экспертных методов оценки. Первая группа критериев описывает информационную систему как аппаратно-программную систему устойчивой поддержки приложений и включает в себя: производительность в «нормальных» условиях; помехоустойчивость

(производительность в условиях проявления самоустраняющихся отказов — сбоев); живучесть (производительность в условиях постоянных отказов). Вторая группа критериев отвечает за интеллектуальную обработку данных о текущем состоянии (эффективности) сложных объектов и обеспечивает способность информационной системы к его интерпретации. Третья группа критериев отвечает за интеллектуальную обработку данных об изменении состояния (эффективности) сложных объектов и обеспечивает селективность управленческих решений [1].

Я. И. Гулиевым и группой авторов была разработана методика оценки медицинских информационных систем. Результирующие индикаторы в данной методике сведены к классическим показателям оценки инвестиционных проектов (чистый приведенный доход, срок окупаемости, индекс доходности, внутренняя норма доходности). При этом в процессе расчета денежных потоков использовано много специфических для сферы оказания медицинских услуг показателей. Методика расчета ставки дисконтирования в работе не представлена, но из контекста следует, что был использован экспертный подход для определения ее уровня [6].

Содержательная модель оценки эффективности использования информационных ресурсов и формирования баз данных научно-исследовательских учреждений аграрно-экономического направления предложена исследователями из ВИАПИ имени А. А. Никонова. Авторами предлагается для оценки эффективности функционирования информационных систем использовать:

- семь групп показателей представления аграрных знаний (публикации; прикладные разработки и инновационные проекты; нормативно-правовая документация; базы данных и знаний; пакеты прикладных программ; дистанционное обучение; консультационная деятельность),
- данные об электронной торговой площадке и электронной бирже труда;
- пять показателей публикационной активности НИУ за пять лет по данным ELIBRARY;
- девять показателей оценки сайтов методами сайтотметрии (webometrics) [10].

Рассматриваемая методика оценки использования информационных технологий в аграрных образовательных и научно-

исследовательских организациях включает элементы практически всех выделенных нами групп методов.

К комплексным методам оценки эффективности внедрения информационных технологий относится сопоставление с «лучшими практиками» и действующими стандартами в данной сфере. К основным практикам и стандартам в исследуемой сфере относят Information Technology Infrastructure Library, Control Objectives for Information and related Technology, PMBoK Guide Third Edition, PRINCE 2, ISO/IEC 20000 Information technology — Service management, ISO/IEC 27001 — Information technology — Security techniques) [9].

Приведенные укрупненные направления оценки и комплексные методики оценки использования информационных технологий говорят о большой вариативности подходов и высокой зависимости от конкретной сферы применения технологий.

Модель оценки эффективности использования ГИС ЖКХ

В исследовании ГИС ЖКХ, учитывая зарубежный и российский опыт, предлагается использовать подход к оценке объекта как информационному продукту, создание и эксплуатация которого сопряжено с затратами, имеющим инвестиционную или потребительскую ценность для субъектов жилищно-коммунальных отношений.

Цель оценки — выявление текущего уровня эффективности и потенциальных выгод от использования ГИС ЖКХ. Для достижения данной цели была сформирована модель оценки объекта. Предлагаемая модель оценки информационной системы приведена на рис. 1.

Модель включает пять последовательных блоков. Первый блок — определение целевых центров затрат и выгод ГИС ЖКХ. Выделение целевых центров необходимо сделать на начальном этапе, так как сформулировать универсальные (подходящие для всех заинтересованных субъектов) виды затрат, выгод и критерии эффективности не представляется возможным.

Цифровая платформа ГИС ЖКХ оказывает непосредственное влияние на деятельность субъектов отношений в жилищно-коммунальной сфере (центров затрат и выгод):

- органов власти;
- собственников жилья;
- управляющих жилищным фондом компаний;

Рис. 1. Модель оценки эффективности использования ГИС ЖКХ [составлен автором]

- жилищно-коммунальных предприятий;
- региональных операторов в сфере оказания жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ).

На рис. 2 представлена классификация центров затрат и выгод, относительно роли в управлении жилищно-коммунальными услугами.

Органы власти как пользователи платформы располагают следующими выгодами:

- актуальной базой данных о жилищном фонде, включая информацию об отдельных жилых помещениях;
- системой вспомогательных реестров состояния и деятельности управляющих организаций, подрядчиков, кредитно-финансовых организаций, контрольных мероприятий в отношении субъектов ЖКХ и других аналитических материалов;
- систематизированным перечнем нормативных актов и действующих программ по всем уровням власти в сфере ЖКХ;
- информационной площадкой для коммуникации с собственниками жилья и организациями по широкому спектру вопросов в сфере ЖКХ.

Органы власти фактически являются инициатором создания ГИС ЖКХ. Этот предполагает наличие инвестиционных расходов данного центра выгод и затрат на

Рис. 2. Уровни управления жилищно-коммунальными услугами [составлен автором]

разработку и ввод в эксплуатацию информационной системы, а также текущих расходов, связанных с поддержанием работоспособности системы.

Деятельность *управляющих жилищным фондом организаций* в Российской Федерации достаточно тесно связана с работой ГИС ЖКХ. Преимущества от использования платформы субъектом заключаются:

- получении актуальной информации о ценах, поставщиках различных ресурсов и услуг, программах и изменениях в нормативном регулировании отрасли;
- возможности удаленной коммуникации с собственниками жилья, контролирующими и регулирующими органами по вопросам управления многоквартирным домом;
- возможности организации и ведения договорной работы с контрагентами в электронной форме (услуга потенциально возможна);
- формировании и ведении электронных паспортов многоквартирных домов;
- возможности использования финансово-расчетных ресурсов системы (начисление и оплата жилищно-коммунальных услуг сегодня в регионах РФ реализуется через альтернативные ресурсы).

Необходимо отметить, что управляющие организации являются активными «информационными донорами» системы, предоставляя:

- юридическую информацию об организации;
- информацию об объектах жилищного фонда;
- информацию о перечне оказываемых услуг по управлению общим имуществом в многоквартирном доме, выполняемых работ по содержанию общего имущества в многоквартирном доме, текущему и капитальному ремонту, коммунальных услугах;
- информацию о соблюдении уровня качества оказанных жилищно-коммунальных услуг;
- информацию о себестоимости и ценах (тарифах) на услуги по управлению в многоквартирном доме, по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирных домах и жилых помещений в них;
- условия договора управления многоквартирным домом, а также отчет о выполнении такого договора;

- информацию о состоянии расчетов между субъектами в процессе оказания ЖКУ (статья 6 Федерального закона от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»).

Работа по обслуживанию ГИС ЖКХ: на полнению информацией, начислению стоимости услуг, поддержанию коммуникаций, — является дополнительной услугой управляющих компаний, поэтому ведет к дополнительным издержкам. Выделенные издержки могут быть компенсированы за счет повышения эффективности управления в данных организациях на основе использования информационного ресурса. Если рост эффективности управления в организациях не компенсирует затраты на работу с ГИС ЖКХ, то дополнительные расходы могут быть переложены на собственников жилья.

Сектор *региональных операторов* в сфере оказания жилищно-коммунальных услуг самый «молодой». Сегодня в Российской Федерации активно реализуется деятельность регионального оператора в сфере капитального ремонта МКД. Региональные операторы в сфере оборота бытовых отходов во многих регионах сейчас находятся на стадии запуска. В перспективе планируется еще группу жилищно-коммунальных услуг сконцентрировать вокруг данной формы хозяйствования (эксплуатация приборов учета). Данный субъект имеет особый статус, определенный в законодательстве, что накладывает на его деятельность ряд особенностей: высокая подконтрольность и подотчетность органам власти, направленность на реализацию федеральной и региональной политики в жилищно-коммунальной сфере, возможность использования централизованных финансовых ресурсов, монопольный тип хозяйственного поведения.

К преимуществам использования ресурсов платформы для региональных операторов следует относить наличие актуальной базы данных о жилищном фонде, включая информацию об отдельных жилых помещениях, и возможность осуществления коммуникации с собственниками жилья по проблемам капитального ремонта.

Региональный оператор является поставщиком широкого круга информации в ГИС ЖКХ, связанной с организацией и проведением капитального ремонта: информацию и выбранным способом проведения капитального ремонта по каждому многоквартирному дому, информацию о поступлении и движении денежных средств,

информацию об оказании услуг капитального ремонта (с детализацией по этапам).

Информационно-аналитических ресурсов ГИС ЖКХ для полноценной деятельности регионального оператора сегодня недостаточно, поэтому данный субъект активно использует системы автоматизированного учета жилищного фонда, сбора и обработки платежей; систему проведения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, информационную систему автоматизации планирования и формирования региональной программы капитального ремонта и другие системы.

Предприятия, оказывающие жилищные услуги (за исключением управляющих организаций), и *коммунальные предприятия* благодаря цифровой платформе ГИС ЖКХ имеют возможность получения актуальной информации о потребностях в ресурсах и услугах, нормативах потребления и тарифах, программах и изменениях в законодательстве; работы с обращениями граждан и запросами организаций; ведения договорной работы с контрагентами в электронной форме (услуга потенциально возможна); использования финансово-расчетных ресурсов системы (услуга на стадии внедрения, в настоящее время используются альтернативные ресурсы).

С другой стороны, на коммунальные предприятия возлагается обязанность предоставлять и актуализировать информацию для ГИС ЖКХ о самой организации; об объектах используемых для предоставления коммунальных услуг; производственные и инвестиционные программы предприятий; о перечне, об объеме, о качестве и стоимости ресурсов, поставленных для предоставления коммунальных услуг в многоквартирные дома, жилые дома, с указанием использованного порядка расчета их стоимости, что сопряжено с дополнительными издержками.

Собственники жилья как выгодополучатели имеют возможность:

- получать информацию о состоянии МКД, параметрах оказания жилищно-коммунальных услуг, включая действующие нормативы, деятельности управляющих компаний, коммунальных предприятий, программах органов власти через систему реестров и отчетов;
- направлять обращения по вопросам управления домом и получать ответ от контролирующих органов;
- оплачивать жилищно-коммунальные услуги и вносить показания приборов

учета (услуга на стадии подключения);

- проводить голосования собственников помещений в многоквартирном доме по вопросам, связанным с управлением в рамках товарищества, кооператива или совета многоквартирного дома (услуга потенциально возможна).

Затраты собственников жилищного фонда на использование ресурсов ГИС ЖКХ состоят в удорожании комплексной жилищно-коммунальной услуги, а также в расходах на обеспечение доступа в сеть и защиты персональных данных (плата за подключение к сети, дополнительные сетевые услуги, электронная цифровая подпись и др.).

Оценка эффективности использования ГИС ЖКХ

Для оценки эффективности ГИС ЖКХ на настоящий момент было использовано несколько методологических подходов. Первое направление оценки ГИС ЖКХ — использование *методологии оценки инвестиционных проектов*. В рамках данного подхода необходимо установить субъекта (субъектов) инвестиционной активности. По приведенной выше классификации, данным субъектом являются органы власти, которые посредством подведомственной организации формируют цифровую инфраструктуру ЖКХ. Остальные субъекты жилищно-коммунальных отношений являются пользователями системы.

В начале марта 2018 г. Счетная палата опубликовала сведения о проверке деятельности ФГУП «Почта России» (на официальном сайте счетной палаты отражен факт проверок, но не раскрываются детали в связи с ограничительным доступом к материалам). В документе имеется информация, что первоначальная расчетная стоимость ГИС ЖКХ была определена на уровне 861,6 млн руб. (328,3 млн руб. — создание системы в 2014 г.; 533,3 млн руб. — на эксплуатацию до 2017 г.)¹. На момент проведения проверки сумма договоров ФГУП «Почты России» с ГК «Ланит» по реализации проекта ГИС ЖКХ составила 2292,2 млн руб. (на создание системы затраты превышены на 952,3 млн руб.; на эксплуатацию — на 478,3 млн руб.).

¹ ГИС ЖКХ: Грандиозный успех или колоссальный провал? URL: http://www.cnews.ru/news/top/2018-04-13_minkomsvyazi_ne_zametilo_raznosov_schetnoj_palaty (дата обращения: 13.11.2018).

В мае 2017 г. заместитель министра связи и массовых коммуникаций Михаил Евраев заявил, что ГИС ЖКХ делается без использования бюджетных денег, инвестором выступает ФГУП «Почта России», нормативно-правовая база готовится силами министерств. Проект предполагается *коммерциализировать* со сроком окупаемости до 2022—2023 гг. 30 июня 2017 г. ФГУП «Почта России» объявила тендеры на «Выполнение работ по развитию прикладного программного обеспечения государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства, создание связанного платежного функционала (платежной системы), а также оказание услуг по сопровождению их прикладного программного обеспечения» с начальной ценой контракта в 1418,0 млн руб. и «Оказание услуг по обеспечению функционирования Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства» с начальной ценой контракта в 996,6 млн руб.¹ Однако оба заказа были позже отменены. На сегодня универсальная платежная система для ГИС ЖКХ не создана, поэтому *вернуть затраченные организацией средства не представляется возможным*.

Можно констатировать, что на настоящий момент на запуск и функционирование цифровой платформы израсходовано 2292,2 млн руб. Ежегодные эксплуатационные расходы (деятельность специализированных обеспечивающих служб) на современном этапе развития ГИС ЖКХ оцениваются в размере 674,4 млн руб.

Отсутствие положительного денежного потока по инвестиционному проекту создания ГИС ЖКХ делает нецелесообразным расчет показателей эффективности инвестиций: чистый дисконтированный доход — отрицательный; индексы доходности затрат и инвестиций равны нулю, срок окупаемости — бесконечный.

Однако мы оцениваем только доступный нам отрезок времени, весь горизонт проек-

та нам не известен. Если идея с созданием платежной системы будет в ближайшее время реализована, то ФГУП «Почта России» вытеснит с рынка платежных операций за жилищно-коммунальные услуги более ста успешно работающих региональных компаний, обеспечив себе стабильные поступления денежных средств.

Следующее направление оценки — расчет *вклада ГИС ЖКХ в общий результат*, то есть в комплексную жилищно-коммунальную услугу. Этот вклад может выражаться в следующих формах:

- снижение стоимости при обеспечении гарантированного уровня качества жилищно-коммунальных услуг за счет;
- улучшение управляемости процессами в ЖКХ (уменьшение количества управленческих операций, повышение эффективности принимаемых решений, выражающейся в растущей результативности работы субъектов отношений);
- рост производительности труда работников отрасли (снижение количества требуемых работников, повышение эффективности деятельности работников);
- рост качества существующих услуг и создание новых востребованных жилищно-коммунальных услуг.

При оценке вклада цифровой платформы в развитие жилищно-коммунальной услуги предполагается, что результат работы ГИС ЖКХ для всех субъектов выражается в стоимости конечной услуги.

Проведем оценку затрат на оказание жилищно-коммунальных услуг в масштабе страны по материалам, приведенным в табл. 1.

За анализируемый период жилищный фонд РФ имел тенденцию поступательного роста с некоторым замедлением темпа (темп роста составил — 103,1 % в 2015 г., 102,0 % в 2016 г., 101,9 % в 2017 г.). Справедливо предположить, что данный рост должен привести к увеличению физических объемов оказания жилищно-коммунальных

Таблица 1

Жилищный фонд Российской Федерации²

Показатель	Значение показателя за период			
	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год
Жилищный фонд всего, млн м ² .	3473	3581	3653	3724
Жилищный фонд на одного жителя, м ² .	23,7	24,4	24,9	25,2

² Россия в цифрах : статист. ежегодник. 2018. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_11/Main.htm (дата обращения: 17.12.2018).

услуг населению. В табл. 2 и табл. 3 приведены данные о динамике физического объема и стоимости жилищно-коммунальных услуг.

Согласно приведенным в табл. 2 данным, объемы коммунальных услуг за период с 2014 по 2017 гг. в сопоставимых ценах менялись незначительно, что говорит о консервативном составе данных услуг и ежегодном снижении объемов услуг в расчете на м² жилой площади. Уровень цен на коммунальные услуги, отраженный в табл. 3, также был ниже общего уровня цен на товары и услуги в исследуемом периоде, за исключением 2017 года. Отмеченная тенденция говорит о снижении потребления коммунальных услуг, которое с высокой долей вероятности является следствием экономии ресурсов потребителями и повышением энергоэффективности жилищного фонда (затухающий импульс реализации федерального закона «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.11.2009 № 261-ФЗ). ГИС ЖКХ введена в эксплуатацию 1 июня 2016 г., то есть некоторый эффект от реализации системы (в форме экономии затрат на услуги) можно было ожидать в 2017 г., но этот период стал для коммунальной отрасли наименее эффективным из рассматриваемых. Влияние ГИС ЖКХ на оказание коммунальных услуг требует дальнейшего изучения, но на настоящий момент четкой связи не выявлено, в оценке

вклада информационной платформы в комплексную услугу данные по ресурсоснабжению учитываться не будут.

Анализ динамики индекса физического объема жилищных услуг показывал рост в 2016 г. на 1,6 %, в 2017 г. на 3,0 % к уровню предшествующего года. Рост также наблюдался и по стоимости жилищных услуг в 2016 г. на 6,2 %, в 2017 г. на 5,5 %. В 2016 г. темп роста объемов жилья в целом соответствовал росту физического объема жилищных услуг, а изменение стоимости жилищных услуг соответствовало общей динамике цен на товары и услуги в стране (см. табл. 1—3). В 2017 г. рост физического объема жилищных услуг опережал рост площади жилья более чем на 1 %, а индекс цен на жилищные услуги вырос на 3,4 % выше общего индекса потребительских цен в стране (на 1,1 % выше индекса цен на услуги). Установим факторы, которые повлияли на рост объемов и стоимости жилищных услуг.

В исследуемом периоде было два существенных изменения в жилищных услугах: введение обязательных минимальных взносов на капитальный ремонт с формированием системы региональных операторов; внедрение цифровой платформы ГИС ЖКХ. Новая форма реализации услуги капитального ремонта могла оказать влияние на рост физического объема и стоимости жилищных услуг, но необходимо учитывать, что первые взносы на капитальный ремонт были сделаны уже в 2014 г., и эф-

Таблица 2

Индекс физического объема жилищно-коммунальных услуг в Российской Федерации (в сопоставимых ценах)¹

Вид услуг	Значение индекса физического объема оказанных услуг к предшествующему периоду, %			
	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год
Жилищные услуги	99,7	98,1	101,6	103,0
Коммунальные услуги	100,7	99,6	99,5	100,9

Таблица 3

Индексы потребительских цен (тарифов) на жилищно-коммунальные услуги²

Вид товаров (услуг)	Значение индекса потребительских цен на товары (услуги) к предшествующему периоду, %			
	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год
Жилищные услуги	121,4	113,4	106,2	105,5
Коммунальные услуги	105,3	109,1	105,3	104,6
Все услуги в РФ	110,5	110,2	104,9	104,4
Все товары и услуги в РФ	111,2	113,7	106,0	102,1

¹ Россия в цифрах : статист. ежегодник. 2018 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_11/Main.htm (дата обращения: 04.12.2018).

² Цены в России : статист. сб. 2018 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications (дата обращения: 04.12.2018).

фekt роста стоимости должен был проявиться раньше 2017 г., к тому же новая система реализации капитального ремонта фактически компенсировала завершение масштабного финансирования программ капитального ремонта «Фондом содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства».

Соответственно, выявленные отклонения в объемах и стоимости жилищных услуг имеют существенную связь с другой жилищной услугой, которую можно обозначить как «цифровое сопровождение жилищно-коммунальных отношений». Услуга в предлагаемой нами формулировке не закреплена в нормативных актах и отдельной строкой мы ее не увидим в платежных документах потребителей, что не исключает ее присутствия под другими названиями или в составе других услуг.

Оценить вклад ГИС ЖКХ в жилищную услугу можно только по итогам 2017 г., когда система функционировала полный период. В 2017 г. объем жилищных услуг населению составил 607,2 млрд руб.¹ Совокупная «добавленная стоимость» в данном периоде, обусловленная при прочих равных условиях внедрением цифровой платформы, составляет 12,62 млрд руб. (6,01 млрд руб. — за счет опережающего роста объема услуг, 6,61 млрд руб. — за счет более высоких темпов роста цен на ЖКУ в сравнении с другими услугами).

В завершении раздела приведем оценку результативности ГИС ЖКХ с использованием *инфометрических методов*. Статистика по сайту <https://dom.gosuslugi.ru>, полученная с помощью ресурса Linkpad, приведена в табл. 4.

По данным ресурса Linkpad, активность пользователей и доноров сайта <https://dom.gosuslugi.ru> поступательно растет, что говорит о развитии информационной платформы, ее сетевой востребованности.

¹ Россия в цифрах : статист. ежегодник. 2018 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_11/Main.htm (дата обращения: 19.12.2018).

Заключение

Подведем итоги исследования:

- массовое внедрение цифровых технологий в различных отраслях экономики потребовало формирования адекватной методологической базы для анализа и прогнозирования их использования в организационных системах различного уровня;
- оценка эффективности использования информационных технологий требует применения методологии, способной учитывать специфические стороны данного ресурса, среди которых, высокая корреляция с административно-управленческими расходами, сравнительно большой срок окупаемости инвестиций в информационные проекты, эффект «технологий общего назначения»;
- на современном этапе существует целый ряд направлений в оценке использования информационных технологий, при этом методология оценки, включающая в свой алгоритм комплекс различных методов, является более результативной;
- ГИС ЖКХ представляет собой разветвленную цифровую платформу, обслуживающую деятельность различных субъектов: органов власти, собственников жилищного фонда, управляющих организаций, жилищно-коммунальных предприятий и региональных операторов;
- оценка эффективности работы ГИС ЖКХ на основе методов инвестиционного анализа показывает инвестиционную несостоятельность проекта на настоящий момент, ввиду отсутствия положительного денежного потока для инвестора;
- оценка эффективности работы ГИС ЖКХ на основе вклада в комплексную жилищно-коммунальную услугу позволяет сделать вывод, что ГИС ЖКХ не является средством снижения издержек на оказание жилищно-

Таблица 4

Количество ссылок на официальный сайт ГИС ЖКХ²

Показатель	Период				
	01.01.2017	01.06.2017	01.01.2018	01.06.2018	01.01.2019
Общее количество внешних ссылок, ед.	49 746	86 250	109 830	127 715	148 897
Количество ссылающихся сайтов, ед.	1296	1849	2331	2721	3435

² Linkpad. URL: <https://www.linkpad.ru/> (дата обращения: 19.12.2018).

коммунальных услуг, но при этом создает дополнительную услугу «цифрового сопровождения жилищно-коммунальных отношений»;

- анализ сайта <https://dom.gosuslugi.ru> свидетельствует о растущей сетевой активности портала ГИС ЖКХ.

Необходимо отметить, что для репрезентативной оценки эффективности цифровой платформы ГИС ЖКХ, необходим более продолжительный период времени. Сегодня можно лишь констатировать, что в первые два года эксплуатации ГИС ЖКХ экономия затрат на жилищно-коммунальные услуги не была достигнута, при этом выявлен рост стоимости жилищной услуги.

Как было установлено ранее, цифровые технологии в большинстве случаев не дают отдачи в краткосрочном периоде. Эффект от цифровизации может проявляться не в местах их непосредственного использования, а в смежных областях. Поэтому следует в дальнейшем уделить особое внимание новой услуге цифрового сопровождения жилищно-коммунальных отношений.

1. Белых А. А. Основы методологии прогнозирования и оценки эффективности информационных систем // Научный журнал КубГАУ. 2011. № 71(07). URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/42.pdf> (дата обращения: 10.10.2018).

2. Блиянц К. М. Особенности оценки эффективности информационных технологий в управленческой деятельности в АПК // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 1. С. 38—43.

3. Васильева Е. В., Деева Е. А. Оценка экономической эффективности конкурирующих ИТ-проектов: подходы и математический инструментарий // Управление. 2017. № 4(18). С. 40—46.

4. Введение в «цифровую» экономику / под общ. ред. А. В. Кешелава. М. : ВНИИ Геосистем, 2017. 28 с.

5. Гебриаль В. Н. Анализ основных причин неудач при реализации информационных проектов // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 2. С. 387—390.

6. Гулиев Я. И., Гулиева И. Ф., Рюмина Е. В., Малых В. Л., Фохт О. А., Тавлыбаев Э. Ф., Вахрина А. Ю. Подход к оценке экономической эффективности медицинских информационных систем // Менеджер здравоохранения. 2013. № 4. С. 27—37.

7. Ермакова Ж. А., Парусимова Н. И., Пергунова О. В. Оценка экономической эффективности информационно-коммуникационных технологий на промышленных предприятиях // Вестник ОГУ. 2014. № 1. С. 255—260.

8. Комаров Н. А., Юматов А. С. Модель оценки основных направлений развития жилищно-коммунального хозяйства муниципального образования

на современном этапе // Интеллект, инновации, инвестиции. 2014. № 1. С. 115—121.

9. Кузькин А. А. Оценивание показателей эффективности и результативности ИТ-процессов с использованием гибридных нейро-нечетких сетей // Наукоедение. 2014. Вып. 1. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/57TVN114.pdf> (дата обращения: 25.10.2018).

10. Меденников В. И., Сальников С. Г., Личман А. А., Муратова Л. Г., Горбачев М. И., Тухина Н. Ю. Методика оценки эффективности использования информационных научно-образовательных ресурсов. М. : ФГБНУ ВИАПИ им. А. А. Никонова, 2017. 250 с.

11. Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности : тр. 1-й междунар. конф., Москва, 8—9 февр., 2018 г. М. : ИПМ им. М. В. Келдыша, 2018. 174 с.

12. Сагынбекова А. С. Цифровая экономика: понятие, перспективы, тенденции развития в России // Теория. Практика. Инновации. 2018. № 4. URL: <http://www.tpinauka.ru/2018/04/Sagynbekova.pdf> (дата обращения: 18.11.2018).

13. Федоров А. В. Методологические основы оценки эффективности вложений в информационные технологии на примере банковского сектора России // Вестник Пермского университета экономики. 2014. Вып. 4 (23). С. 32—38.

14. Шибанова Е. К., Сычева Л. А. Методика оценки деятельности МФЦ как фактор повышения эффективности государственных и муниципальных услуг // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 197—202.

15. Юматов А. С. Управление жилищно-коммунальными услугами в условиях цифровой экономики // Интеллект, инновации, инвестиции. 2018. № 7. С. 65—70.

16. Brynjolfsson E., Hitt L. Computing productivity: firm-level evidence // Review of Economics and Statistics. 2003. Vol. 85. № 4. P. 793—808.

17. David P. The dynamo and the computer: an historical perspective on the modern productivity paradox // The American Economic Review. 1990. Vol. 88. № 2. P. 355—361.

18. Information Technology and the Corporation of the 1990s : research Studies / ed. by T. J. Allen, M. S. Scott Morton. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1994.

19. Strassmann P. The business value of computers. New Canaan : The Information Economics Press, 1990. 530 p.

20. Strassmann P. The squandered computer — Evaluating the business alignment of information technologies. New Canaan : The Information Economics Press, 1996. 232 p.

References

1. Belyh A.A. *Nauchnyj zhurnal KubGAU*, 2011, no. 71 (07). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/42.pdf>, accessed 10.10.2018 [in Rus].

2. Blijanc K.M. (2016) *Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki*, no 1, pp. 38—43 [in Rus].

3. Vasil'eva E.V., Deeva E.A. (2017) *Upravlenie*, no. 4 (18), pp. 40—46 [in Rus].

4. Vvedenie v «tsifrovuyu» ekonomiku (2017). Moscow, VNI Geosistem Publ., 28 p. [in Rus].

5. Gebrial' V.N. (2008) *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 13, no. 2, pp. 387—390 [in Rus].
6. Guliev Ya.I., Gulieva I.F., Rjumina E.V., Mal'yh V.L., Foht O.A., Tavlybaev E.F., Vahrina A.Yu. (2013) *Menedzher zdravoohraneniya*, no. 4. pp. 27—37 [in Rus].
7. Ermakova Zh.A., Parusimova N.I., Pergunova O.V. (2014) *Vestnik OGU*, no. 1, pp. 255—260 [in Rus].
8. Komarov N.A., Jumatov A.S. (2014) *Intellekt, innovacii, investicii*, no. 1, pp. 115—121 [in Rus].
9. Kuz'kin A.A. *Naukovedenie*, 2014, no. 1. Available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/57TVN114.pdf>, accessed 25.10.2018 [in Rus].
10. Medennikov V.I., Sal'nikov S.G., Lichman A.A., Muratova L.G., Gorbachev M.I., Tuhina N.Yu. (2017) *Metodika ocenki jeffektivnosti ispol'zovanija informacionnyh nauchno-obrazovatel'nyh resursov*. Moscow, FGBNU VIAPU im. A.A. Nikonova Publ., 250 p. [in Rus].
11. *Proektirovanie budushhego. Problemy cifrovoj real'nosti*. Moscow, IPM im. M.V. Keldysha Publ., 174 p. [in Rus].
12. Sagynbekova A.S. *Teorija. Praktika. Innovacii*, 2018, no. 4. Available at: <http://www.tpinauka.ru/2018/04/Sagynbekova.pdf>, accessed: 18.11.2018.
13. Fedorov A.V. (2014) *Vestnik Permskogo universiteta jekonomiki*, no. 4 (23). pp. 32—38 [in Rus].
14. Shibanova E.K., Sycheva L.A. (2018) *Nauchnyj ezhegodnik Centra analiza i prognozirovanija*, no. 2, pp. 197—202 [in Rus].
15. Jumatov A.S. (2018) *Intellekt, innovacii, investicii*, no. 7, pp. 65—70 [in Rus].
16. Brynjolfsson E., Hitt L. (2003) *Review of Economics and Statistics*, vol. 85, no. 4, pp. 793—808 [in Eng].
17. David P. (1990) *The American Economic Review*, vol. 88, no. 2. pp. 355—361 [in Eng].
18. *Information Technology and the Corporation of the 1990s*. (1994) New York, Oxford, Oxford University Press Publ. [in Eng].
19. Strassmann P. (1990) *The business value of computers*. New Canaan, The Information Economics Press Publ., 530 p. [in Eng].
20. Strassmann P. (1996) *The squandered computer — Evaluating the business alignment of information technologies*. New Canaan, The Information Economics Press Publ., 232 p. [in Eng].

For citing: Yumatov A.S.
Methodological aspects of evaluating effectiveness of using the digital platform "State Information System of Housing and Public Utility Sector" // *Socium i vlast'*. 2019. № 2 (76). P. 56—70.

UDC 332.87

METHODOLOGICAL ASPECTS OF EVALUATING EFFECTIVENESS OF USING THE DIGITAL PLATFORM "STATE INFORMATION SYSTEM OF HOUSING AND PUBLIC UTILITY SECTOR"

Andrey S. Yumatov,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg branch, Head of the Organization Management Department, Cand.Sc. (Economics), Associate Professor, Russian Federation, 460000, Orenburg, ulitsa Kuracha, 26. E-mail: nokia26002005@yandex.ru

Abstract

Introduction. The development of digital (information) technologies at the present stage affects almost all areas of economic activity. Digital technologies can be introduced by private organizations to gain competitive advantages, or develop as a result of systematic activity of the authorities. In the latter case, the problem of objective assessing the effectiveness of these technologies is particularly relevant. The article highlights the results of studying the basic element of the information infrastructure of the housing and public utility sector of the Russian Federation "State Information System of the Housing and Public Utility Sector". The aim of the study is to develop a model for evaluating the effectiveness of the "State Information System for the Housing and Public Utility Sector". **Methods** The study was conducted with the tools of analysis and generalization in determining the boundaries of the problem area and classifications. The system approach and modeling were used when forming the assessment model and describing its individual elements.

The scientific novelty of the research lies in expanding the methodological apparatus of using information technologies at the macro level on the basis of developing a model for evaluating the effectiveness of a digital platform.

The main **results** of the study include: generalization of the basic directions for evaluating the use of information technologies, formation of an assessment model for using the "State Information System for Housing and Public Utility Sector"; classification and description (as centers of costs and benefits in the assessment model) of housing and public utility sector of Russia; primary assessment of the effectiveness of SIS utilities at the macro level.

Conclusions. Assessment of the information technology effectiveness requires methodology that can take into account the specific aspects of this resource, including high correlation with administrative and management costs, a relatively long payback period for investments in information projects, the effect of "general purpose technologies"; SIS Housing and Public Utility Sector is a branched digital platform serving the activities of various actors: authorities, housing stock owners, managing organizations, housing and utilities enterprises and regional operators; evaluation of the effectiveness of the SIS utilities shows the investment failure of the project at the moment; SIS housing and public utilities is not a means of reducing the costs of housing and public utility service, but at the same time it creates an additional service of "digital maintenance of housing and public utility relations"; webometric analysis of the site <https://dom.gosuslugi.ru> indicates a growing network activity of the SIS utilities portal.

Key concepts:

state information system of housing and public utility services (SIS housing and public utility services), information technology, digitalization, estimation of efficiency.

Для цитирования: Шаврина Ю. О., Самакаева М. Д. Оценка эффективности управления сельскохозяйственными организациями в период банкротства на основе данных стратегического учета // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 71—81.

УДК 631.1.016

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ПЕРИОД БАНКРОТСТВА НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УЧЕТА

Шаврина Юлия Олеговна,

Оренбургский государственный университет,
доцент кафедры бухгалтерского учета,
анализа и аудита,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация,
460018, Оренбург, проспект Победы, 13.
E-mail: 11041982ivanova20091@rambler.ru

Самакаева Марина Дмитриевна,

Оренбургский государственный университет,
доцент кафедры
экономического управления организацией,
кандидат экономических наук, доцент
Российская Федерация,
460018, Оренбург, проспект Победы, 13.
E-mail: kislyakova-m@yandex.ru

Аннотация

Введение. Сельскохозяйственные организации подвержены рискам банкротства. В период банкротства организации нуждаются в управлении производством с учетом особенностей сложившегося финансового состояния. Принятие решений в части управления производством и оценка их эффективности основаны на информации, формируемой в системе стратегического управленческого учета. Поэтому уточнение и дополнение данных об объектах учета затрат для конкретизации оценки эффективности принимаемых управленческих решений является актуальным.

Цель — совершенствование информации, формируемой в системе стратегического учета, для оценки эффективности управления сельскохозяйственными организациями в период банкротства.

Методы. Авторами определена система и группы показателей для оценки управления организацией в период банкротства. Предложено оценивать эффективность управления организацией показателями рентабельности затрат. Обосновано, что в условиях банкротства оценку управлению необходимо выполнять с учетом взаимосвязи ряда показателей, определяющих результативность, интенсивность и эффективность деятельности организации. Источником информации для управления организацией в период банкротства могут быть данные стратегического управленческого учета, в рамках которого формируется информация, направленная на развитие производственно-хозяйственной деятельности и стабилизацию финансового положения. Сформулированы элементы системы стратегического управленческого учета для оценки управления эффективностью зернового производства.

Научная новизна исследования. Дополнена информативность данных стратегического учета затрат путем применения ABC-метода распределения косвенных расходов по объектам учета, что позволит повысить достоверность оценки эффективности управления сельскохозяйственными организациями в период банкротства.

Результаты. Распределение накладных затрат ABC-методом с указанием накопителей и драйверов затрат зернового производства в ООО «Степное» Оренбургского района Оренбургской области формирует достоверную информацию о затратах по видам продукции, которая является исходной в оценке эффективности управленческих решений.

Выводы. Выявлено, что применение ABC-метода распределения накладных расходов по объектам учета затрат уточняет себестоимость продукции, отражая особенности технологического процесса и внутриорганизационные условия производства. Тем самым показатель рентабельности затрат отражает более достоверно эффективность принятия соответствующего управленческого решения.

Ключевые понятия:

эффективность управления организацией, банкротство, стратегический учет, распределение накладных расходов, драйвер затрат.

Введение

Кризисные явления и процессы, происходящие в организации, главным образом зависят от управления. Кризис управления является первичным по отношению к кризису производства и финансовой несостоятельности хозяйствующего субъекта. В целях снижения рисков банкротства особое внимание следует уделить разработке системы управления организацией и оценке результатов действий менеджмента в кризисных условиях. Ключевая задача менеджмента — формирование, внедрение и использование комплексной системы управления результатами с учетом прогнозируемых и текущих изменений во внутренней среде, а также воздействий со стороны внешних изменений.

О. В. Скопин и Н. Л. Назарова считают, что процесс управления организацией включает в себя следующие этапы:

1. Формулировка проблемы;
2. Обработка информации, необходимой для принятия решения, в части решения проблемы;
3. Принятие управленческих решений по ликвидации проблемы [16].

Таким образом, для того чтобы дать оценку управлению организацией, следует определить, насколько эффективно было управленческое решение в части ликвидации проблемы. Данной точки зрения придерживаются О. А. Толпегина и Е. А. Федорова [17; 18]. Оценка эффективности любого управленческого решения подразумевает соотношение затрат с результатами. Вместе с тем, получение оперативных данных для оценки эффективности управления организацией невозможно из данных финансового учета и финансовой отчетности. Поэтому актуальным становится обоснование аналитического обеспечения оценки эффективности управленческих решений.

Гипотезой данного исследования является предположение о том, что уточнение данных стратегического учета в части распределения накладных затрат ABC-методом по носителям затрат конкретизирует расчет показателя рентабельности затрат, определяющий эффективность управления организацией.

Целью данного исследования является совершенствование исходных данных для оценки результатов действий управленческого персонала в условиях рисков банкротства.

В соответствии с обозначенной целью были поставлены и решены следующие задачи:

1. Систематизировать методики и определить группы показателей для оценки управления сельскохозяйственными организациями в период банкротства.
2. Сформулировать элементы и обосновать значение стратегического учета для управления сельскохозяйственным производством.
3. Конкретизировать исходную учетную информацию, необходимую для оценки эффективности управления сельскохозяйственным производством.

Научная новизна исследования заключается в дополнении данных стратегического учета за счет уточнения информации об объектах учета на производство путем внедрения ABC-метода распределения накладных расходов.

Методы и материалы

В. П. Галенко и Р. В. Чаленко выделяют результативность и эффективность, как критерии качества управления организацией.

Природа понятия эффективность является относительной. В качестве сравнимых показателей может выступать соотношение полученного результата с потраченными на его достижение ресурсами, в то время результативность — соотношение результата с целями, идеалами и потребностями [7; 19].

В. С. Анфилатов и О. П. Зайцева предлагают в качестве базиса для оценки управления организацией выбрать интенсификацию производства [1; 8].

О. Г. Леонова, Е. В. Прокофьева и Г. В. Савицкая разделяют все показатели в части оценки управления организацией:

- на оценочные, характеризующие достигнутый или возможный уровень развития или результатов той или иной деятельности;
- затратные, отражающие уровень затрат по осуществлению различных видов деятельности [11; 14; 15].

Вместе с тем в исследованиях современных ученых-экономистов отсутствует разработанная методика оценки управления организацией в период банкротства. Мы считаем, что на практике оценить управление организацией в условиях банкротства одним каким-либо показателем невозможно.

Методом исследования является анализ имеющихся подходов к оценке управления организацией и синтез показателей, определяющих эффективность управления в период банкротства.

Многообразие свойств и признаков различных видов производственно-хозяйственной и коммерческой деятельности организации обуславливает и многообразие показателей, которые могут быть использованы для анализа управления как процедурой банкротства организацией, так и разработкой стратегии выхода из сложившегося кризиса.

На рис. 1 представлена система показателей для оценки управления организацией.

В экономической литературе в системе показателей результативности управленческих решений принято выделять абсолютные и относительные показатели. Абсолютные показатели представляют собой финансовый результат от конкретных решений системы управления, а относительные показатели соотносят результаты с величиной материальных, трудовых и финансовых ресурсов, потраченных на реализацию конкретного решения.

Таким образом, система показателей для оценки управления организацией в период банкротства включает в себя три группы: показатели эффективности, результативности и интенсивности использования ресурсов.

Далее раскроем содержание групп указанных показателей. В табл. 1 систематизированы показатели для оценки управления организацией.

Показатели эффективности управления связаны с затратами на производство в соотношении с финансовыми результатами. По мнению Г. В. Савицкой, эффективность управления — это экономическая категория, отражающая вклад управленческой деятельности в конечный результат работы организации. Функциональное предназначение

управления сводится к обеспечению эффективности основной деятельности, поэтому ее эффективность определяется степенью результативности самой организационной системы. Отсюда следует, что эффективность управления определяется степенью реализации целей организации и ее интегрального показателя — рентабельности затрат [16].

Показатель «рентабельность затрат» характеризует, сколько прибыли получает предприятие в расчете на рубль затраченных ресурсов на производство и реализацию продукции. Широко применяется при оценке эффективности производства отдельных видов продукции, деятельности предприятия в целом и его структурных подразделений.

Среди ученых-экономистов ведутся дискуссии относительно исходных данных для расчета данного показателя.

Так, В. П. Галенко полагает, что для оценки рентабельности затрат следует брать в расчет произведенную продукцию [7]. А Г. В. Савицкая обосновывает, что для расчета необходима величина реализованной продукции [16].

В условиях рисков банкротства произведенная организацией продукция может быть неконкурентоспособной и впоследствии не реализоваться. Поэтому полагать, что вся произведенная продукция принесет организации тот же финансовый результат, что и реализованная, является неправомерным. Нереализованная своевременно сельскохозяйственная продукция вызывает убыточность организации. Поэтому предполагать, что организация получит тот же экономический эффект от реализованной продукции,

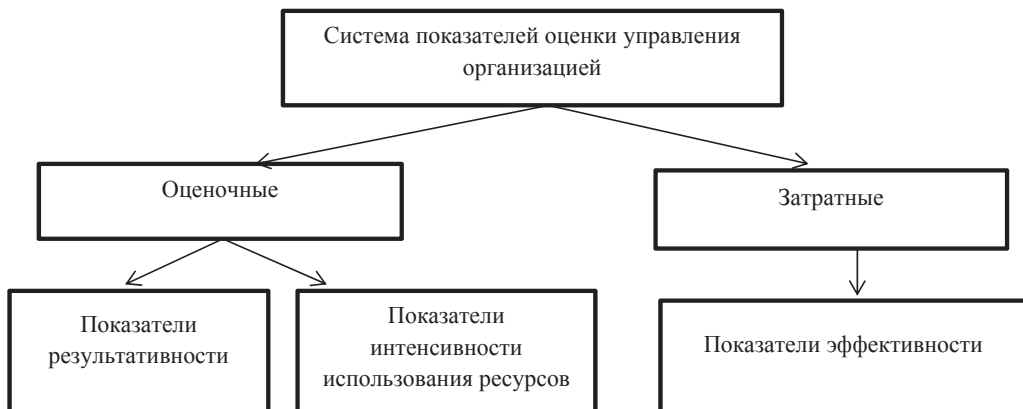

Рис. 1. Система показателей оценки управления организацией

Таблица 1

Группы показателей для системной оценки управления организацией в период банкротства

	Показатели эффективности	Показатели результативности	Показатели интенсивности использования ресурсов
Относительные	Рентабельность затрат	Рентабельность продаж	Показатели использования материалов: • материалоотдача. Показатели использования основных фондов: • фондоотдача; • фондовооруженность; • фондорентабельность. Показатели использования оборотных средств: • коэффициент оборачиваемости оборотных средств; • длительность одного оборота
	Рентабельность производства общая	Рентабельность собственного капитала	
Абсолютные	Себестоимость продаж	Прибыль от продаж	Изменение стоимости основных средств, материалов, оборотных средств

как и от нереализованной, совсем не обособлено, поскольку оставшаяся продукция может быть реализована совсем по другим ценам, а может и не подлежать реализации. Мы по данному вопросу придерживаемся точки зрения, изложенной Г. В. Савицкой, и считаем, что для расчета рентабельности затрат следует учитывать реализованную продукцию по себестоимости.

Что же касается величины финансового результата, который берется в расчет показателя рентабельности затрат, то мы полагаем, что это должна быть прибыль от продаж.

Данную позицию в своих работах обосновывают В. А. Бондаренко, М. Н. Кучугуева, Н. Н. Киселева, С. М. Анпилов, О. В. Скопин и Н. Л. Назарова. Если в расчет принять только чистую прибыль, которая осталась собственнику, или прибыль до выплаты налогов, которая достается государству и собственнику, то оценка прибыльности продукции будет неполной [4; 10; 16]. Показатель рентабельности затрат по организациям, имеющим разное соотношение собственных и заемных средств, нельзя будет сопоставить между собой: та организация, которая имеет большие заемные источники, будет иметь меньший финансовый результат после уплаты процентов за использование заемных средств.

Таким образом, уровень рентабельности затрат по каждому виду продукции рассчитывается отношением прибыли от продаж к полной себестоимости реализованной продукции.

Также если производится неконкурентоспособная, убыточная продукция, то повышение интенсивности использования основных средств, трудовых, материальных и финансовых ресурсов способствует увеличению рисков банкротства. Поэтому для оценки управления организацией в период банкротства следует применять представленную в табл. 1 систему показателей во взаимосвязи и взаимозависимости.

С. М. Васин в своих трудах определяют эффективность управления организацией под воздействием внутренних и внешних аспектов, учитывающих изменения во внутренней среде и наличие воздействия со стороны [5]. Поэтому целесообразно выделять тактическую и стратегическую форму эффективности.

По мнению Д. А. Волошина, традиционная система управленческого учета ориентирована на формирование информации для принятия своевременных оперативных решений, результативность которых описывается показателями финансовых результатов. Традиционный управленческий учет может дать оценку тактической эффективности управления организацией.

Оценка тактической эффективности управления организацией определяется достижением поставленных целей в рамках принятия конкретного управленческого решения. Стратегическая эффективность предполагает учесть и внешние факторы, влияющие на принятие управленческого решения, а также выполнить прогноз даль-

нейшего развития организации в результате принимаемого решения [6].

Особого внимания в современных условиях хозяйствования экономических субъектов заслуживают сельскохозяйственные организации. Массовое банкротство сельскохозяйственных организаций Оренбургской области связано привлечением потока кредитных ресурсов, убыточностью производства и слабой государственной поддержкой. При этом следует учитывать, что сельское хозяйство — это стратегически значимая отрасль, отвечающая за продовольственную безопасность государства, что в условиях санкций и импортозамещения приобретает особое значение.

Оренбургская область — это аграрный регион, основным видом деятельности которого является производство зерна. Тенденции зернового производства обусловлены как внутренними организационными, так и внешними факторами. Внутренние факторы определяют производственный процесс. ООО «Степное» Оренбургского района Оренбургской области — сельскохозяйственная организация, занимающаяся производством зерна.

Показатели для оценки управления ООО «Степное» представлены в табл. 2.

До 2015 г. организация имела большие убытки, оценка финансового состояния диагностировала риски банкротства. В 2016 г. были привлечены дополнительные инвестиции, обоснована государственная поддержка и намечены пути стабилизации финансового состояния. Согласно данным табл. 2, определено, что в 2015 г. был получен убыток от продаж зерна, а в 2016—2017 гг. — прибыль. Наблюдается темп роста фондоотдачи и материалоотдачи, что свидетельствует об интенсификации производства. Анализ результативности производства показал увеличение показателя

рентабельности продаж. Также можно говорить об эффективности производства: рентабельность затрат увеличилась на 14,18 % в 2017 г. по сравнению с 2016 г.

Таким образом, можно дать положительную оценку управлению ООО «Степное» и признать управленческие решения, принятые в целях снижения рисков банкротства, эффективными.

Процесс производства зерна связан с реализацией разработанной технологии. Поскольку в растениеводстве из-за сезонности производства нет возможности оперативно контролировать затраты, принимаемые необходимые управленческие решения в течение отчетного периода, рекомендуется калькулировать отдельные виды работ в каждом отдельном технологическом процессе.

Разработанная в ООО «Степное» Оренбургского района Оренбургской области технология производства зерна представлена в табл. 3.

Внешние факторы связаны с маркетинговой политикой организации (разработка каналов сбыта, цена реализации, условия хранения зерна).

Тем не менее за последние пять лет количество сельскохозяйственных организаций, занимающихся зерновым производством, сократилось на 30 %.

С. Н. Землякова считает, что причинами банкротства является отсутствие эффективной системы бюджетирования, стратегического учета и планирования [9].

Элементы системы стратегического управленческого учета представлены на рис. 2.

Исходными данными для разработки системы управления организацией, контроля за реализацией управленческих процедур, анализа промежуточных результатов и оценки работы аппарата управления в целом может стать стратегический управленческий учет.

Таблица 2

Основные показатели деятельности ООО «Степное» Оренбургского района

Показатели	2015	2016	2017	Абсолютные изменения		Темп роста, %	
				2016 к 2015	2017 к 2016	2016 к 2015	2017 к 2016
Прибыль (+), убыток (-) от продаж, тыс. руб.	-354	17 375	38 983	17 729	21 608	—	В 2,24 раза
Фондоотдача, руб./руб.	0,33	1,03	2,12	0,69	1,10	3,10	2,07
Материалоотдача, руб./руб.	0,14	0,37	0,62	0,23	0,25	2,60	1,69
Рентабельность (+), убыточность (-) продаж, %	-1,50	26,50	33,44	—	6,94	—	—
Рентабельность (+), убыточность (-) затрат, %	-1,47	36,06	50,23	—	14,18	—	—

Таблица 3

Технология производства зерна в ООО «Степное»

Наименование технологического процесса	Мероприятия в рамках технологического процесса
Обработка почвы	Лушение стерни
	Вспашка почвы осенью или весной
	Летняя культивация
Удобрение	Азот
	Фосфор
	Калий
Посев	Обычная рядовая методика посева
Уход за посевом	Послепосевное прикатывание
	Ранне-весеннее боронование
	Защита посевов
Сбор урожая	Прямое комбайнирование

Рис. 2. Элементы системы стратегического управленческого учета

Для обоснования возможности использования данных стратегического учета для оценки управления организацией в период банкротства был использован метод анализа системы стратегического учета и синтез элементов, определяющих эффективность управленческих решений.

Стратегический учет — это информационная база для принятия решений по долгосрочному планированию, реализации и разработке проектов стратегии развития организации и оценки эффективности принятых решений с помощью финансовых показателей и качественных характеристик.

Т. И. Безбородова отмечает, что управленческая информация должна соотноситься с задачами руководства, иллюстрировать экономические процессы и объективно влиять на принимаемые решения [2].

О. В. Скопин, Н. Л. Назарова в своих работах обосновывает, что систематический и всесторонний анализ эффективности управления в период проведения процедуры банкротства позволит:

- быстро, качественно и профессионально оценивать результаты текущей деятельности;
- определять и учитывать факторы, влияющие на финансовые результаты от реализации конкретных видов продукции;
- находить оптимальные пути решения проблем предприятия и получения прибыли в ближайшей и отдаленной перспективах [16].

Мы полагаем, что если целью введения процедуры банкротства является ее финансовое оздоровление, то необходима разработка перспективных планов стратегического управления. В этой связи необходимым становится применение формирования информации в системе стратегического управленческого учета. А для оценки эффективности управления организацией, разработанная система показателей должна отражать специфические особенности отрасли, региона и технологического процесса.

Ю. О. Шаврина определяет, что для повышения финансовой устойчивости сельскохозяйственных организаций необходимы механизмы управления затратами на производство продукции [21].

В основу стратегического управленческого учета положен принцип классификации затрат на регулируемые и нерегулируемые. Регулируемые затраты зернового производства определены, как накладные. Поэтому разработка методики распределения накладных расходов по объектам учета

является актуальной. Одним из современных методов распределения накладных расходов является ABC-метод. Данный метод предполагает определение накопителей и драйверов затрат.

Следует указать, что в современном стратегическом учете и анализе, все чаще используется термин «драйвер».

С. Н. Землякова в своих исследованиях определяет, что драйверы — это совокупность сложных силовых механизмов, которые улавливают потенциальный первичный и вторичный рыночный спрос и катализируют импульсы, идущие от этого расширяющегося спроса, определенным образом, включая разрозненные активы (материальные, финансовые, информационные, трудовые и т. д.) в русло мощного движения, меняющего внутристрановую экономическую действительность. Драйверы могут иметь различную природу, однако основная функция драйвера — это формирование целостной системы вертикальных и горизонтальных связей, улавливающих и распространяющих импульсы, идущие от точек роста на отдельных рынках, преимущественно внутри национальной системы [9]. В то же время оптимальность сочетания этих условий является в значительной мере специфичной для каждой отдельной национальной экономики, так и для отрасли сельского хозяйства в целом.

При применении ABC-метода распределения накладных затрат под накопителем затрат понимаются совокупность однородных манипуляций, которые напрямую не связаны с производственным процессом, но участвуют в формировании себестоимости продукции. Драйвер затрат — это числовое выражение итераций накопителя затрат.

Методом проверки гипотезы данного исследования является эксперимент. Выполнено распределение накладных затрат на производство зерна ABC-методом. Определены в ООО «Степное» драйверы затрат зернового производства (табл. 4).

Расчет ставок драйверов затрат представлен в табл. 5.

Ставки драйверов позволили определить стоимость осуществления одной производственной операции. Теперь полученные значения ставок можно применять непосредственно к объектам калькулирования (табл. 6).

Расчеты показали, что величина накладных расходов, приходящихся на производство пшеницы яровой, меньше, чем на производство пшеницы озимой. Рассматриваемый метод калькулирования позволяет

Таблица 4

Определение драйверов накладных затрат на производство зерна в ООО «Степное»

Накопитель затрат по процессу	Драйвер затрат за один год	Затраты по процессу в тыс. руб.	Значение носителя затрат по видам продукции	
			Пшеница озимая	Пшеница яровая
Амортизация транспортных средств	Число использования транспортных средств	2169	154	165
Переналадка сельскохозяйственной техники	Число переналадок	4232	45	23
Доставка продукции на склад	Число доставок	2972	67	54
Итого	—	9373	—	—

Таблица 5

Расчет ставок драйверов затрат по процессам

Накопитель затрат по процессу	Затраты, руб.	Значение носители затрат	Ставка драйвера затрат
Амортизация транспортных средств	2169	319	6,8
Переналадка сельскохозяйственной техники	4232	68	62,2
Доставка продукции на склад	2972	121	24,6

Таблица 6

Расчет накладных затрат продукции зернового производства в ООО «Степное»

Вид деятельности	Ставка драйвера затрат	Пшеница озимая		Пшеница яровая	
Амортизация транспортных средств	6,8	154	1047,2	165	1122
Переналадка сельскохозяйственной техники	62,2	45	2799	23	1430,6
Доставка продукции на склад	24,6	67	1648,2	54	1328,4
Итого	—	—	5494,4	—	3881

постатейно проанализировать затраты по каждой группе продукции и выявить причину тех или иных отклонений.

В данном примере разница объясняется не только различиями в объемах производства, но и тем, что в период выполнения технологического процесса производства пшеницы озимой приходилось чаще производить переналадку сельскохозяйственной техники, чем во время выполнения технологии возделывания пшеницы яровой. После определения процессов и проведения подготовительных вычислений по каждому из них можно приступать непосредственно к исчислению себестоимости производства продукции.

В табл. 7 представлен расчет эффективности производства зерна яровой и озимой пшеницы в ООО «Степное» Оренбургского района.

Результаты

Распределение накладных затрат ABC-методом с учетом особенностей технологического процесса производства зерна яровой и озимой пшеницы позволило определить увеличение себестоимости озимой пшеницы и сокращение себестоимости яровой пшеницы. Тем самым, было определено увеличение рентабельности производства пшеницы яровой на 4,1 % и сокращение рентабельности производства пшеницы озимой на 6,5 %. Следовательно, если выполнять распределение накладных затрат ABC-методом, то наиболее эффективным является производство пшеницы яровой, чем в случае распределения накладных расходов традиционным методом.

Таблица 7

Экономическая эффективность производства зерна яровой и озимой пшеницы в ООО «Степное» Оренбургского района

Показатели	Пшеница озимая	Пшеница яровая
<i>Распределение накладных затрат традиционным методом</i>		
Полная себестоимость, тыс. руб.	12 560	29 923
Прямые затраты, тыс. руб.	8590	24 520
Накладные затраты, тыс. руб.	3970	5403
Прибыль от продаж, тыс. руб.	7657	22 731
Рентабельность затрат, %	60,9	75,9
<i>Распределение накладных затрат ABC-методом</i>		
Полная себестоимость, тыс. руб.	14 084,4	28 401
Прямые затраты, тыс. руб.	8590	24 520
Накладные затраты, тыс. руб.	5494,4	3881
Прибыль от продаж, тыс. руб.	7657	22 731
Рентабельность затрат, %	54,4	80

Обсуждение

Развитие методики оценки эффективности управления организацией представлено в работах В. С. Анфилатова, О. Г. Леоновой и Е. В. Прокофьевой [1; 11; 14]. Обоснованные данными учеными методики базируются на данных бухгалтерской финансовой отчетности и являются ориентированными на внешних пользователей. Указанный подход имеет недостатки и главный из них — это то, что интерпретация расчетных данных будет носить ретроспективный характер, так как данные отчетности сформулированы за прошедший период времени. Для принятия решения по управлению организацией в период банкротства необходимо получение оперативной информации. В условиях рисков банкротства, когда необходима мобилизация всех внутренних резервов производственно-хозяйственной деятельности сельскохозяйственной организации, оценка эффективности управленческих действий должна быть достоверной. Стратегический учет направлен на формирование информации о состоянии реализации перспективных планов управления. Для оценки эффективности принятых решений следует соотносить затраты, результаты и условия производства. В части прогнозирования затрат и выбора более результативного проекта актуальным являются инновационные подходы определения затрат на производство. Формирование элементов системы стратегического учета и разработка форм и содержания стратегической отчетности является целью дальнейших исследований.

Заключение

В ходе проведенного исследования была сформирована система и определены группы показателей для оценки управления сельскохозяйственной организацией в период банкротства. Выделяют оценочные и затратные подходы к оценке управления организацией. В рамках оценочного подхода определены показатели результативности деятельности и интенсивности использования ресурсов. Затратный подход предполагает определение эффективности управления производством, критерием оценки которой является рентабельность затрат. Обосновано, что исходной информацией для определения рентабельности затрат в целях управления являются данные стратегического учета. Одним из элементов системы стратегического учета затрат организации является принятый метод распределения накладных затрат. Применение ABC-метода распределения накладных затрат уточняет себестоимость продукции, конкретизирует затраты по местам их возникновения, а также обосновывает расчет рентабельности затрат и определяет эффективность производства.

1. Анфилатов В. С. Системный анализ в управлении. М. : Финансы и статистика, 2015. 368 с.
2. Безбородова Т. И. Использование базовых концепций в комплексном подходе учетно-аналитического обеспечения антикризисного управления // Управленческий учет. 2014. № 7. С. 34—35.
3. Богомолова И., Плеканова И., Ююкин А. Современные подходы к прогнозированию

банкротства предприятий // Экономика и предпринимательство. 2016. № 5. С. 1125—1131.

4. Бондаренко В. А. Проблемы повышения эффективности управления организацией : монография. Оренбург : ОГУ, 2010. 152 с.

5. Васин С. М. Природа и сущность понятия эффективности системы управления предприятием // Вектор науки ТГУ. 2012. № 4. С. 229—233.

6. Волошин Д. А. Стратегический управленческий учет // Экономический анализ: теория и практика. 2007. № 16. С. 23—27.

7. Галенко В. П. Как эффективно управлять организацией? М. : Бератор-Пресс, 2013. 160 с.

8. Зайцева О. П. Антикризисный менеджмент в российской фирме // Сибирская финансовая школа. 2008. № 11—12. С. 66—73.

9. Землякова С. Н. Разработка внутрифирменного стандарта управленческого учета реорганизованных процедур в сельскохозяйственных организациях // Управленческий учет. 2015. № 1. С. 17—24.

10. Кучугуева М. Н., Киселева Н. Н., Анпилов С. М. Анализ внешних и внутрифирменных факторов банкротства на примере российских компаний // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 2. С. 25—36.

11. Леонова О. Г. Методические аспекты финансового анализа в антикризисном управлении // Финансовый менеджмент. 2018. № 4. С. 25—33.

12. Островенко Т. К. Оптимизация методики анализа экономической безопасности бизнеса и его информационного обеспечения в условиях потенциального банкротства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 8. С. 193—198.

13. Пласкова Н. С. Совершенствование методики анализа и прогнозирования кредитоспособности организации-заемщика // Аудиторские ведомости. 2015. № 4. С. 57—65.

14. Прокофьева Е. В. Совершенствование методики диагностики потенциального банкротства и формирование политики финансового оздоровления организации // Управленческий учет. 2018. № 3. С. 80—89.

15. Савицкая Г. В. Анализ эффективности и рисков предпринимательской деятельности: методологические аспекты : монография. М. : Инфра-М, 2014. 272 с.

16. Скопин О. В., Назарова Н. Л. Теоретические основы исследования систем управления предприятием // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2009. № 3. С. 180—189.

17. Толпегина О. А. Проблемы формирования и классификации методов финансовой диагностики // Аудит и финансовый анализ. 2017. № 1. С. 243—250.

18. Федорова Е. А. Прогнозирование банкротства предприятий с учетом факторов внешней среды // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 42. С. 2—12.

19. Чаленко Р. В. Финансовый анализ как инструмент выявления тенденций к банкротству в российской экономике // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2013. № 1. С. 77—84.

20. Шаврина Ю. О. Управление элементами затрат на производство продукции для повышения финансовой устойчивости сельскохозяйственных организаций // Социум и власть. 2018. № 2. С. 56—66.

References

1. Anfilatov V.S. (2005) Sistemnyj analiz v upravlenii. Moscow, Finansy i statistika Publ., 368 p. [in Rus].

2. Bezborodova T.I. (2014) *Upravlencheskij uchet*, no. 7, pp. 34—35 [in Rus].

3. Bogomolova I., Plekanova I., Yuyukin A. (2016) *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 5, pp. 1125—1131 [in Rus].

4. Bondarenko V.A. (2001) *Problemy povysheniya ehffektivnosti upravleniya organizaciej*. Orenburg, OGU Publ., 152 p. [in Rus].

5. Vasin S.M. (2012) *Vektor nauki TGU*, no. 4, pp. 229—233 [in Rus].

6. Voloshin D.A. (2007) *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika*, no. 16, pp. 23—27 [in Rus].

7. Galenko V.P. (2003) *Kak ehffektivno upravlyat' organizaciej?* Moscow, Berator-Press Publ., 160 p. [in Rus].

8. Zajceva O.P. (1998) *Sibirskaya finansovaya shkola*, no. 11—12, pp. 66—73 [in Rus].

9. Zemlyakova S.N. (2015) *Upravlencheskij uchet*, no. 1, pp. 17—24 [in Rus].

10. Kuchugueva M.N. (2014) *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 25—36 [in Rus].

11. Leonova O.G. (2018) *Finansovyy menedzhment*, no. 4, pp. 25—33 [in Rus].

12. Ostrovenko T.K. (2014) *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8, pp. 193—198 [in Rus].

13. Plaskova N.S. (2015) *Auditorskie vedomosti*, no. 4, pp. 57—65. [in Rus].

14. Prokof'eva E.V. (2013) *Upravlencheskij uchet*, no. 3, pp. 80—89 [in Rus].

15. Savickaya G.V. (2014) *Analiz ehffektivnosti i riskov predprinimatel'skoj deyatel'nosti: metodologicheskie aspekty*. Moscow, Infra-M Publ. 272 p. [in Rus].

16. Skopin O.V., Nazarova N.L. (2009) *Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami*, no. 3, pp. 180—189 [in Rus].

17. Tolpegina O.A. (2017) *Audit i finansovyy analiz*, no. 1, pp. 243—250 [in Rus].

18. Fedorova E.A. (2016) *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*, no. 42, pp. 2—12 [in Rus].

19. Chalenko R.V. (2013) *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*, no. 1, pp. 77—84 [in Rus].

20. Shavrina Yu.O. (2018) *Socium i vlast'*, no. 2, pp. 56—66 [in Rus].

For citing: Shavrina Yu.O., Samakaeva M.D. Evaluating the efficiency of agricultural organizations management in the period of bankruptcy on the basis of strategic accounting data // *Socium i vlast'*. 2019. № 2 (76). P. 71—81.

UDC 631.1.016

EVALUATING THE EFFICIENCY OF AGRICULTURAL ORGANIZATIONS MANAGEMENT IN THE PERIOD OF BANKRUPTCY ON THE BASIS OF STRATEGIC ACCOUNTING DATA

Julia O. Shavrina,

Orenburg State University,
Associate Professor of the Department Chair
of Accounting, Analysis and Audit,
Cand.Sc. (Economics), Associate Professor.
Russian Federation,
460000, Orenburg, prospect Pobedy, 13.
E-mail: 11041982ivanova20091@rambler.ru

Marina D. Samakayeva,

Orenburg State University,
Associate Professor of the Department Chair
of Economic Management of the Organization,
Cand.Sc. (Economics), Associate Professor
Russian Federation,
460000, Orenburg, prospect Pobedy, 13.
E-mail: kislyakova-m@yandex.ru

Abstract

Introduction. Agricultural organizations are subject to bankruptcy risks. In the period of bankruptcy, organizations need to manage production, taking into account the peculiarities of the current financial situation. Decision making in terms of production management and evaluation of their effectiveness are based on information generated in the system of strategic management accounting. Therefore, specifying and adding data on cost accounting objects in order to concretize evaluation of management decisions effectiveness is relevant. The aim of the study is to improve the information generated in the strategic accounting system to assess effectiveness of agricultural organizations management in the period of bankruptcy.

Methods. The authors determined the system and groups of indicators to assess the organization management in the period of bankruptcy. It is proposed to evaluate effectiveness of organization management with the help of cost-effectiveness indicators. It is justified that in the context of bankruptcy management should be assessed taking into account interrelation of a number of indicators that determine effectiveness, intensity and efficiency of the organization. The source of information for managing an organization during a bankruptcy period can be strategic management accounting data, within which information aimed at developing production and business activities and stabilizing financial position is generated. The elements of a strategic management accounting system for evaluating efficiency of grain production are formulated.

Scientific novelty of the study. Informational content of strategic cost accounting data was complimented by applying the ABC-method of distributing indirect costs among accounting objects, which will increase the reliability of assessing efficiency of agricultural organizations management in the period of bankruptcy.

Results. The distribution of indirect costs with the use of the ABC-method indicating drives and cost drivers of grain production in OOO "Stepnoye", Orenburg district of the Orenburg region, generates reliable information about the costs of products, which is the source in assessing effectiveness of management decisions.

Conclusions. It is revealed that using the ABC-method of overhead cost allocation for cost accounting objects specifies the cost of production, reflecting the peculiarities of the technological process and corporate production conditions. Thus, the cost-effectiveness indicator reflects efficiency of making the corresponding management decision more reliably.

Key concepts:
organization management efficiency,
bankruptcy,
strategic accounting,
overhead cost allocation,
cost driver.

Для цитирования: Чупров А. С. Проблема познаваемости мира в свете диалектики бытия и существования // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 82—95.

УДК 101.1

ПРОБЛЕМА ПОЗНАВАЕМОСТИ МИРА В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИКИ БЫТИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ

Чупров Александр Степанович,

Благовещенский государственный педагогический университет, кафедра всеобщей истории, философии и культурологии, доктор философских наук, профессор. Российская Федерация, 675000, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина 104.
E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена фундаментальным вопросам онтологии и гносеологии с точки зрения диалектики (тождества и различия) бытия и существования. Автор полагает ее в качестве исходной для всей мировой философии проблемы, решение которой предопределяет понимание познаваемости мира, сущности познания, места и роли в нем интуиции, содержания понятий «субъект» и «объект» и характера их взаимосвязи, онтологического основания языка, а также формальной и диалектической логики и области их применения. Опираясь на необходимую историко-философскую базу и собственный дискурс, автор предлагает своё решение названных вопросов, зачастую противопоставляя его различным сложившимся в философии стереотипам.

Ключевые понятия:

бытие, существование, познаваемость мира, интуиция, субъект и объект, логика, диалектика, язык, смысл.

1. Постановка проблемы

Бытие противостоит не мышлению, как это следует из формулировки Ф. Энгельса так называемого «основного вопроса философии» [28, с. 282], а **существованию**, которое дано нам двояко: 1) в *ощущениях*, ставших основой традиционного материализма, суть которого состоит в отождествлении бытия и материи, данной нам в ощущениях; 2) в *переживаниях* человеком *самого себя*, на основе которых построен весь экзистенциализм. И не только. В сущности, любая разновидность идеализма (субъективного или объективного, в том числе религиозного) — это *экстраполяция* переживания человеком своего существования на всё сущее, отождествление бытия и мышления, бытия и чувственности, бытия и воли.

Поскольку ощущения, интеллект, эмоции и воля всегда *персональны*, то в понимании сущего любой философ, к какому бы он направлению ни принадлежал, всегда *отталкивается* от личного опыта восприятия, переживания и осмысления мира. Это отнюдь не означает, что всякое философское воззрение — это чистый субъективизм. Напротив, ощущения, интеллект, эмоции и воля — это всегда различные пути *выхода* субъекта за пределы собственного Я-бытия и одновременно — способ его *осуществления*, *актуализации* и *объективации* в мире существования. Говоря по-гегелевски, Я-бытие из вещи-в-себе превращается в вещь-для-себя. По-другому, для человека все его познавательные способности — это не только способ вобрать в себя мир (интериоризировать, чтобы тотчас экстериоризировать и создать какое-то представление о нем), но и способ самому *состояться* в этом мире. Можно даже сказать, что в отношении человека гносеология — это одновременно и онтология его как *homo cogitans* (человека познающего).

Что касается противоположности материализма и идеализма в их подходах к миру, то ее хорошо иллюстрирует знаменитый спор между Платоном и Аристотелем. Если Платон полагал, что сущностью всякой вещи является *идея* как некое **отношение**, точнее, *совокупность* отношений данной вещи ко всем иным вещам, то Аристотель утверждал вторичный, подчиненный характер отношений, отдавая пальму первенства тому, какова вещь по своей (материальной) природе, хотя при этом (всё-таки он был учеником Платона) особо подчеркивал ак-

тивный характер идеальной формы вещи — аналога платоновской идеи¹.

Нельзя не признать, что предложенное Энгельсом разделение философов на материалистов и идеалистов — это довольно удобная в учебно-методическом отношении классификация философов, хотя в *реальной* истории философии мы не найдем ни одного стопроцентного идеалиста или материалиста, как и представителя любого другого направления. Всё гораздо тоньше и сложнее. Поэтому вопрос, сформулированный Энгельсом, кроме марксистов, мало кто считал и считает основным. Да и саму необходимость выделять какую-то философскую проблему в качестве основной многие считают весьма сомнительной. Ведь всегда есть вопросы, которые не менее достойны претендовать на статус основного вопроса философии, чем вопрос об отношении мышления к бытию. Например, откуда всё происходит и всюду присутствует (проблема Абсолюта), почему есть то, что есть, и нет того, чего нет, что есть истина, что есть добро и зло, что такое человек и в чем смысл его жизни? Да мало ли какой...

Что же касается марксизма-ленинизма и его философии диалектического (преимущественно в энгельсовской интерпретации) и исторического материализма, то тут главное — *классовый подход в практическом решении вопроса о социальной справедливости*, поэтому здесь никаких полутонов нет: есть свои и чужие, друзья и враги, богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые. Тут уже не до сантиментов. Однако «классовый» выбор в решении вопроса об отношении мышления к бытию

¹ Суть этого противостояния попробую пояснить, на мой взгляд, очень простым, но, увы, упрощающим реальность примером. Представим себе треугольник. С одной стороны, он есть геометрическая фигура, которая образована отношениями между тремя «материальными точками» (кстати, именно это понятие и используется в современной физике), одна из которых не лежит на одной линии. Такова позиция почти материалиста Аристотеля. С другой стороны, наоборот, три точки (вершины треугольника) есть лишь производное (результат) пересечения трех прямых разнонаправленных линий, лежащих в одной плоскости. Такова позиция идеалиста Платона. Иначе говоря, это спор между теми, кто убежден, что именно отношения, т. е. идеи, «образуют» вещи (нет отношений — нет и вещи), и теми, кто утверждает, что материальные вещи одним своим существованием обуславливают наличие отношений между собой (нет вещей — нет и отношений между ними) [7, с. 64]. Вот и вся суть противоположности идеализма и материализма, а вовсе не противоположность между хозяевами жизни и батраками. Всё остальное — это «идеологическая пена».

в пользу материализма и познаваемости мира, а значит, и науки, сыграл злую шутку с марксистско-ленинской философией: как и в позитивизме, здесь «исчезло» бытие. Не потому ли К. Маркс как-то заметил незадолго до своей смерти, что *философия марксизма еще не написана*, вот, дескать, завершу «Капитал», тогда и примусь за философию. Но, как известно, и эту работу он не успел завершить: второй и третий том «Капитала» готовил к публикации Ф. Энгельс на основе черновиков К. Маркса.

«Ипостасями» противоположности бытия и существования выступает оппозиция идеального и материального, сущности и явления, вечного и временного, необходимого и случайного, неизменного и становящегося, инвариантного и вариативного. Но это — лишь производные и в этом смысле *вторичные* аспекты оппозиции бытия и существования. Ведь даже *идеальное* (как нечто невещественное) наличествует — причем безо всякой мистики! — прежде всего в существовании. **Идеальное — это всегда отношение.** Не суть важно, идет ли речь о математическом отношении, пространственно-временном или социальном, не говоря уже о субъективных переживаниях и представлениях. Всё это знакомо каждому как нечто невещественное (нематериальное) и притом существующее не где-то там в мире потустороннего или в платоновском царстве идей, а здесь и сейчас и, как правило, не вызывает никаких сомнений в своей действительности. А вот относительно «подлинного» бытия — это еще вопрос, считать ли его, как это делали Пифагор, Парменид, Платон, Аристотель, Гегель и другие мыслители, чем-то *идеальным* (например, Числом, Формой, Логосом или Абсолютной идеей). Да и вообще *хоть как-то определяемым* и выражаемым в слове, числе, символе и т. д. Недаром и неоплатоник Плотин, и богословы апофатического умонастроения², и другие мыслители прошлого (как на Западе, так и на Востоке, например, Авиценна) были уверены в том, что бытие, как и Абсолют, есть нечто в принципе невыразимое человеческим языком.

Казалось бы, бытие можно и нужно просто полагать, как это делал Кант, но ничего определенного сказать о нем

² Апофатика — так называемая негативная теология, представленная, например, сочинениями Псевдо-Дионисия Ареопагита, неизвестного автора, которого считают учеником апостола Павла (Византия, I в. н. э.). Суть апофатики — в утверждении, что о Боге ничего нельзя сказать утвердительно, определяя его свойства, но можно указать на то, чем Он не является.

невозможно. Даже того, есть ли оно «бытие», а может быть, его правильнее было бы называть «небытием», поскольку в такой «онтологической бездне» никакого различия между **бытием и небытием** либо нет, либо мы его не в состоянии увидеть и как-то определить. Так, в древнекитайских мифах об императоре Фу Си, получеловеке-полузмее, легендарном создателе классической «Книги перемен» (И-цзин), упоминаются два неразрывно связанных между собою понятия: У-цзи (Отсутствие предела, символ — пустой круг) и Тай-цзи (Великий предел, символ которого знаком каждому как вписанные в круг светлая (ян) и тёмная (инь) «запятые») [8, с. 95; 16]. Аналогично у даосов — Дао имеет двойственный характер: «пустое» или безымянное (фактически — бытие, которого нет) и «Дао, обладающее именем», т. е. бытие как *наличное существование*, ставшее таковым благодаря вскармливающему началу — Дэ, в сущности, **материи** [38, с. 45—46].

Кстати, *совечность* материи идеям признавал и Платон. *Исходным и вечным* «строй-материалом» для мироздания, но также пассивной по отношению к идеальной форме всех форм (Благу), трактовалась материя и в философии Аристотеля. С точки зрения первичности/вторичности идеального и материального, они оба, конечно, должны быть квалифицированы как идеалисты, для которых материя *как бы* вторична, хотя вопрос о первичности их не занимал и вообще не ставился. Во всех (!) мифологических и большей части в философских учениях античности бытию отводилась роль активного (мужского) *первоначала*, а материи — пассивного (женского), которое, однако, как у Лао Цзы Дэ признавалось источником питания, энергии и т. п., *обеспечивающего существование* мира. И что в это случае надо было признать первичным? «Первично» их единство в бытии и существовании.

2. Из истории осмысления диалектики бытия и существования

Онтологически наиболее основательно тезис о двойственности всего сущего (тождестве и различии бытия и существования) обоснован средневековыми схоластами. Как пишет П. П. Гайденок, «опираясь на слова библейского текста: “Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий” (Исход 3, 14), средневековые теологи отождествили Бытие с Богом. Отсюда делается вывод, что абсолютно первый принцип [онтологии и гносеологии — А. Ч.]

есть бытие». Кроме того, автор отмечает, что у Фомы Аквинского существование всех *конечных* вещей (как телесных, так и духовных субстанций) предполагает *наличие бесконечного бытия*, не имеющего каких-либо других определений, отличных от «быть» — бытия Бога. И далее — несколько «раскавыченных» цитат из сочинений Аквината. Отдельно взятый глагол «быть» (*esse*) указывает не на бытие некоторой сущности (формы), а на чистое бытие. Чистое бытие абсолютно непостижимо. В том случае, когда говорят слово «Бог», обозначают то же самое, что и в случае, когда произносят «есть». Высказывания «Бог есть» — это единственный случай, когда мы не можем знать смысла глагола «есть». Бог совершенно прост, «поскольку Бог <...> есть просто бытие» (ST, I, 3, 7 с). «Вещь совершенно простую, каковой является Бог, по причине ее непостижимости наш интеллект мыслит, как представленную различными формами» (*De potentia*, 1, ad 12). И последнее: Бог есть *акт бытия*, благодаря которому все вещи получают существование, т. е. становятся вещами [37, с. 3—31].

Нетрудно заметить, что центральное понятие философии Аквината, понятие «акта-бытия», — это *религиозная* интерпретация *энтелехии* Аристотеля [2], от которого и отталкивался Фома Аквинский в своем учении. Но, в отличие от Аристотелевской энтелехии как энергии, превращающей возможность *отдельной* вещи, как правило, одушевленной, в действительность (неслучайно Г. Лейбниц, отождествлял энтелехию с монадой [21]), акт-бытия — это вечное сотворение *всего* сущего. Схоластический принцип понимания бытия как *вечного демиурга всего сущего* в Новое время положат в основание своего учения об Абсолютной идее и рационалист Гегель, и его главный оппонент иррационалист Шопенгауэр, заменивший гегелевскую идею Мировой волей.

В марксизме роль демиурга «поручили» материи, упразднив при этом онтологическую двойственность всего сущего (тождества и различия бытия и существования, материального и идеального), заменив его принципом материального единства мира¹.

¹ «Единство мира состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства, ибо сначала мир должен существовать, прежде чем он может быть единым. Действительное единство мира состоит в его материальности. <...> Единство мира обусловлено не его бытием, а его материальностью» [27, с. 43]. Поэтому в советских вузовских учебниках философии — вплоть до учебника под редакцией И. Т. Фролова 1989 г. «Введение в философию» — понятие бытия вообще отсутствовало

Фактическое устранение понятия бытия в материализме автоматически означало и устранение трансцендентного **Я-бытия** — **онтологического условия** того, что *делает человека человеком*, обуславливая его способность мыслить, желать, чувствовать. Отсюда, кстати, заведомо провальная попытка «объяснить» самую главную особенность человека — наличия у него **самосознания** — исключительно материальными (читай «физическими» или «вещественными») процессами с использованием понятия «отражение» как всеобщего свойства материи. Если худо ли бедно это свойство удавалось проследить в отпечатках в неживой природе, а также в раздражимости, чувствительности и даже психике в одушевленном мире, то, как только дело доходило до *сознания человека*, то полная невнятность построенной становилась совершенно очевидной. Никакие рассуждения о социальности как высшей форме организации материи, якобы порождающей сознание человека, не могла скрыть логические несуразности этой концепции. Так, три социальные предпосылки возникновения, существования и развития сознания (труд, общение и язык) загоняли авторов учебников по марксистско-ленинской философии и, соответственно, студентов в «заколдованный круг», поскольку ни труд, ни человеческое общение, ни слово в принципе не могут появиться без сознания. Было бы логичнее называть сознание предпосылкой труда, общения и языка, а не наоборот. Однако в этом случае вопрос о происхождении сознания не только бы оставался открытым, но даже не был бы поставлен.

В противоположность марксистам феноменологи (Эдмунд Гуссерль и его последователи, в том числе экзистенциалисты, например, ранний М. Хайдеггер и Ж.-П. Сартр) сосредоточили свои усилия именно на этом вопросе, развивая принцип *интенциональности* сознания, т. е. направленности сознания на предмет, в сущности, его *устремленности* к «чистому» бытию. Кроме того, Гуссерль предложил для обнаружения «чистого» Я, на мой взгляд, совершенно

(исключением было лишь понятие общественного бытия в его противопоставлении общественному сознанию, поскольку весь исторический материализм базируется на положении К. Маркса, в котором используются эти понятия). По этой причине онтология, т. е. учение о бытии, сводилась и сводится до сих пор к естественнонаучной картине мира, основанной на эмпирически установленных фактах, и начиналась онтология с ленинского учения о материи как объективной реальности, данной нам в ощущениях и существующей вне и независимо от них [22, с. 100].

беспольный и бессмысленный принцип философствования — эпохе (феноменологическую редукцию). Во-первых, для каждого человека его собственное Я-бытие самоочевидно и безо всякого «эпохэ». Интуиция — это и есть способ непосредственного усмотрения Я-бытия. Во-вторых, еще никому не удавалось *помыслить* бытие вне его форм существования, в том числе уже имеющихся представлений о мире и душе, которые Гуссерль предлагает буквально «убрать за скобки». Неожиданное и при том авторитетное для меня подтверждение этому категоричному суждению я недавно обнаружил у одного из самых известных феноменологов: «По словам М. Мерло-Понти, главный урок феноменологической редукции — невозможность ее исполнения» [29].

Наконец, позитивисты XIX—XX вв. и вовсе отказались даже обсуждать *метафизические* проблемы отношения бытия и существования, наложив своего рода табу на эти вопросы, похоронив тем самым философию как таковую, поскольку она *вся* строится вокруг этого отношения. На мой взгляд, мыслители типа Огюста Конта или Карла Поппера — это выдающиеся логики, науковеды, социологи, но люди, которых называть философами можно только условно, поскольку философия без метафизики — это такой же нонсенс, как «сухая вода».

В связи с этим вспоминается история с опубликованием в начале 1995 г. статьи Карла Поппера «Что такое диалектика?» [33], написанной в 1944 г. (в пору пребывания автора в Новой Зеландии: подальше от бурь Второй мировой). Идеологи ВКП(б), позже называвшейся КПСС, полвека откровенно боялись обнародовать ее в СССР, и надо сказать, их опасения были не напрасны. Когда статья наконец-то появилась в «Вопросах философии», никто из *советских* философов не смог дать достойный ответ критику диалектического метода и его, мягко говоря, своеобразной интерпретации диалектики. Может быть, это сумел бы сделать Эвальд Васильевич Ильенков, годами полемизировавший с позитивистами [11], но к тому времени его уже не было в живых. Участники обсуждения статьи, в сущности, согласились с доводами Карла Поппера и капитулировали, а между тем критиковать там особо было нечего. Текст написан человеком, весьма далеким от метафизики, которому объяснить суть диалектики было бы так же трудно, как слепому от рождения разницу между светом и тьмой. Но в 1995 г. публикация статьи и ее обсуждение предназначались не автору (он умер в 1994 г.), а читателям, жившим

в распавшемся накануне Советском Союзе. Растолковать разницу между позитивистским стилем мышления и философско-диалектическим не удалось, как минимум, по двум причинам. Во-первых, в диалектическом материализме в энгельсовской интерпретации принципиально отсутствовало исходное понятие любой философии — понятие бытия¹, без которого всякое *диалектическое* учение ущербно. Во-вторых, кто бы стал в «лихом» 1995 г. в государственном академическом журнале защищать марксизм-ленинизм, когда к тому времени даже имена Маркса, Энгельса и Ленина стали стесняться произносить и стесняются до сих пор, если это не связано с критикой «проклятого советского прошлого»?! Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать вузовские учебники по философии, написанные после 1991 года, в которых довольно часто (причем, дословно) цитируют Маркса — Энгельса — Ленина, но без указания их имен.

3. Содержание понятий «субъект и объект познания» в свете диалектики бытия и существования

Для человека бытие/небытие не может быть ни предметом чувственного *эмпирического* познания, ни знанием о его происхождении. Например, в Упанишадах на этот счет сказано: «Откуда всё пошло? Этого не знают даже боги» [36, с. 240]. Аналогично и в «Даодэцзинге»: «Я не знаю, чьё оно (Дао) происхождение, [я лишь знаю, что] оно предшествует небесному владыке» [20, с. 114—138]. *Бытие может быть только предметом интуитивного усмотрения, интеллектуального полагания (постулирования), аффицирования (обнаружения посредством непосредственного воздействия на органы чувств) и, наконец, веры в его реальность (не иллюзорность)*. Полностью согласен с тем, что «вера <...> — это особый способ связи человеческого сознания с трансцендентным» [25, с. 19], который, до-

¹ Вообще онтология — весьма слабое место классического марксизма. Его величие и новаторский характер состоит в осмыслении социального бытия, т. е. общества и его истории. На мой взгляд, и сегодня, спустя полтора столетия после возникновения, марксизм — это одна из лучших версий социологии (как философии общества, а не как эмпирической науки) с точки зрения объяснения сущности, понимания форм существования и, как это ни спорно, прогнозирования социальных явлений и процессов. Что же касается политической идеологии марксизма — это «совсем другая история», которой я сейчас не хочу даже касаться.

бавлю, базируется на априорном по своей сути *доверии* [40], а на практике реализуется чувством *уверенности* человека в себе и в мире как чему-то не чуждому ему. Всё это становится возможным лишь потому, что не только сущее двойственно (как единство бытия и существования), но и само бытие *для каждого человека* оказывается внутренне различным: **бытием вообще и Я-бытием**. Эта различенность и вместе с тем тождественность бытия вообще и Я-бытия была обозначена еще в «Ведах» как различенность и тождественность Брахмана и Атмана [38, с. 65—66].

В *гносеологическом* (познавательном) аспекте единство и различенность бытия и существования, а также бытия вообще и Я-бытия *предстает* как оппозиция **субъекта и объекта** в их отношении к *истине* — к тому, «что есть» [35]. Если объект познания — это то, «что есть на самом деле», то субъект познания — это всегда тот, кто взыскует истину-знание, т. е. истину в ее *идеальной форме* (в чувственных образах и понятиях). Что касается *интуиции*, которую Николай Кузанский называл «интеллектуальной», Декарт мыслил ее как самоочевидность (ясность), а другие считали неким озарением, непосредственным усмотрением истины и т. п., то ее нельзя отнести ни к чувственности, ни к мышлению, ни к воображению, ни к эмоциям. **Интуиция** — это особая, столь же *априорная*, как и «кантовские» доопытные формы чувственного и рассудочного познания, *форма и условие аффицирования бытия*. Интуиция выступает своего рода «противовесом» непознаваемости кантовской вещи-в-себе. Без нее субъект познания вообще не мог бы стать таковым, и, разумеется, было бы невозможным *никакое* (ни априорное, ни апостериорное) познание. Интуиция — это, в сущности, то, что Гегель называл «интеллигенцией» как «способность *узнавания* созерцания, поскольку последнее уже ей раньше принадлежало» [5, с. 306], а именно *бытия*.

Свое современное значение **термины «субъект» и «объект»** приобрели не ранее середины XVII в. Это сегодня для нас субъект — действующий по своей воле и познающий человек (человечество); а объект — существующая вне и независимо от сознания субъекта реальность или фрагмент ее, оказавшийся в фокусе внимания познающего субъекта. Но изначально (в средневековой теологии) ими обозначалось вовсе не это. Буквальный перевод латинского слова *subjectum* — «подброшенное» ничего не даёт для понимания значения философского

понятия «субъект», ибо **субъектом** теологи называли Бога (бытие) как *основание* существующих конечных вещей, а нередко и душу человека [34, с. 272—281]. Глаголом *jest* тут обозначается, как это мы видим у Фомы Аквинского, некий божественный *акт бытия*, его волю, «усилие» и «энергию», которая как бы *выводит из небытия* еще только возможное существование конечных вещей, превращая их из «ничто» в «нечто». **Объектом** схоласты называли то, что как бы лежит на поверхности божественного основания. Термин *objectum* — буквально «наброшенное» — очень точно выражал позицию христианских теологов на то, как человек *видит* мир вещей, в котором замысел и творение Божье представляли как бы **накрытые** пеленой сугубо человеческого восприятия, еще не знающего божественного откровения, а потому весьма далекого от божественной истины в понимании сущности мира. Традиция такого понимания появилась, конечно, задолго до возникновения христианства: всем известен древнеиндийский образ покрывала богини Майя, скрывающего от человека подлинное бытие, а в VI в. до н. э. Парменид противопоставил (излишне категорично) обманчивость мнений, основанных на данных чувственного опыта, истине, постигаемой исключительно разумом.

Кант, конечно, не воспроизводил буквально религиозные и теологические представления прошлого, тем не менее ему пришлось почти извиняться перед читателем за трудность в понимании его «Критики чистого разума» из-за того, что он использовал знакомые многим слова в непривычном для них значении [14, с. 75], а между тем Кант всего лишь стал употреблять термины «субъект» и «объект» в близком к средневеково-схоластическому значению. Субъект у него — это «творец знаний» о вещах, а объект — это, если угодно, «картинка этих вещей» в сознании субъекта, хотя и скроенная по *объективным* (в современном значении слова, т. е. независимым от субъекта) априорным формам чувственности, рассудка и разума. Отсюда — знаменитая фраза Канта: «Рассудок не черпает свои законы (a priori) из природы, а предписывает ей их» [14, с. 140]. Но Канту и в голову не могла бы прийти совершенно дикая мысль о том, что мир, в котором он живет, есть лишь лично его, Канта, представление, а за пределами этого представления нет абсолютно *ничего*. Да, каждый человек видит мир в своей, причем человеческой, интерпретации, но это совсем не означает, что человек, как Го-

сподь Бог, *сотворил мир* силой своего воображения и разума (для себя — да, но объективно — нет). Кант, конечно, был гением, но отнюдь не был пациентом психиатрической больницы.

Известный тезис Канта «**Нет объекта без субъекта**» нельзя, как это делал симпатизировавший вульгарному материализму Шопенгауэр, понимать *вульгарно* — как невозможность существования какой-либо вещи без представляющего субъекта. Речь идет лишь о том, что вещь, которая оказалась в фокусе внимания познающего субъекта, *предстает как объект познания* и, соответственно, так и обозначается, но при этом отнюдь *не перестает быть некой вещью* безотносительно к тому, познает ее кто-нибудь или нет. В связи с этим упомяну забавный эпизод с участием Альберта Эйнштейна и Нильса Бора во время обсуждения принципов квантовой механики (физики) в Брюсселе в 1927 г. Тогда Эйнштейн не без иронии спросил Бора: «Вы действительно считаете, что Луна существует, только когда Вы на неё смотрите?» [15].

Наиболее острое и даже недоумённое восприятие кантовской философии связано с необычной трактовкой Кантом *времени и пространства* как априорных форм организации внутренних и внешних ощущений. Такая реакция вполне объяснима, ведь, в сущности, это вопрос о *реальности* мироздания. Поэтому естествоиспытатели — вопреки восторгам философов по поводу кантовского учения, — и не спорят открыто с Кантом (его авторитет недосягаем ни для кого), но и не спешат соглашаться с ним, изучая явления природы, в том числе космос, так, как будто этого учения вовсе не существует, а между тем проблема решается достаточно просто в свете диалектики бытия и существования. «Кантовские» время и пространство — это *формы мысли и деятельности человека*, которые *опосредуют Я-бытие и чистое бытие*, тогда как физики и астрономы, а также математики имеют дело с *миром существования* конечных вещей безотносительно к бытию. В первом случае Кант объясняет, почему мир *предстает для нас* как оформленный временем и пространством. Во втором случае математики и естествоиспытатели открывают и объясняют свойства *конечных* вещей, реально *существующих* во времени и пространстве. У Канта и естествоиспытателей, совершенно разные *предметы* познания. Впрочем, сопряжение этих столь разных подходов — тема отдельного разговора.

4. Язык и смысл бытия и существования

Наделяемые каким-либо значением число, слово, символ, жест, мимика, возглас, музыкальный звук, световой сигнал и т. д. — это разные формы существования или «материализации» **понятия**, то есть разные способы выразить **отношение Я-бытия и существования** конечных вещей (объектов). Вместе с тем это разные виды **языка**, с помощью которого каждый субъект выражает своё **понимание** (или, напротив, непонимание) своего внутреннего и внешнего мира. Кроме того, с помощью языка человек выражает своё **аксиологическое отношение** к миру. Такое отношение есть **смысл как значимость и ценность** или, напротив, чувство бессмысленности и отсутствия всякой ценности у всего, что доступно субъекту в его интуитивном и чувственном восприятии, представлении и воображении. М. Хайдеггер совершенно справедливо, поставив проблему бытия в экзистенциалистском (а, в сущности, **аксиологическом**) плане как определение его **смысла**, связал это с языком. Как красиво выразился философ, «язык — это дом бытия», однако еще до Хайдеггера в 1923 г. точнее и полнее сказал об этом А. Ф. Лосев: *слово есть место встречи смысла человеческого и смысла предметного бытия* [31].

Хотя М. Хайдеггер (вслед за Э. Гуссерлем) и называл представления о бытии «смутными» [30, с. 130], дело-то обстоит с точностью до наоборот: как раз **знание бытия и его смысла** — это единственный род знания абсолютно прозрачный, ясный, как день, в силу своей самоочевидности, но одновременно и невыразимости посредством слова по очень простой причине, что тут уже ничего невозможно ни добавить, ни прибавить: «Бытие познается разумом без определения и без описания, ибо оно не имеет определения, поскольку у него нет ни рода, ни вида, так как нет вещи более общей, чем оно, и оно недоступно описанию, так нет вещи более известной, чем оно» (Авиценна) [9, с. 106]. Бытием, как и его смыслом, люди прежде всего *живут*, по большей части не задаваясь вопросами о бытии и его смысле, поскольку просто *привносят* смысл бытия в своё существование своим, так сказать, «персональным» бытием. Конечно, кому-то по разным причинам это удается плохо. Вот тогда он и начинает задаваться вопросом о смысле *бытия*. Впрочем, мы еще вернемся к вопросу об отношении смысла и бытия.

5. Логика истины и логика видимости

Язык всегда подчинен **логике**, законы которой — это не просто некий набор формальных правил суждений, сформулированных Аристотелем, а *априорно представленные в субъекте принципы формального мироустройства* (мира существования конечных вещей), или, по Гегелю, «царство рассудка». В. И. Ленин явно погорячился, утверждая, что законы логики — это *опытно*, на протяжении тысячелетий, «миллиарды раз повторяясь, закрепляются в сознании человека фигурами логики» [23, с. 198]. Научиться с нуля логике мышления — это равносильно тому, чтобы научиться быть *homo sapiens*. В опыте можно только *персонально убедиться* в их правильности и даже при желании стараться соблюдать их, чтобы не сделать лишних ошибок либо обнаружить их, если они уже сделаны. Но обычно человек об этом думает меньше всего. Он гораздо больше увлечен *предметом суждения*, чем соответствием его (суждения) законам формальной логики. Вывести эти законы из чувственного опыта невозможно в принципе: человек мыслит либо логично, либо алогично, и опыт тут вообще не при чем. Иначе бы рептилии, ровесники вымерших динозавров, мыслили бы ничуть не хуже, чем человек. Но даже вполне логичное мышление сплошь и рядом сопряжено с ошибками в каких-либо *отдельных* суждениях и умозаключениях. Однако причины таких ошибок лежат далеко за пределами логики. Раньше и лучше всех об этих причинах написал в 1620 г. Френсис Бэкон в «Новом органоне», назвав их четырьмя идолами познания: идолами рода, пещеры, площади и театра [3, с. 18—20].

Тождество и различие бытия и существования в своей *явленности* посредством конечных вещей, постигается исключительно *диалектически*. Согласно Канту, диалектика — это *проблематичные*, т. е. спорные, представления (знания) о мире как целом, и потому диалектика есть «логика видимости» [13, с. 162, 336]. Но нельзя понимать Канта примитивно и думать, что речь идет о какой-то иллюзии. Диалектика — это логика того, *что и как* только и может *видеть* субъект. В конечном счете, **диалектика** — **это диалог человека с миром**, а видеть мир как целое он может («и должен», добавил бы диалектик) в его целостности и внутренней противоречивости. Проблематичность (разумеется, с точки зрения формальной логики)

диалектических суждений связана и с тем, что чувственный опыт в **рассудке** как бы расщепляется. Рассудок потому и называется «рас-судком», что он разделяет, анализирует данные чувственного опыта и устанавливает, т. е. судит (*всегда односторонне* и часто ошибочно) о связях и отношениях между полученными «частями» чувственных данных. Ни к чему другому рассудок не предназначен и не пригоден, а вот соединение их в *одно*, возможно, бесконечное *целое* — это уже предназначение и функция **разума** (Николай Кузанский называл его интеллектом, отличая его от рассудка).

С точки зрения познания мира как целого, логикой истины следует признать не формальную логику, как полагали Аристотель, Кант и, конечно, позитивисты, а именно диалектику: «Диалектика есть единственный метод, способный охватить живую действительность в целом. Больше того, диалектика есть просто ритм самой действительности.» (А. Ф. Лосев) [24]. Именно логикой истины была диалектика и для Гераклита, и для Платона, и для Гегеля, хотя Гегель и делал весьма существенную оговорку: «Разум без рассудка ничто, а рассудок и без разума нечто» [6, с. 85]. Иначе говоря, и для рассудка, и для разума соблюдение законов формальной логики — требование обязательное. В противном случае это будет не диалектический разум, а бред сумасшедшего. Однако для разума это условие, хотя и обязательное, но недостаточное. Тогда как формальная логика может и, действительно, часто приводит нас лишь к *видимости* как *иллюзии* истины: рассуждаем вполне логично, а вывод нередко получаем ошибочный, а в некоторых случаях просто абсурдный (с точки зрения здравого смысла). Классический пример — апории Зенона (Ахилл и черепаха, дихотомия и др.), очень *логично* доказывавшего, что всякое движение — это иллюзия. По сей день многие восхищенно удивляются этим рассуждениям и неожиданности вывода, однако мало кто за две с половиной тысячи лет принимал их всерьез и почти никто не верил в их истинность.

6. Метафизика бытия и диалектика существования

Мир существования конечных вещей *также есть бытие* или, говоря на манер Гегеля, «свое иное бытия», *способ его существования* посредством перманентного становления (самоопределения и самоотрицания). **Бытие пребывает, а существование — становится.** Знаменитый спор

Парменида с Гераклитом о том, стоит ли мир на месте или «всё течет, всё меняется» — это не спор метафизика с диалектиком, а спор глухих: один говорил про Фому (бытие), другой — про Ерёму (существование). Это тот случай, когда оба были правы. Не «по-своему», а просто правы, как правы были Гегель и Энгельс, исповедовавшие гераклитовский принцип *Пάντα ῥεῖ* (всё течет, всё меняется). Но, если у Гегеля развивается только идея, а природа как бы оцепенела, то у Энгельса, напротив, утверждается абсолютность движения и относительность покоя, что также не вполне корректно. Если и можно (вслед за Ф. Энгельсом) утверждать относительность покоя и абсолютность движения, то лишь в рамках существования. Впрочем, и здесь всякое движение, или изменчивость, как и покой, возможны только *по отношению* к чему-то относительно покоящемуся, и в этом смысле движение может быть только относительным и никаким другим. Энгельс назвал движение абсолютным, совершив малозаметную подмену понятий: он хотел подчеркнуть его вечный и всеобщий характер в мире конечных вещей, но это же не «абсолютность» движения. Оно ничуть не «абсолютнее» *объективно* существующего покоя. В результате у нас 9 из 10 студентов понимают (ошибочно, разумеется) относительность покоя как иллюзию (кажимость) в противоположность реальности движения.

Гераклит не только сформулировал важнейший *принцип существования* конечных вещей (принцип *Пάντα ῥεῖ*), но и указал источник всякого изменения и, соответственно, развития — *борьбу* противоположностей. Однако мы мало что можем сказать о понимании им другого необходимого условия — *единства* противоположностей (может быть, по причине того, что из всего, что было написано Гераклитом, до нас дошло лишь несколько фрагментов его сочинения «О природе»). Между тем **альфа и омега диалектики — целостность, единство, тождество**, которое живет и развивается посредством (то есть *средством*, а не целью!) борьбы противоположностей. В. И. Ленин назвал закон единства и борьбы противоположностей сутью, ядром диалектики [23, с. 316]. Тут, как говорится, не поспоришь, но на практике марксизм, конечно же, на первое место всегда ставил *борьбу*, а не единство. И понятно почему: это же была и есть идеология классовой борьбы. Но даже в этом «пункте» в философии марксизма было слабое место. Диамат никогда не давал ответа на вопрос, а **почему существует борьба противоположностей?** А он

и не мог его дать, поскольку отсутствовало понятие бытия, которое обеспечивало бы это единство и вместе с тем было бы условием борьбы. Каким образом? Ответ на этот вопрос дал еще в XV в. Николай Кузанский в своих работах «Диалог о становлении» и «О видении Бога» [18, с. 39—40, 341—342]. Отвлекаясь от чисто теологической риторики, суть мысли Кузанца можно выразить так: в мире существования каждая конечная вещь может обладать бытием только в силу тождества с Богом (всеобщим бытием); и каждая, утверждая свое «богоподобное» существование, стремится стать центром всего существующего, конкурируя при этом со всеми другими вещами, каждая из которых стремится к тому же [7, с. 69]. Иначе говоря, *бесконечная бытийность конечной* в своем существовании вещи как бы «распирает» ее и провоцирует подчинить себе всё сущее. **От такого единства в бытии и прорастает борьба противоположностей, но уже в существовании.**

В XIX столетии этот принцип (скорее всего, без относительно к трудам Николая Кузанского, а под влиянием идей средневекового мистика Якоба Бёме) положит в основу объяснения природы зла Фридрих Шеллинг, определяя зло как *частное, которое стремится стать всеобщим*, иначе говоря, *стремится нарушить меру своего бытия* [19, с. 157—180]. К такому же принципу пришел и находившийся под заметным влиянием Шеллинга А. Шопенгауэр, правда, через понимание бытия как Мировой воли и ее воплощения в каждой отдельной «вещи», в том числе индивиде. Отсюда — и принцип: «...каждый хочет иметь всё для себя, хочет всем обладать или, по крайней мере, подчинить всё своей власти, а то, что ему сопротивляется, хочет уничтожить» [41, с. 383].

Таким образом, единство и борьба противоположностей в мире существования — это *следствие* диалектики бытия и существования. Поэтому попытка Ф. Энгельса объяснить сущность действия «основных законов» материалистической диалектики в природе, отталкиваясь исключительно от материального единства мира, всегда выглядела мало убедительной и даже неуклюжей, как в глазах идеалистов, так и «механистических» материалистов, не говоря уже о позитивистах, которые о самой метафизической проблематике и диалектике даже и слышать не хотели. Неслучайно свою работу «Диалектика природы», которую Ф. Энгельс (1828—1895) начал еще в 1873 г., он так и не смог или не захотел завершить до конца своей жизни. Впервые она появилась в пе-

чати на немецком языке с одновременным переводом на русский только в 1925 г. в СССР. На ее основе построено вся концепция о трех законах диалектики, которую и по сей день изучают студенты вузов в рамках курса философии. Но дальше *отдельных примеров* проявления этих законов в разных сферах (в природе, обществе и мышлении) почти никто из студентов диалектику и не осваивает, плохо понимая, к какому месту ее вообще можно приложить.

7. Диалектический разум как опосредование бытия и существования

Более или менее адекватно мир существования отображается уже на уровне чувственного восприятия и формально-логического описания, а вот *единство* пребывающего в вечном покое бытия и вечно становящегося и движущегося мира существования постигается, как уже было сказано, исключительно *диалектически*. Это тот единственный случай, когда бытие *объекта* познания, действительно, зависит от *наличия* познающего субъекта, основанием которым является Я-бытие. Поэтому Кант и называл диалектику «логикой видимости». Но важно уточнить, чьей видимостью: эмпирического Я или трансцендентного (т. е. Я-бытия)? Тогда как *отражение* (в ленинском значении этого слова, как всеобщее свойство материи [23, с. 183], в сущности, получение и оперирование информацией, например, отпечаток, фотография, раздражимость, генетическая информация, «интеллект» насекомых и так называемый искусственный интеллект) вовсе не требует никакого диалектического разума, поскольку мир конечных вещей (объектов) существует безотносительно к тому, есть ли наблюдатель или его нет.

Диалектический разум (а другого, собственно, и не бывает) — это способ познания бытия нашим трансцендентным Я-бытием через *своё иное* — мира существования. В мистифицированной форме эту сущность диалектического разума сформулировал Гегель как процесс *самопознания* Абсолютной идеи. Для нас в данном случае существенна не мистификация, хотя и в ней есть своя истина (*интенция* Я-бытия к абсолютной тождественности с чистым бытием), а тезис о принципиальной *познаваемости бытия* — своего рода антитезис утверждениям схоластов о его принципиальной непознаваемости.

Объяснение этой «гносеологической антиномии» таково. С одной стороны, наше

трансцендентное Я-бытие знает себя сразу, целиком и полностью, а именно то, что оно *есть*, а большего ему позвать тут попросту *нечего*. Всё остальное, если, конечно, оно есть, — это вечная тайна. С другой стороны, «чистое» бытие для Я-бытия не может быть ни тайной, ни загадкой, ни сомнением, ни даже заблуждением или ошибкой.

Во-первых, тут нет и быть не может *опосредования*, а, следовательно, и мышления. Гегель неслучайно связывал мышление с *опосредованием*. Более того, утверждал, что «мышление <...> есть отрицание непосредственно данного» [5, с. 97]. Чистое бытие, как и Я-бытие, только потому становятся предметом, некоей нулевой точкой, от которой *отталкивается* мышление субъекта, что между его Я-бытием и всеобщим бытием стоит мир существования конечных вещей, который их опосредует и тем самым делает возможным мышление как таковое, а поскольку трансцендентное Я есть нечто тождественное бытию вообще, то что-то «сказать» им друг о друге просто *нечего*.

Во-вторых, не только знание истины, но и заблуждение, как и ошибка, также обладают статусом бытия: будучи совершёнными, они уже *есть*. Недаром Августин Блаженный утверждал: «Я ошибаюсь, следовательно, существую (есть)» [1].

8. О познаваемости мира существования и самоочевидной тайне бытия

Бытие не просто познаваемо. Для каждого человека оно *самоочевидно* уже в силу несомненности личного бытия. Можно сомневаться в бытии Бога и даже в существовании внешнего мира, но почти никто не сомневается в том, что лично он *есть на самом деле*, а не является чьей-то иллюзией. На мой взгляд именно этот смысл и должно вкладывать в декартовское *Cogito ergo sum*. А вот отсылка к мышлению тут просто излишня. *Во-первых*, субъект существует не потому, что мыслит. Он мыслит, потому что он *есть*. *Во-вторых*, прежде чем у человека возникают какие-либо сомнения в чем-то (т. е. мысли), он уже задолго до этого удостоверяется (посредством интуиции) в собственном бытии.

В отличие от бытия, *мир существования конечных вещей* далеко не так очевиден, однако при этом он в принципе *не может быть непознаваем*. *Во-первых*, он по определению есть *явленность* бытия. *Во-вторых*, всякое познание — это познание *бытия* в *существовании* конечных вещей, которое,

как рентгеном, «просвечивается» нашим *личным бытием*. Пресловутое покрывало богини Майи, которое никому из смертных не дано приподнять, есть миф о тайне бытия для нашего чувственного или, как называл его Кант, *эмпирического Я* [17, с. 308—317], принадлежащее не к чистому бытию, а к существованию, которым «пугает» и «дразнит» наше же собственное эмпирическое Я. Загадка покрывала богини Майя проста: для нашего чувственного и мыслящего Я за этим покрывалом нет и быть не может *ничего*. Ни Абсолютного ничто, ни небытия, ибо бытие и небытие изначально тождественны друг другу. Или, как говорят некоторые, например, А. Н. Чанышев, бытие всегда *занимает место* небытия, с него начинается и им же заканчивается, и потому формально-логически *вторично* по отношению к небытию [39]. Хотя с таким же успехом можно утверждать, что бытие своим *еще* или *уже* неопределенным наличием порождает небытие. Но дело не в первичности/вторичности (это лишь бессмысленный спор о том, что было раньше: курица или яйцо), а в том, что *выйти за пределы бытия также невозможно, как и за пределы небытия*. Разве что каким-то чудесным образом, каким Бог сотворил мир из небытия.

В свете сказанного, *позиция субъективного идеализма* (особенно в его крайней форме — солипсизме, который Артур Шопенгауэр, называл «теоретическим эгоизмом» и считал логически не опровергаемым [41, с. 233]) выглядит мало убедительной. Для субъективного идеалиста назвать весь мир «моим представлением» — это как дважды два, а заикнуться о действительном бытии Вселенной, а тем паче Бога — недопустимый самообман. Между тем намеренным или невольным обманщиком оказывается как раз субъективист: он просто *отождествляет* иллюзорное и реальное, умалчивая или не понимая, что эти *понятия* имеют смысл исключительно как соотносительные. Уберите понятие реальности, потеряет смысл и понятие иллюзии. И наоборот. А если ВСЁ, разумеется, включая *присущие субъекту образы и понятия*, объявить иллюзией, то проблема реальности и самообмана отпадает сама собой, поскольку не будет никакой разницы между иллюзией и реальностью. В этой ситуации субъективисту, чтобы спасти хотя бы *видимость своей истины*, остается лишь сделать исключение из этого правила и объявить *понятия иллюзии* островком подлинной реальности в безбрежном океане всё той же *иллюзии*. Но таким способом солипсизм ничего

не доказывает, а, напротив, лишь упраздняет самого себя. Так что утверждение о логической неопровержимости солипсизма — это не более чем расхожий миф, идущий от А. Шопенгауэра. Хотя некоторые — в силу разных обстоятельств — просто верят в этот миф субъективизма, но тут уж логика точно бессильна: как говорится, «Credo, quia absurdum»¹.

Не выдерживает критики и утверждение о том, что **реальное и идеальное** есть некие *парные* категории. Реальное — это то, что (воз)действует на субъект самим фактом своего существования, и по этой причине признается субъектном как нечто *действительное*, а понятие идеального вовсе не указывает на какое-либо действие, а характеризует *качество* вещи, которое обретается ею посредством её *существования через другую вещь*. Например, *стоимость* товара или услуги мы выражаем посредством денег, а стоимость денег — через товары и услуги, которые мы можем приобрести или получить за эти деньги [10]. Или, как у Платона, вещь существует постольку, поскольку она есть совокупность отношений к другим вещам. К слову сказать, знаменитый 6-й тезис Карла Маркса о Фейербахе, что «личность есть совокупность общественных отношений» [26, с. 1—4], никто из политических последователей его учения не рискнет назвать идеалистическим, а ведь это — стопроцентный, классический (в духе Платона) философский идеализм.

Всякое «есть» как бытие — хоть чувственно, хоть умозрительно — всегда очевидно. Так сказать, **самоочевидная тайна**. Я бы сформулировал эту мысль более категорично: к бытию даже вопросов никаких не может быть, ибо на любой вопрос оно уже заранее «ответило» положительно простым фактом своего наличия, поскольку в бытии есть всё, что можно помыслить, в том числе иллюзию и самообман, и всё может стать реальностью. Нам же остается только, пусть и проблематично, только интерпретировать этот «ответ» бытия, в том числе религиозно, т. е. акцентировать в самоочевидности бытия момент *веры* (как особого способа связи человеческого сознания с трансцендентным) в его действительность, отождествляя бытие с Богом. Не случайно знаменитое хайдеггеровское «вопрошание бытия» в конце концов обернулось у него вопрошанием

¹ «Верую, ибо абсурдно». Парафраза слов христианского писателя Тертуллиана, одного из «отцов церкви»: «И умер сын Божий; это достойно веры, так как нелепо. И погребен он, и воскрес: это достоверно, так как невозможно» [4].

не о смысле бытия, а смысле *существования*, а именно — заботой, обусловленной временным и временным характером существования человека [30, с. 101].

Главная гносеологическая и вместе с тем нравственно-практическая проблема состоит совсем в другом. В том, **как**, каким образом нашему Я-бытию разглядеть в «смутном», но не бытии, а в *существовании* сущность вещей, хотя бы на уровне закономерностей (то, что Платон называл *анамнезисом* (греч. ἀνάμνησις), — припоминанием души вечных образов (сущностей) конечных вещей [32, с. 7—80, 135—191]), разглядеть самого себя, не говоря уже о некоей божественной сущности. Причем почти всегда гораздо важнее оказывается не вопрос «Что мы хотим познать?» (это и так очевидно — бытие), а вопрос «**Как существует** то, что мы пытаемся познать?» для того, чтобы знать, *как жить* в мире существования конечных вещей. Но, разумеется, людей всегда волновали не только вопросы прагматические, но и нравственно-метафизические: не только *как* жить, но и *зачем*? Однако и они касаются их существования, или, как точно назвал его М. Хайдеггер, «бытия-в-мире». Например, «В чем смысл жизни?» или «Что есть красота?». То, что Кант в «Критике способности суждения», где представлена его эстетика, сформулировал как проблему *целесообразности сущего* [12, с. 82]. Причем, как уже подчеркивалось, «философические» вопросы о смысле *всегда* адресованы не бытию, а существованию. Более того, именно потому, что всякий субъект познания в своем основании есть Я-бытие, то можно сказать, что это *само бытие задает вопросы существованию*, вопрошая его о *его же* смысле и ценности, предъявляя ему, существованию, требование должного, смысла и ценности. Правда, существование, — в отличие от бытия — никогда «не играет в молчанку». Оно всегда говорит, но и всегда обманывает. Поэтому никакого другого смысла, кроме того, который человек сам для себя определяет и привносит в мир своим бытием, нет и быть не может.

Что же касается **тайны бытия**, то она всегда оказывается тайной и для него самого: *почему и зачем оно, бытие, вообще есть; и что есть за ним, если есть вообще?* Вот эту тайну и символизирует миф о покрывале богини Майя. Всё остальное — это не тайна, а поле загадок и разгадок, гносеологическое пространство в *принципе* решаемых проблем, в том числе проблем научного познания. При этом **границами познания** всегда оказываются не границы чувственного опыта (природа), как утверждал Кант, а *бытие* трансцендентно-

го Я, с одной стороны, и *бытие* внешнего ему мира существования — с другой. Но между ними — хотя и «тёмная», но вполне познаваемая *бесконечность* (в данном контексте не важно, практическая или гипотетическая). Если Гегель называл кантовский агностицизм «светом меж двух ночей» [5], то я бы назвал *познаваемый* мир существования *сумраком* меж двух огней. И действительно: в чистом бытии и Я-бытии, как уже было сказано, познавать просто нечего (можно только констатировать очевидное — то, что *оно есть*), а вот в мире существования каждому человеку — с первых мгновений его жизни — приходится познавать *всё*, но и познать до конца, исчерпывающим образом невозможно в силу практической для человека бесконечности существующего. Поэтому принципиальная познаваемость мира (мира существования) не означает, что все проблемы познания *будут хотя когда-нибудь* решены, поскольку масштаб познанного и освоенного человечеством всегда обусловлен его исторической *практикой* и ее, увы, всегда ограниченными возможностями.

1. Августин Бл. О Граде Божьем. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/11_26 (дата обращения: 07.04.19).

2. Бородой Т. Ю. Энтелехия. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/library/collection/newphilenc/document/HASH0194d86f3ba748084f864994> (дата обращения: 07.04.19).

3. Бэкон Ф. Новый органон // Ф. Бэкон. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1972. 593 с.

4. Верю, потому что нелепо. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/508/Credo (дата обращения: 07.04.19).

5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М. : Мысль, 1977. 471 с.

6. Гулыга А. В. Гегель. М. : Молодая гвардия. 1970. 263 с.

7. Евлампиев И. И. Соотношение рационального и мистического познания в философии Николая Кузанского // Verbum. Вып. 13. Принцип «совпадения противоположностей» в истории европейской мысли. — СПб. : Нестор-история, 2011. С. 63-86.

8. Ежов В. В. Мифы древнего Китая. — М. : Астрель : АСТ, 2004. 496 с.

9. Ибн Сина. Избранные философские произведения. М. : Наука, 1980. 554 с.

10. Ильенков Э. В. Диалектика идеального. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/dialideal.html> (дата обращения: 07.04.19).

11. Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М. : Политиздат, 1980. 175 с.

12. Кант И. Критика способности суждения. СПб. : Наука, 1995. 512 с.

13. Кант И. Критика чистого разума // И. Кант. Сочинения : в 6 т. Т. 3. М. : Мысль, 1964. 799 с.

14. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // И. Кант. Сочинения : в 6 т. Т. 4 (1). М. : Мысль, 1965. 544 с.

15. Квантовая запутанность. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Квантовая_запутанность (дата обращения: 07.04.19).

16. Кобзев А. И. Предел великий. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/chinese-philosophy/fc/slovar-207.htm#zag-330> (дата обращения: 07.04.19).

17. Кречетова М. Ю. Учение И. Канта о Я в эмпирическом, трансцендентальном, моральном и метафизическом смысле // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4 (28). С. 308—317.

18. Кузанский Н. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1980. 471 с.

19. Лазарев В. В. Шеллинг. М. : Мысль, 1976. 199 с.

20. Древнекитайская философия : в 2 т. Т. 1. М. Мысль, 1972. 361 с.

21. Лейбниц Г. В. Монадология // Г. Лейбниц. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1982. 636 с.

22. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 18. М. : Изд-во полит. лит., 1968. 525 с.

23. Ленин В. И. Философские тетради. // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 29. М. : Изд-во полит. лит., 1973. 780 с.

24. Лосев А. Ф. Философия имени. URL: <https://predanie.ru/book/72798-filosofiya-imeni/> (дата обращения: 07.04.19).

25. Лукин А. Н., Домрачев С. С. Вера как элемент сознания человека // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 15—22.

26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. 650 с.

27. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. 858 с.

28. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. 782 с.

29. Мотрошилова Н. В. (2010) Редукция феноменологическая. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopediya/РЕДУКЦИЯ_ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ (дата обращения: 07.04.19).

30. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М. : Высш. шк., 1998. 144 с.

31. Петров В. П. Философское мировоззрение Алексея Лосева. URL: https://studme.org/1767092117741/filosofiya/filosofskoe_mirovozzrenie_alekseya_loseva (дата обращения: 07.04.19).

32. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1993. 528 с.

33. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118—138.

34. Соколов В. В. Философия как история философии. М. : Академический проект, 2010. 843 с.

35. Соловьев В. С. Истина. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Истина>. Философское понятие (дата обращения: 07.04.19).

36. Упанишады : в 3 кн. Кн. 1. М. : Глав. ред. восточ. лит., 1992. 240 с.

37. Фома Аквинский. Онтология и теория познания (фрагменты сочинений). М. : РАН, Ин-т философии, 2001. 206 с.

38. Чанышев А. Н. Курс по древней философии. М. : Высш. шк., 1981. 374 с.

39. Чанышев А. Н. Трактат о небытии. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000614/index.shtml> (дата обращения: 07.04.19).

40. Чупров А. С. Доверие в тени обмана и веры. URL: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskije-progulki/doverie-v-teni-obmana-i-very> (дата обращения: 07.04.19).

41. Шопенгауэр А. Собрание сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1993. 672 с.

Reference

1. Avgustin Bl. (1998) O Grade Bozhem. Available at: https://azbyka.ru/oteknik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/11_26, accessed 07.04.19. [in Rus].

2. Borodj T.Yu. (2010) Entelexiya. Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/library/collection/newphilenc/document/HASH0194d86f3-ba748084f864994>, accessed 07.04.19. [in Rus].

3. Bekon F. Novyj organon // F. Bekon. Sochineniya: v 2 t. T. 2. Moscow, Mysl Publ., 1972. 593 p. [in Rus].

4. Veryu, potomu chto nelepo. (1982) Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/508/Credo, accessed 07.04.19. [in Rus].

5. Gegel G.V.F. (1977) Enciklopediya filosofskix nauk. T. 3. Filosofia duha. Moscow, Mysl Publ., 471 p. [in Rus].

6. Gulyga A.V. (1970) Hegel. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 263 p. [in Rus].

7. Evlampiev I.I. (2011) *Verbum*, no. 13, pp. 63—86. [in Rus].

8. Ezhov V.V. (2004) Mify drevnego Kitaya. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 496 p. [in Rus].

9. Ibn Sina (1980) Izbrannyye filosofskie proizvedeniya. Moscow, Nauka Publ., 554 p. [in Rus].

10. Ilenkov E.V. (2009) Dialektika idealnogo. Available at: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/dialideal.html>, accessed 07.04.19. [in Rus].

11. Ilenkov E.V. (1980) Leninskaya dialektika i metafizika pozitivizma. Moscow, Politizdat Publ., 175 p.

12. Kant I. (1995) Kritika sposobnosti suzhdeniya. St. Petersburg, Nauka Publ., 512 p. [in Rus].

13. Kant I. (1964) Kritika chistogo razuma // I. Kant. Sochineniya: v 6 t. T. 3. Moscow, Mysl Publ., 799 p. [in Rus].

14. Kant I. (1965) Prolegomeny ko vsyakoju budushhej metafizike, mogushhej poyavitsya kak nauka // I. Kant. Sochineniya: v 6 t. T. 4 (1). Moscow, Mysl Publ., 544 p. [in Rus].

15. Kvantovaya zaputannost (2019). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Kvantovaya_zaputannost, accessed 07.04.19. [in Rus].

16. Kobzev A.I. (2009) Predel velikij. Available at: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/chinese-philosophy/fc/slovar-207.htm#zag-330>, accessed 07.04.19. [in Rus].

17. Krechetova M.Yu. (2017) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 4 (28), pp. 308—317. [in Rus].

18. Kuzanskij N. (1980) Sochineniya: v 2 t. T. 2. Moscow, Mysl Publ., 471 p. [in Rus].

19. Lazarev V.V. (1976) Shelling. Moscow, Mysl Publ., 199 p.

20. Drevnekitajskaya filosofiya: v 2 t. T. 1. (1972) Moscow, Mysl Publ., 361 p. [in Rus].

21. Lejbnicz G.V. (1982) *Monadologiya* // G.V. Lejbnicz. Sochineniya: v 4 t. T. 1. Moscow, Mysl Publ., 636 p. [in Rus].

22. Lenin V.I. (1968) *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 18. Moscow, Izdatelstvo Politicheskoy literatury Publ., 525 p. [in Rus].

23. Lenin V.I. (1973) *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 29. Moscow, Izdatelstvo Politicheskoy literatury Publ., 780 p. [in Rus].

24. Losev A.F. (1931) *Filosofiya imeni*. Available at: <https://predanie.ru/book/72798-filosofiya-imeni/>, accessed 07.04.19. [in Rus].

25. Lukin A.N., Domrachev S.S. (2018) *Socium i vlast*, no. 3 (71), pp. 15—22. [in Rus].

26. Marks K., Engls F. (1955) Sochineniya. T. 3 Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 650 p. [in Rus].

27. Marks K., Engls F. (1961) Sochineniya. T. 20. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 858 p. [in Rus].

28. Marks K., Engls F. (1961) Sochineniya. T. 21 Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 782 p. [in Rus].

29. Motroshilova N.V. (2010) *Redukciya fenomenologicheskaya*. Available at: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/REDUKCIYA_FENOMENOLOGICHESKAYA, accessed 07.04.19. [in Rus].

30. Molchanov V. I. (1998) *Vremya i soznanie. Kritika fenomenologicheskoy filosofii*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 144 p. [in Rus].

31. Petrov V.P. *Filosofskoe mirovozzrenie Alekseya Loseva*. Available at: https://studme.org/1767092117741/filosofiya/filosofskoe_mirovozzrenie_alekseya_loseva, accessed 07.04.19. [in Rus].

32. Platon. (1993) *Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 2*. Moscow, Mysl Publ., 528 p. [in Rus].

33. Popper K. (1995) *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 118—138. [in Rus].

34. Sokolov V.V. (2010) *Filosofiya kak istoriya filosofii*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 843 p. [in Rus].

35. Solovev V.S. (1894) *Istina*. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/E`SBE/Istina_filosofskoe_ponyatie, accessed 07.04.19. [in Rus].

36. Upanishady: v 3 kn. Kn. 1. (1992) Moscow, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury Publ., 240 p. [in Rus].

37. Foma Akvinskij. (2001) *Ontologiya i teoriya poznaniya (fragmenty sochinenij)*. Moscow, RAN, Institut filosofii Publ., 206 p. [in Rus].

38. Chanyshv A.N. (1981) *Kurs po drevnej filosofii*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 374 p. [in Rus].

39. Chanyshv A.N. (1990) Traktat o nebytii. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000614/index.shtml>, accessed 07.04.19. [in Rus].

40. Chuprov A.S. (2017) Doverie v teni obmana i very. Available at: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/doverie-v-teni-obmana-i-very>, accessed 07.04.19 [in Rus].

41. Shopengauer A. (1993) Sobraniye sochinenij: v 2 t. T. 1. Moscow, Nauka Publ., 672 p. [in Rus].

For citing: Chuprov A.S.

The problem of the world cognition in the light of being and existence dialectics // *Socium i vlast'*. 2019. № 2 (76). P. 82—95.

UDK 101.1

THE PROBLEM OF THE WORLD COGNITION IN THE LIGHT OF BEING AND EXISTENCE DIALECTICS

Alexander S. Chuprov,

Blagoveshchensk State Pedagogical University,
the Department Chair of General History,
Philosophy and Cultural Studies,
Doctor of Philosophy, Professor
Russian Federation,
675000, Amur region, Blagoveshchensk,
ulitsa Lenina, 104
E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Abstract

The article deals with fundamental issues of ontology and epistemology in terms of being and existence dialectics (identities and differences). The author considers it as the source for the entire world philosophy problem that predetermines understanding of the world cognition: epistemology, the essence of cognition, the place and role of intuition, the content of the concepts of “subject” and “object” and the nature of their relationship, ontological foundation of language, as well as formal and dialectical logics and their applications. Drawing on the necessary historical and philosophical bases and its own discourse, the author offers his own solution to these issues, often contrasting it to various existing philosophies stereotypes.

Key concepts:

being,
existence,
cognition,
intuition,
subject and object,
logic,
dialectics,
language,
meaning.

Для цитирования: Нехамкин В. А. Междисциплинарность в современном гуманитарном познании: тенденции, итоги и перспективы развития // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 96—105.

УДК 165.02

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,

Московский государственный
технический университет им. Н. Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 119602,
г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корпус 1.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию феномена междисциплинарности в научном познании вообще и особенно в гуманитарных науках. Подводятся итоги ее становления приблизительно с середины XIX в. по настоящее время. Выделяются сильные и слабые стороны различных подходов к пониманию сущности междисциплинарности. Фиксируются отдельные перспективы становления междисциплинарности в гуманитарных науках.

Цель. Осуществить теоретико-методологический анализ междисциплинарности в гуманитарных науках и за их пределами, выявить тенденции ее дальнейшего становления.

Методы. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: моделирование, уровневый подход, структурно-функциональный, системный и сравнительный анализ, идеализация.

Научная новизна исследования. Введено понятие «уровень междисциплинарности». Выделен ряд таких уровней: дисциплинарный, трансдисциплинарный, проблемный, объектный. Отмечен эвристический потенциал и пределы каждого из уровней.

Результаты. Междисциплинарность интерпретирована в работе как ряд взаимодействующих между собой уровней. Причину такой ситуации следует искать в том, что каждый уровень имеет определенный специфический «центр», вокруг которого происходит его интеграция. На дисциплинарном осуществляется объединение ряда наук, на трансдисциплинарном — передача универсальной модели познания в конкретные науки, на проблемном — объединение наук, необходимых именно для решения некоторой задачи, на объектном — синтез наук, диктуемый познанием данного объекта.

Выводы. Междисциплинарность — динамично развивающийся феномен научного познания. Установлено, что каждый из рассмотренных в работе уровней не самодостаточен, влияет на другие. Показано, что наиболее перспективен в плане усиления эвристического потенциала объектный уровень междисциплинарности, который начал формироваться лишь в конце XX в. Любой уровень междисциплинарности нуждается в постоянной теоретико-методологической разработке, совершенствовании.

Ключевые понятия:

междисциплинарность,
уровни междисциплинарности,
гуманитарные науки,
перспективы междисциплинарности.

Введение

Междисциплинарность — явление для научного познания достаточно «молодое», ярко обозначившееся в XX в. До этого в XIX в. и ранее доминировали иные процессы: дифференциации наук, четкой фиксации их предметных областей, объединения преимущественно в две группы (естественные и гуманитарные). Они нацеливались либо на противостояние друг другу (неокантианцы В. Виндельбанд, Г. Риккерт), либо на «поглощение» первых вторыми как более «точными» (позитивизм О. Конта и др.). Практиковалось создание аналогов естествознания в гуманитарных дисциплинах (проект «социальной физики» [5], ставшей основой для формирования социологии, в которой О. Конт видел «истинную неделимую систему», относящуюся «всецело к человечеству», берущую начало в математике, астрономии, физике, химии, биологии [6, с. 234]).

Хотя объективно во второй половине XIX в. процесс формирования междисциплинарных исследований уже начался. В частности, Ф. Энгельс утверждал, что физики и химики «заявляют о своей некомпетентности в *месте соприкосновения* (курсив мой — В. Н.) науки о молекулах и науки об атомах, между тем как именно здесь *надо ожидать наибольших результатов* (курсив Ф. Энгельса)» [28, с. 255]. Кроме того, «ко второй половине XIX в.» относят формирование «исторической психологии» [27, с. 15], а в его последнее десятилетие появляется классический психоанализ З. Фрейда.

Однако подобные подходы (в рамках классической науки) оставались достаточно не совершенными в теоретическом плане, их создатели действовали «на ощупь», порой не имея ни методологического аппарата для реализации своей программы в жизнь, ни поддержки большинства ученых, среди которых господствовало преимущественно бинарное мировоззрение, противопоставлявшее естественные и гуманитарные науки.

В XX в. главным образом благодаря утверждению неклассической науки междисциплинарность начинает играть значительную роль. Некоторые специалисты даже отводят ей доминирующее место в научном познании наступившего столетия: «В конце нашего века (XX — В. Н.) междисциплинарный синтез стал не игрой ума, а насущной необходимостью. К сожалению, “физики” и “лирики” по отдельности не выдержали экзамена в XX веке. В следующем веке его

придется сдавать вместе» [4, с. 11, 12]. Однако для сдачи «экзамена» требуется как-то обобщить, систематизировать накопленный материал, зафиксировав его в соответствующих «билетах». Пока же существует преимущественно разнообразие подходов по данному вопросу.

Отсюда более чем столетие становления междисциплинарности в гуманитарном познании и за его пределами позволяет подвести некоторые итоги ее формирования, увидеть определенные перспективы подобных исследований.

Сущность и уровни междисциплинарности

Междисциплинарность (МД) — процесс интеграции ряда (двух и более) наук, сопровождающийся диффузией (перетеканием) и объединением различных существующих в каждой из них подходов, теорий, методов анализа. Результат подобного синтеза — появление новой, концептуально оформленной (имеющей определенное название), области знания, которую некоторые специалисты именуют «междисциплинарной областью знания» (МОЗ) [11, с. 9—10]. (Хотя МОЗ называют и другими «именами» — «междисциплинарная область исследований», «гибридная дисциплина» [15, с. 5, 174] и пока единства ученых относительно терминологии здесь нет, но в качестве рабочего варианта примем термин «МОЗ» как базовый).

Каждой такой «новой науке» (МОЗ) придется, на мой взгляд, решать ряд задач: 1) зафиксировать и описать свой предмет; 2) выделить базовые положения, которые, став моделью, можно распространять в «объединяемые науки» и за их пределы; 3) сформировать специфический «язык», категориальный аппарат; 4) постоянно расширять группу ученых, работающих в данной области; 5) обладать способностью «порождать «массу других, более частных исследований» [18, с. 111].

Однако МД неоднородна, дифференцирована. Отсюда целесообразно ввести понятие «уровень МД». Это — единица вертикальной структуры междисциплинарного знания, фиксирующая степень его общности и границы распространенности в научном познании.

Междисциплинарность начала развиваться первоначально в рамках конкретных наук. Следовательно, речь идет о ее **дисциплинарном уровне**. Здесь можно отметить два ее вида. Внутрисферная — предполагает объединение наук из одной сферы знания

(гуманитарного или естественного). В итоге появляются химическая физика, физическая химия, историческая психология, психолингвистика и т. д. Таким путем не только «размываются» традиционные границы наук, но складываются кардинально новые представления об объекте, интегрирующем данные «из многих других дисциплин. Например, социолог теперь не может помыслить общество, не обращаясь к культурологии и теории коммуникации» [17, с. 46].

Межсферная — отражает интеграцию наук из различных сфер познавательного цикла. Так, следствием объединения естественных и гуманитарных наук стали такие МОЗ, как социобиология, биополитика и т. д.

Другой уровень междисциплинарности, на мой взгляд, называется **«трансдисциплинарный»**. Здесь возникает отрасль знания, которая экстраполирует свои познавательные модели в естественные, гуманитарные, технические и т. п. науки в целом, любую конкретную область знания (от биологии до истории). Так, системный подход распространен, междисциплинарен, востребован различными науками, ибо дает им универсальную модель «системы», а синергетика — «точки бифуркации». Причем, системный подход некоторые специалисты называют высшей формой междисциплинарных исследований [18, с. 112].

У междисциплинарности, на мой взгляд, имеет смысл выделить еще один: **проблемный** уровень. Здесь точкой притяжения (интеграции) усилий различных наук становится определенная практическая проблема, т. е. объективно сложившаяся ситуация, ставящая вопросы, которые требуют ответов, решения. Как отмечает Ю. В. Сачков, «междисциплинарность проявляет себя прежде всего в ходе исследования комплексных проблем науки, т. е. проблем, которые для своего анализа и решения требуют привлечения идей и методов весьма многих отдельных наук или научных дисциплин» [18, с. 111]. Именно таким образом работали представители Римского клуба при создании своих знаменитых «докладов», на данной основе появилась наука «глобалистика».

Следующий уровень междисциплинарности целесообразно именовать **«объектным»**. Здесь МОЗ порождают уже не отдельные объединяющиеся науки и их предметное поле, не универсальные модели и проблемы, а конкретный предмет (объект), познаваемый специалистами. Получается, что изучаемый объект как бы первичен, задает определенную междисциплинарную область знания, фиксирует

науки, которые должны быть привлечены для его изучения, которые выступают как бы вторичными, производными от него. Сторонник такой точки зрения А. П. Неугодинов уверен, что «социально-гуманитарное знание *теперь* (курсив мой — В. Н.) классифицируется по институтам, социальным общностям, структурам» [11, с. 23], даже временным периодам. Отсюда в качестве примера им приводятся такие МОЗ, как пропетология (порождена социальным институтом — собственностью), кратология (вырастает из комплексного изучения власти), религиоведение (религия), семьеведение (семья), науковедение (наука), футурология (изучение будущего) и т. д. [11, с. 23—24].

Выделение столь разнообразных видов (уровней) междисциплинарного знания требует, по мнению автора, рассмотреть каждый из них в отдельности, выявив соответствующие достижения, недостатки, перспективы каждого уровня.

Разумеется, читателю следует помнить: в чистом виде в конкретном исследовании данные уровни МД не видны, их приходится реконструировать как определенные идеально-типические конструкции. Кроме того, автор не ставит задачу дать исчерпывающее описание теоретико-методологического содержания каждого уровня МД, а только показать их наличие (присутствие) в научном познании вообще и гуманитарном — в частности.

Дисциплинарный уровень междисциплинарности

Появление внутрисферной МД выглядит достаточно логичным. Есть науки, которые тесно взаимодействуют друг с другом при изучении какого-либо предмета, а потому тяготеют к интеграции. Так, в гуманитарных науках интересный пример внутрисферной МД дает историческая психология. Она возникает в рамках синтеза двух наук: истории и психологии. Обе из них изучают человека, общество, тексты, в которых их жизнь отражается. Первая ориентирована на познание прошлого людей и коллективов, вторая — прошлого и настоящего данных объектов. Отсюда синтез истории и психологии становится полезным для всех. Появляется МОЗ, ученые, работающие в ней, соответствующие концепции. Единство обеих наук в рамках исторической психологии достигается путем решения общих задач: 1) методических (интерпретация текстов и реконструкция психолого-культурных механизмов, порождающих эти тексты); 2) теоретико-

языковых (попытка объединить концептуальные аппараты истории и психологии «в единый язык описания человеческой жизни прошлого»); 3) предметно-эпистемологические (историческая психология отталкивается от «практики иллюстрирования готовых психологических положений историческими примерами») [27, с. 47]. И хотя процесс формирования исторической психологии не закончен (ибо даже В. А. Шкуратов называет ее «область взаимодействия исторической и психологической наук» [27, с. 15]), но он демонстрирует позитивную динамику.

Межсферная МД достаточно сложна, ибо предполагает интеграцию наук, относящихся к естествознанию и гуманитарным дисциплинам. (Хотя для некоторых специалистов в подобную классификацию обязательно добавляются математика и технические науки [8, с. 29], но в данной работе автор для упрощения картины исходит из бинарной классификации главных типов научного знания). Рассмотрим межсферную МД на примере попыток синтеза социальных наук и биологии.

Конечно, отдельные случаи интервенции биологии в сферу гуманитарных наук имели место еще в XIX в. Здесь появилась модель «социального организма», использовавшаяся при изучении общества [12]. Интеграция же социальных и биологических наук начинается в 1960-е гг. Первой «ласточкой» на этом пути стала биополитика (1964 г.), затем — социобиология (1975 г.). Может показаться, что такая кооперация несет только позитивные плоды: «биологические знания оказываются востребованными» этикой, лингвистикой, эстетикой, историей, экономикой и т. д., а биология «приобретает статус не только естественнонаучной, но и социогуманитарной дисциплины» [15, с. 5]. На основе союза генетиков, этологов, экологов и гуманитариев социобиология выявляет общие принципы, отражающие «биологические свойства целых социальных систем» [15, с. 174]. Не меньше перспектив есть и у биополитики.

Однако вопрос «кто главный?» при интеграции столь разноплановых наук резко встает и здесь. А. В. Олескин начинает работу с тезиса: «XXI веку, вероятно, предстоит быть “веком биологии”» [15, с. 5]. Что можно получить в ответ на него? Не менее категоричное заявление К. Леви-Стросса: «XXI век будет веком гуманитарных наук, или его не будет» [Цит. по: 2, с. 5]. После чего МД, скорее всего, станет развиваться только одной группой специалистов, признающих гегемонию «своей» науки.

Конечно, есть попытки иного подхода к интеграции социальных и биологических наук, проявившиеся при исследовании феномена агрессии у К. Лоренца. Последняя определяется им как инстинкт борьбы, направленный «против собратьев по виду у животных и человека» [9, с. 5]. Значит, констатируется общность социальных и биологических систем, на которой настаивают биополитики и социобиологи, некоторых закономерностей их функционирования [9, с. 16]. Но затем К. Лоренц указывает и на фундаментальное отличие агрессии в природе и обществе: в первой она ограничена естественными орудиями убийства (зубами, клыками и т. д.), во втором — ничем (ибо искусственное орудие, от охотничьего ружья, а до ядерной ракеты, сводит к минимуму физические усилия убивающего по отношению к жертве) [9, с. 18—19]. Подобный, продемонстрированный К. Лоренцем, поэтапный подход к интеграции биологии и гуманитарного знания (с признанием их равноправия и взаимной дополнительности) нуждается в дальнейшем теоретическом обобщении с целью формирования нового представления о МД на дисциплинарном уровне.

Констатируем: важной трудностью для дисциплинарного уровня МД выступает дифференциация интегрируемых наук. Подчас представители одной из них стремятся сделать именно свои «представления» о предмете, методологии и т. д. нового направления главными в ущерб иным объединяющимся наукам. На наш взгляд, именно эта причина (попытка позитивистов поставить естествознание выше гуманитарных наук) не позволила до конца сформироваться социальной физике XIX в. как полноценному междисциплинарному направлению познания. На подобные «грабли» наступают некоторые нынешние «интеграторы» биологии и социальных наук. Отсюда на дисциплинарном уровне МД требуется поиск баланса при «межсферном» объединении наук.

Каков итог становления дисциплинарного уровня МД? Происходит объединение существующих наук в качественно новую дисциплину (не сводимую к исходным «слагаемым»), предполагающее создание нового предмета, специфического категориального аппарата, приращение знания в теоретической и практической плоскости. Самый же главный позитивный момент такой интеграции состоит в преодолении узких «рамочных» конкретных наук.

Трансдисциплинарный уровень междисциплинарности

Формирование данного уровня МД шло сложным путем. По мнению автора, психоанализ З. Фрейда — первая попытка трансдисциплинарности. Возник на стыке психологии (точнее — патопсихологии), отчасти биологии, истории, социологии, религиоведения и т. д. Давал модель структуры психики и роли в ней бессознательного. В последней имелось три элемента: «Оно» (бессознательное), «Я» (подсознание), «Сверх-Я» (сознание). Различные (преимущественно сексуального характера) желания проникали из бессознательного («обманываемая» специфическими путями подсознание) в сознание человека, создавая у него особые психические болезни (неврозы). Причем, создатель психоанализа склонялся к отождествлению с бессознательным и подсознания, и сознания: «Психические процессы сами по себе бессознательны» [23, с. 11]. Сознание же играло довольно «репрессивную» роль подавления приходящих из бессознательного желаний. «Бесконечно многие культурные люди не отказывают себе в удовлетворении своей алчности, агрессивности, сексуальных страстей» [24, с. 101].

Данная схема была экстраполирована З. Фрейдом с индивидуальной психики на общество в целом, где сознание «расширилось» до пределов «культуры», подавляющей «первородные» инстинкты отдельных людей. Впоследствии сторонники психоанализа в лице К. Г. Юнга и особенно Э. Фромма ушли от редукции сознания и подсознания к бессознательному, да и от сведения последнего к сексуальным мотивам. Первый говорил в пику З. Фрейду о «коллективном бессознательном», порожденным обществом и имеющим собственные формы проявления («архетипы»). Хотя и признавал, в соответствии с моделью З. Фрейда, что «сознание — эфемерное явление, осуществляющее все сиюминутные ориентации Бессознательное содержит источник сил, приводящих душу в движение» [29, с. 132]. Второй — о «здоровом» и «больном» обществе. Вместе с тем тяга к синтезу различных наук для изучения психики у последователей З. Фрейда осталась: К. Г. Юнг пытался соединить психоанализ с социологией, а Э. Фромм — еще и с религией (буддизмом), не считая марксизма. В целом психоанализ как специфическое учение (а не форма терапии) не выходил за пределы гуманитарных наук. З. Фрейд не удержался от редукции к

базовому понятию остальных составляющих психики. Он пытался экстраполировать базовую модель бессознательного с индивидуальной психики на коллектив (см. работу «Будущее одной иллюзии»), в социологию, религиоведение, культурологию, философию и т. д. Поэтому от модели познания З. Фрейда, являвшейся крайне категоричной, носившей существенную «печать» классической науки, полностью или частично отошли многие психоаналитики. Вместе с тем «первый блин» трансдисциплинарности оказался полезным, появился опыт подобного вида МД, проложивший «дорогу» системному подходу и синергетике.

Системный подход (системный анализ) формировался уже полностью в XX в., испытывая влияние преимущественно неклассической науки. Поэтому в его рамках сформировалась иная междисциплинарная модель познания, ретранслируемая в различные науки. В ее основе лежало понятие «системы» как целого, обладающего свойствами, отсутствующими у ее частей. Система дифференцирована. Она включает составные элементы (подсистемы), но не сводима к ним. Так, автомобиль состоит из трех главных элементов (кузов, двигатель, шасси), первые два из которых не могут самостоятельно ездить вообще. Но, будучи определенным образом объединены в систему, дают качественно новое свойство — возможность перемещаться на значительные расстояния. Похожую схему наблюдаем и с обществом, которое состоит из людей, но каждый из них в одиночку не может создать комплексные продукты деятельности (науку, религию, культуру и т. д.). Системы можно встретить в природном (физическом, биологическом) и социальном мирах, а потому их, в представлении сторонников данного подхода, должны изучать все науки, независимо от их принадлежности к гуманитарным дисциплинам или естествознанию. Они универсальны. Поскольку, как отмечал основатель данного подхода Л. Берталанти, «системы повсюду!», то и любые «социальные явления должны рассматриваться как “системы”» [19, с. 33]. Далее системная модель перед ее экстраполяцией в научное познание делала еще одно допущение: «системное рассмотрение мироздания позволяет представить каждую систему как подсистему системы более высокого уровня» [26, с. 16].

Однако минусом системной трансдисциплинарной теоретической конструкции была, как и у психоанализа, полная редукция объектов окружающего мира к базовой категории. В итоге, как и в случае бессозна-

тельного, категория «система» становилась поистине безграничной.

Трансдисциплинарная модель синергетики тоже формировалась в XX в. (от Г. Хакена до И. Пригожина и его последователей на Западе и в России), использовалась в естественных и гуманитарных науках. Синергетика базируется на системном подходе, но главное ее содержание кроется во взаимодействии определенных типов систем. В них спонтанно, через процесс самоорганизации, формируется следующая логика становления. Развитие систем — переход от хаоса к порядку, от систем неравновесных (где по начальным данным в принципе нельзя предвидеть дальнейшего состояния становления объекта) к равновесным (устойчивым). В такой ситуации возникает особое переходное состояние: «точка бифуркации». Здесь «состояние системы теряет стабильность и может развиваться в сторону многих различных режимов функционирования» [16, с. 11]. В данной «точке» находятся альтернативные (не менее двух) варианты становления системы. Один из них (под влиянием случайного фактора) реализуется на практике. Это обстоятельство делает эволюцию неравновесной системы принципиально непредсказуемой. «В этих точках самое полное знание не даст нам возможность вычислить то, что произойдет» [16, с. 11].

В синергетической модели познания ее универсализм достигается через фиксацию того, что становление любых систем идет от Хаоса (неравновесия) к Порядку (равновесию) через точку бифуркации, затем этот Порядок переходит в Хаос и цикл возобновляется. Причем происходит данный процесс спонтанно. Такая схема крайне полезна представителям как естественных, так и гуманитарных наук, ибо дает простое, доступное объяснение сложным явлениям, ситуациям. Поэтому, например, в историческом познании активно используют вместо «точки бифуркации» более адекватные для гуманитариев понятия: «критическая точка истории», «узловая точка истории», «историческая развилка», «точка полифуркации» и т. п. Выбор «ветви бифуркационной диаграммы» относительно истории «соответствует возрастанию роли отдельных личностей», влияющих «с помощью малых воздействий» [4, с. 107].

Однако генезис становления объекта «хаос—точка бифуркации — порядок — новый хаос», свойственный для синергетической модели познания в целом, здесь сохраняется. Причем, категория «хаос», как и понятия «бессознательное» и «система»,

тоже абсолютизируется, порой мистифицируется. Как утверждал Э. Ласло, «глобальный век человечества, как и все века до него, будет рождаться в *плодоносном чреве хаоса* (курсив мой — В. Н.)» [7, с. 62].

С синергетикой связана важная проблема для трансдисциплинарного уровня МД: апробации категориального аппарата, положений исходной модели, появившейся в одном типе научного знания (в данном случае — квантовой физике) для иных, гуманитарных наук, ее определенном упрощении для большей доступности исследователям. Отсюда наряду с синергетикой вообще, связанной с естествознанием, появляется ее гуманитарный аналог: «социосинергетика», преодолевающий трудности «трансдисциплинарного перевода».

Итог развития МД на трансдисциплинарном уровне сводится к выработке универсальной модели познания (психики с доминированием «бессознательного» у З. Фрейда, «точки бифуркации» — в синергетике, «системы» — в системном анализе и т. д.), которая затем экстраполируется как в конкретные частные науки одной предметной области (естественные, гуманитарные или иные), так и комплексно, в оба типа научного знания.

Проблемный уровень междисциплинарности

Данный уровень МД начинается с проблемы. Рассмотрим конкретный пример, на котором станет явным генезис указанного уровня. В 1960-е гг. человечество столкнулось с рядом проблем, требующих совместных усилий различных государств: от предотвращения ядерной войны и поиска способов улучшения экологической обстановки до резкого роста населения в одних странах и демографического спада в других, преодоления разрыва в экономических уровнях развития между богатыми и бедными странами в мировом масштабе и многими другими. Существование столь многочисленных «вызовов» потребовало «ответа», т. е. выработки вариантов решения глобальных проблем [см. 13]. Последние не могли быть взяты из прошлого опыта, «разрешены исторически сложившимися путями — миграцией, экспансией, экономическим ростом, технологическими преобразованиями» [22, с. 18—19]. Требовался качественный скачок в сфере управления и социальной организации.

Сложившаяся ситуация стимулировала как интеграцию ученых (в 1968 г. благодаря

усилиям А. Печчеи появилась объединявшая их неправительственная организация «Римский клуб»), так и наук: математики, демографии, истории, социологии, экономики, географии, климатологии, биологии и многих иных. Выражением последней тенденции стало появление глобалистики — дисциплины, интегрирующей частные науки для поиска вариантов решения глобальных проблем (а позднее — изучения глобализации). Что давало подобное объединение, МД? Формировались (как и на трансдисциплинарном уровне) модели, описывавшие историю, современное состояние, дававшие прогноз и предлагавшие вариант решения глобальной проблемы. В основе каждой модели лежал учет ограниченного количества факторов. Так, создатели доклада Римскому клубу «Пределы роста» Донелла и Деннис Мидоузы и их коллеги опирались на следующие параметры: рост народонаселения, промышленного капитала, производства продуктов питания, потребления ресурсов, уровня загрязнения окружающей среды. «Чтобы следить за развитием этих взаимосвязанных процессов и прогнозировать ход их развития на ближайшее будущее, нами была создана специальная компьютерная модель мира World 3» [10, с. 575]. Модели (World 1 и World 2), базирующиеся на иных факторах (население, капиталовложения, географическое пространство, природные ресурсы, загрязнение и производство продуктов питания) и их сочетании, ранее построил коллектив под руководством Дж. Форрестера [22, с. 22].

В итоге на данном уровне МД, как показал опыт Римского клуба и глобалистики, именно проблема интегрирует и ученых, и комплекс различных наук (естественных, гуманитарных) для поиска своего решения. Здесь, как и на трансдисциплинарном уровне, создаются модели, но имеющие большую практическую направленность, чем на предшествующих уровнях. Познавательная модель на данном уровне МД включает следующие элементы: 1) история (этапы становления) проблемы (прошлое); 2) современное состояние (настоящее); 3) перспективы (будущее, акцентирующее прогностический аспект проблемы); 4) варианты (способы) решения. Указанная теоретическая конструкция проявляется и за пределами глобалистики и Римского клуба, но выглядит в этом случае наиболее заметной.

Вместе с тем обилие моделей ставит вопрос об их иерархии, согласованности между собой. Таков существенный изъян проблемного уровня МД. Кроме того, здесь требуется разработка универсальной методологии.

Объектный уровень междисциплинарности

Появление объектного уровня МД выглядит логично эмпирически. Гуманитарные науки изучают разнообразные объекты: собственность, власть, семью, женщин и мужчин, города, будущее отдельных людей (коллективов) и другие. Для познания каждого из них можно привлечь ряд наук. Отсюда появление пропетологии, кратологии, семьеведения, урбанистики, футурологии закономерно. В гносеологическом плане объектный уровень служит выражением тенденции к дифференциации научного знания, проявляющегося и среди гуманитарных дисциплин. Конечно, можно занять негативную позицию по отношению к данному процессу: «Нам следует дать отпор “разгораживанию” комплексного предмета истории на историю экономики, историю религии, историю женщин» [21, с. 171]. Если же перейти на иную точку зрения и вместо «отпора» дать «дорогу» конкретному объекту, то придем к МОЗ или МД направлению исследований не только в рамках исторической науки.

Однако при таком подходе без ответа остается вопрос: любой ли «институт, социальная общность, структура» [11, с. 23] могут «породить» свое направление междисциплинарного познания или нет? Каковы критерии выделения именно «междисциплинарно-порождающих» объектов? На него на объектном уровне МД пока нет ответа.

Объектный уровень МД — один из наиболее «молодых» и даже предварительные итоги его формирования подводить еще рано. Важно, что здесь формируется «объектоцентричная» модель познания. Науки, универсальные модели познания (пришедшие из системного анализа, синергетики и т. д.), проблемы становятся при таком подходе вторичными. Объект задает не только «список» привлекаемых для его изучения наук, но и категориальный аппарат его анализа, потребную для этого методологию.

Заключение

Каковы перспективы междисциплинарности в научном познании вообще и гуманитарном в частности? Отметим ряд тенденций.

1. Имеет место переход с уровня абстрактного к конкретному. МД идет от интеграции наук через проблемы к объектам. Если рассматривать уровни МД как своеобразную познавательную систему, то в ней

прослеживается следующая тенденция: их все большей конкретизации. Дисциплинарный уровень, где объединяются отдельные науки, выглядит, на мой взгляд, наиболее абстрактным. Трансдисциплинарный, экстраполирующий определенную модель познания (точки бифуркации, системы и т. п.), более конкретен. Проблемный и объектный уровни максимально приближены к реальности, практике. Соответственно, уровни МД, рассмотренные в единстве, выступают (в вертикальном срезе) специфическим способом движения от абстрактного к конкретному.

2. В работе рассмотрена МД, ее уровни на вертикальном срезе. Между тем уровни МД, их содержание, методы проникают друг в друга, взаимодействуют, т. е. существует и горизонтальный срез МД, затронутый в работе лишь частично, а потому требующий отдельного изучения.

3. Трансдисциплинарный уровень изучен на базе трех примеров — психоанализа, системного анализа, синергетики. В реальности сюда входит кибернетика (берущая, по мнению некоторых специалистов, на себя функции так и не сформировавшейся в XIX—XX вв. в полноценную МОЗ «социальной физики» [3, с. 108]), а в рамках социального познания — миросистемный анализ. Один из его основателей И. Валлерстайн прямо говорит, что последний «не признает за всеми этими дисциплинами» (историей, политологией, экономикой, социологией) «права на интеллектуальное существование». Почему? Оказывается, «миросистемный анализ выработал свой собственный единойдисциплинарный подход» [1, с. 90], т. е. сформировал свою универсальную модель познания, готовую для экстраполяции в частные гуманитарные науки. Отсюда трансдисциплинарный уровень МД целесообразно продолжить изучать на примере иных МОЗ, возникающих на его основе.

4. На объектном уровне МД протекает интересный процесс. Сначала для формирования МОЗ заимствуются разделы из иных наук (и даже за их пределами). Так, кратология, по версии В. Ф. Халипова, включала «представления о власти в таких отраслях знания, как аксиология, акмеология, морфология и даже мифология» [25, с. 236]. Первая представляет философию, вторая — психологию, третья — грамматику и биологию, четвертая — одну из первых форм общественного сознания. Если бы кратологию создавал Н. В. Стариков, то ему достаточно было бы двух наук и философии, ибо он го-

ворит о *физике, химии, метафизике* власти [20, с. 245—249]. Примеры можно продолжить. По мнению автора, здесь видна следующая перспектива: рано или поздно на объектом уровне МД начнется переход от формирования МОЗ путем «перебора» различных разделов иных наук к поиску именно тех составных частей, которые лучше отвечают изучению именно данного объекта и создания специфических разделов, порожденных только указанным объектом.

5. Существуют направления МД познания, которые интегрируют дисциплинарный, трансдисциплинарный, проблемный, объектный уровни. Например, это, по мнению автора, КФМ (контрфактическое моделирование) прошлого. В КФМ работают в связке объект (альтернативы прошлого) — проблема (как их раскрывать?), привлекаются для решения познавательных задач как частные науки, так и синергетика, системный подход [14]. Данный опыт говорит о существующей тенденции к объединению уровней МД.

6. Каждый уровень МД находится в разной стадии становления. Дисциплинарный «работает» минимум со второй половины XIX в., трансдисциплинарный и проблемный — примерно с середины XX в., объектный — с конца XX в. и по настоящее время. Поэтому каждый уровень МД накопил свой определенный «багаж» достижений и ограничений, возможностей и пределов в теории и на практике. В перспективе же они, на мой взгляд, потребуют и совместного, кооперационного, «горизонтального» развития.

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М. : УРСС : Ленанд, 2018. 304 с.

2. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов С. А. Западная теоретическая социология. М. : Ольга, 1996. 288 с.

3. Жданов Г. Б. Физика и общество // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 105—112.

4. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М. : Наука, 1997. 285 с.

5. Кетле А. Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1911. 333 с.

6. Конт О. Дух позитивной философии (слово о положительном мышлении). Ростов н/Д. : Феникс, 2003. 256 с.

7. Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7. С. 3—125.

8. Лебедев С. А. Философия науки : терминология. М. : Академ. проект, 2011. 269 с.

9. Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 5—22.

10. Мидоуз Д., Мидоуз Д., Рандерс Й. За пределами допустимого, глобальная катастрофа или стабильное будущее // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. М. : Академия, 1999. С. 572—595.

11. Неугодников А. П. Собственность как объект междисциплинарного исследования (опыт социально-философской рефлексии) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. : Реглет, 2018. 56 с.

12. Нехамкин В. А., Комиссаров И. И. Модели в гуманитарном познании: сущность, функции, перспективы исследования. Калуга : Калуж. печат. двор, 2018. 236 с.

13. Нехамкин В. А. Основные подходы к решению глобальных проблем: возможности и пределы // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 13—17.

14. Нехамкин В. А. Альтернативы прошлого в философии истории: теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М. : Макс-пресс, 2008. 34 с.

15. Олескин А. В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М. : Изд-во ИФ РАН, 2001. 423 с.

16. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3—19.

17. Розин В. М. Природа социальности: проблемы методологии и онтологии социальных наук. М. : УРСС, 2016. 278 с.

18. Сачков Ю. В. Научный метод. Вопросы и развитие. М. : Едиториал УРСС, 2003. 160 с.

19. Системные исследования : ежегодник. 1969. М. : Наука, 1969. 202 с.

20. Стариков Н. В. Власть. СПб. : Питер, 2016. 320 с.

21. Стоун Л. Будущее истории // THESIS. 1994. № 4. С. 158—174.

22. Форрестер Д. Мировая динамика. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. 379 с.

23. Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции. М. : Наука, 1989. 456 с.

24. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1990. С. 94—142.

25. Халипов В. Ф. Кратология как система наук о власти. М. : Республика, 1999. 303 с.

26. Хомяков Д. М., Хомяков П. М. Основы системного анализа. М. : Изд-во МГУ, 1996. 108 с.

27. Шкуратов В. А. Историческая психология. Ростов н/Д. : Город N, 1994. 288 с.

28. Энгельс Ф. Диалектика природы. М. : Политиздат, 1987. 349 с.

29. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М. : Прогресс, 1994. 336 с.

References

1. Vallerstajin I. (2018) Mirossystemnyj analiz. Vvedenie. Moscow, URSS Publ., Lenand Publ., 304 p. [in Rus].

2. Gromov I.A., Mackevich A.Yu., Semenov S.A. (1996) Zapadnaya teoreticheskaya sociologiya. Moscow, Ol'ga Publ., 288 p. [in Rus].

3. Zhdanov G.B. (1993) *Voprosy filosofii*, no 8, pp. 105—112. [in Rus].

4. Kapica S.P., Kurdyumov S.P., Malineckij G.G. (1997) Sinergetika i prognozy budushchego. Moscow, Nauka Publ., 285 p. [in Rus].

5. Kettle A. (1911) Social'naya fizika, ili opyt issledovaniya o razvitii chelovecheskih sposobnostej.

Kiev, Tipografiya I.I. Chokolova Publ., 333 p. [in Rus].

6. Kont O. (2003) Duh pozitivnoj filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii). Rostov-na-Donu Publ., Feniks, 256 p. [in Rus].

7. Laslo Je. (1995) *Put'*, 1995, no. 7, pp. 3—125. [in Rus].

8. Lebedev S.A. (2011) *Filosofiya nauki: terminologicheskij slovar'*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 269 p. [in Rus].

9. Lorenc K. (1992) *Voprosy filosofii*, no 3, pp. 5—22 [in Rus].

10. Midouz D., Midouz D., Randers J. (1999) Za predelami dopustimogo, global'naya katastrofa ili stabil'noe budushchee // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Moscow, Akademiya Publ., pp. 572—595 [in Rus].

11. Neugodnikov A.P. (2018) *Sobstvennost' kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya (Opyt social'no-filosofskoj refleksii)*. Moscow, Reglet Publ., 56 p. [in Rus].

12. Nekhamkin V.A., Komissarov I.I. (2018) *Modeli v gumanitarnom poznanii: sushchnost', funkcii, perspektivy issledovaniya*. Kaluga, Kaluzhskij pechatnyj dvor Publ., 236 p. [in Rus].

13. Nekhamkin V.A. (2014) *Socium i vlast'*, no 4 (48), pp. 13—17. [in Rus].

14. Nekhamkin V.A. (2008) *Al'ternativy proshlogo v filosofii istorii: teoretiko-metodologicheskij analiz*. Moscow, Maks-press Publ., 34 p. [in Rus].

15. Oleskin A.V. (2001) *Biopolitika. Politicheskij potencial sovremennoj biologii: filosofskie, politologicheskie i prakticheskie aspekty*. Moscow, Izdatelstvo IF RAN Publ., 423 p. [in Rus].

16. Prigozhin I. (1989) *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 3—19. [in Rus].

17. Rozin V.M. (2016) *Priroda social'nosti: Problemy metodologii i ontologii social'nyh nauk*. Moscow, URSS Publ., 278 p. [in Rus].

18. Sachkov Yu.V. (2003) *Nauchnyj metod. Voprosy i razvitie*. Moscow, Editorial URSS Publ., 160 p. [in Rus].

19. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik. 1969* (1969). Moscow, Nauka Publ., 202 p. [in Rus].

20. Starikov N. V. (2016) *Vlast'*. St. Petersburg, Piter Publ., 320 p. [in Rus].

21. Stoun L. (1994) *THESIS*, no 4, pp. 158—174. [in Rus].

22. Forrester D. (2003) *Mirovaya dinamika*. Moscow, AST Publ.; St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 379 s. [in Rus].

23. Frejd Z. (1989) *Vvedenie v psihoanaliz*. Moscow, Nauka Publ., 456 p. [in Rus].

24. Frejd Z. (1990) *Budushchee odnoj illyuzii // Sumerki bogov*. Moscow, Politizdat Publ., pp. 94—142. [in Rus].

25. Halipov V.F. (1999) *Kratologiya kak sistema nauk o vlasti*. Moscow, Respublika Publ., 303 p. [in Rus].

26. Homyakov D.M., Homyakov P.M. (1996) *Osnovy sistemnogo analiza*. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 108 p. [in Rus].

27. Shkuratov V. A. (1994) *Istoricheskaya psihologiya*. Rostov-na-Donu, Gorod N Publ., 288 p. [in Rus].

28. Engel's F. (1987) *Dialektika prirody*. Moscow, Politizdat, 349 p. [in Rus].

29. Yung K.G. (1994) *Problemy dushi nashego vremeni*. Moscow, Progress Publ., 336 p. [in Rus].

For citing: Nekhamkin V.A.
Interdisciplinarity in modern humanitarian
knowledge: trends, results
and development prospects //
Socium i vlast'. 2019. № 2 (76). P. 96—105.

UDC 165.02

INTERDISCIPLINARITY IN MODERN HUMANITARIAN KNOWLEDGE: TRENDS, RESULTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Valery A. Nekhamkin,

Bauman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
Russian Federation, 119602, Moscow,
ulitsa Nikulinskaya, d. 15, building 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to studying the phenomenon of interdisciplinarity in scientific knowledge in general and particularly in the humanities. The results of its formation are summed up approximately from the middle of the XIX century until now. The author highlights the strengths and weaknesses of various approaches to understanding the essence of interdisciplinarity. Individual perspectives of forming interdisciplinarity in the humanities are recorded.

The aim of the study is to carry out a theoretical and methodological analysis of interdisciplinarity in the humanities and beyond, to identify trends in its further development.

Methods. The author uses the following general scientific methods: modeling, level approach, structural-functional, systemic and comparative analysis, idealization.

Scientific novelty of the study. The author introduces the concept "the level of interdisciplinarity." A number of levels are highlighted, such as disciplinary, transdisciplinary, problem, objective. The heuristic potential and limits of each level are noted.

Results. Interdisciplinarity is interpreted in the work as a series of interacting levels. The reason for this situation should be sought in the fact that each level has a specific "center" around which its integration takes place. On the disciplinary level, a number of sciences are being combined; on a transdisciplinary, the transfer of the universal model of knowledge into concrete sciences; necessary for the solution of some problem, on the objective - the synthesis of sciences, dictated by the knowledge of this object.

Conclusions. Interdisciplinarity is a dynamically developing phenomenon of scientific knowledge. It was established that each of the levels considered in the work is not self-sufficient, influences the others. It is shown that the object level of interdisciplinarity, which began to form only at the end of the twentieth century, is the most promising in terms of strengthening the heuristic potential. Any level of interdisciplinarity requires constant theoretical and methodological development and improvement.

Key concepts:

Interdisciplinarity,
levels of interdisciplinarity,
the humanities,
perspectives of interdisciplinarity.

Для цитирования: Дядык Н. Г. Минимализм как форма философии повседневности // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 106—117.

УДК 128

МИНИМАЛИЗМ КАК ФОРМА ФИЛОСОФИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Дядык Наталья Геннадьевна,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
старший преподаватель,
кандидат философских наук.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 69.
E-mail: djadykng@cspu.ru

Аннотация

Статья посвящена философскому анализу минимализма как формы философии повседневности. Автор рассматривает философско-мировоззренческие идеи, лежащие в основе минимализма как образа жизни, анализирует минимализм в контексте проблем общества потребления, соотношения философского образа жизни, повседневности и философского дискурса. В статье рассматриваются основные принципы минимализма как формы философии повседневности, содержащие апелляции к восточному философскому дискурсу: упрощение своих жизненных потребностей, принцип у-вэй, избавление от иллюзии контроля и жесткого планирования. Минимализм рассматривается как форма «заботы о себе» и форма духовной практики современного человека.

Ключевые понятия:
общество потребления,
консюмеризм,
минимализм,
у-вэй,
философия повседневности.

Мы живем в эпоху потребительства. Повседневное бытие современного человека наполнено ненужными вещами, обязанностями, мыслями, создающими дополнительное бремя и не дающими ему возможности подумать о своем подлинном «я».

«Цивилизация мусорной корзины», «эра супермаркета, торгового комплекса и рекламного образа» — так французский философ-постмодернист Ж. Бодрийяр оценивает время, в которое мы живем [4, с. 6]. По Э. Тоффлеру, современную культуру можно охарактеризовать как одноразовую: «Дом похож на большую перерабатывающую машину, в которую предметы стекаются, затем потребляются и исчезают со все большей скоростью» [16, с. 62].

Проблема чрезмерного потребительства и вытекающие из нее социальные и духовные следствия являются актуальными не только для запада, но и для России, которая после перехода к рыночной экономике унаследовала потребительство со всеми вытекающими из него проблемами. На социальном уровне общество потребления порождает такие проблемы, как психологическую зависимость от покупок (ониомания), прогрессирующее ухудшение экологической обстановки, перепроизводство, истощение природных ресурсов и социальное неравенство. На духовном плане общество потребления порождает — кризис идентификации: в погоне за материальным сегодняшний человек теряет из виду самого себя. Увлеченный накоплением вещей и удовольствий, он все дальше уходит от точки, где он сам является своим первым предикатом.

Как реакция на бездумное потребительство в философии повседневности возникает антипотребительство. Под антипотребительством мы понимаем противопоставляемую потребительству идеологию, отрицающую приравнивание уровня личного счастья к уровню потребления материальных благ. Антипотребительство проявляет себя во множестве социально-идеологических течениях, таких как дауншифтинг, «Медленная жизнь», опрощение, минимализм как образ жизни. С философской точки зрения наиболее интересен феномен минимализма как образа жизни, который является современным вариантом философского вопрошания, как жить правильно, в обыденном сознании, поэтому минимализм как образ жизни можно рассматривать как вид философии повседневности, чему и посвящена данная статья.

Минимализм (от лат. *minimus* — наименьший), изначально возникший как

стиль в дизайне и искусстве, для которого свойственна лаконичность художественно-выразительных средств, простота, точность и ясность композиции, сегодня превращается в образ жизни, характеризующийся простотой в быту, умеренностью, неприязнностью к материальным благам, попыткой выйти из общества потребления и обратиться к внутренним аспектам своего личностного бытия, что позволяет судить о минимализме как форме философии повседневности.

Под философией повседневности мы вслед за Б. Вальденфельсом понимаем область философии, изучающую проблемы повседневного человеческого существования в мире: того, как люди мыслят в обыденной жизни, какие ценности они выбирают, повседневную речь и поведение человека [5]. В современной философии повседневности все чаще становится объектом исследования философов: философия жизни, феноменология, философия постмодернизма реабилитирует концепт «повседневность» для философского мышления, сама повседневность такова, что заставляет нас философствовать. Философия повседневности во многом обращена к экзистенциальным проблемам человека, то есть проблемам человеческого существования, связанным с переживанием человеком своего бытия в мире: проблеме смысла жизни, идентификации, свободы и ответственности, смерти.

Минимализм как образ жизни является формой философской практики, в основе его находится идея о том, как жить правильно. Мышление о том, как правильно жить, в современной философии реабилитирует М. Фуко в концепте «заботы о себе». «Забота о себе» или *epimeleia*, по М. Фуко, является изначальным понятием философии, возникшим в античной философии и связанным с личностью Сократа, философия которого является ни чем иным, как призывом заботиться о себе, то есть заботиться, прежде всего, о своем духовном саморазвитии, о вечном в себе — душе, а не о бренном теле. «Забота о себе» — это действия, направленные на очищение, преобразование и трансформацию своего сознания [18, с. 22]. К «заботе о себе» относится целый ряд техник и упражнений — это, например, техники медитации, техники «обращения с прошлым, техники досмотра сознания» [Там же]. «Забота о себе» означает также и изменение образа жизни, практикование философского образа жизни, воспитание в себе способности к философствованию путем

ежедневных упражнений, непривязанность к материальным благам. Из непривязанности к материальному вытекает минимализм как образ жизни, который становится способом проявления «заботы о себе» в повседневном дискурсе.

Когда человек начинает структурировать свое внешнее бытие (пространство, в котором он живет), избавляясь от ненужного, он тем самым структурирует свое внутреннее бытие, перенося фокус своего внимания от установки «иметь» на установку «быть», тем самым выходя из-под обезличивающего влияния общества потребления. Минимализм как форма «заботы о себе» помогает преобразовать свое сознание и устремиться к подлинным аспектам своего бытия: смыслу жизни, любви и отношениям с окружающими, творчеству и созиданию, свободе, в том числе и свободе от вещей.

Минимализм как форма философии повседневности применим во многих аспектах нашего повседневного бытия: минимализм в вещах, минимализм в делах, минимализм в питании и здоровье, информационный минимализм, минимализм в общении. Можно говорить, что минимализм как образ жизни становится все более популярным в обыденном сознании. О тренде на минимализм в современной массовой культуре свидетельствуют следующие факты: 1) тенденция к осознанному потреблению (фильм «Минимализм: документальный фильм о важных вещах» (реж. Matt D'Avella, 2015); проект «Нулевое влияние» Колина Бивена (2009)); 2) мода на шведский образ жизни — лагом, который представляет собой философию умеренности, осознанного потребительства и баланса во всех сферах жизни, и является по сути разновидностью минимализма; 3) японский минимализм в вещах и интерьере (бестселлер Мари Кондо «Магическая уборка. Японское искусство наведения порядка дома и в жизни»; 4) интерес к минимализму и связанной с ним теме «расхламление» в интернет-пространстве; 5) движение «Медленная жизнь», которое, по сути, пропагандирует минимализм в делах и информационный минимализм; 6) связанный с минимализмом феномен дауншифтинг (англ. downshifting, переключение автомобиля на более низкую передачу, а также замедление или ослабление какого-либо процесса) — термин, обозначающий человеческую философию «жизни ради себя», отказа от общепринятых стереотипов, родственными ему понятиями являются «simple living» (с англ. — «простой образ жизни») и «опрощение».

Источниками для изучения минимализма как формы философии повседневности являются интернет-пространство¹ и тексты массовой культуры, которые апеллируют к реальному опыту практикования данной философии в своем повседневном бытии. Проблемный вопрос, который мы хотим решить в нашей статье: какие философские идеи находятся в основе минимализма как формы философии повседневности? Минимализм как образ жизни не является предметом изучения академической философии, если попытаться определить его место среди философских дисциплин, то он скорее относится к философской антропологии, к этике, к тем разделам философского знания, которые изучают бытие человека. Вместе с тем, современная философия все чаще делает объектом своего исследования повседневное бытие человека. Многие современные философы решают философские вопросы, опираясь на повседневные феномены, например кино (Ж. Делез) или моду (работы Р. Барта по семиотике моды), или язык в его повседневном употреблении (поздний Л. Витгенштейн). В этом контексте изучение минимализма как формы философии повседневности представляется особенно важным, тем более что минимализм как образ жизни можно понимать как форму практической философии, изучающей человеческую деятельность на практике. Минималистическое мировоззрение изначально присуще философскому дискурсу, так как минимализм предполагает свободу от вещей, а значит, и от временного, в пользу чего-то более значимого. Философия, начиная с Сократа, поставившего впервые вопрос о человеке и о том, как ему жить правильно, в центр философского дискурса, учит вечному, постижение которого невозможно без избавления от чрезмерной привязанности ко временному и бренному.

Минимализм как образ жизни является феноменом не только массовой, но и элитарной культуры. Среди поклонников минималистического мировоззрения много успешных людей: Стив Джобс, Марк Цукерберг, Киану Ривз, Рассел Кроу, Арнольд Шварценеггер. Минималистический образ

¹ Речь идет о многочисленных зарубежных, а ныне и отечественных блогерах, распространяющих философию минимализма в массовом сознании. Так, например, Лео Бабаута — один из самых популярных американских блоггеров, создатель блога о минимализме как образе жизни Zen Habits с более чем 200 000 подписчиками. Основные идеи книги Лео Бабауты «Жизнь без усилий» будут рассмотрены в контексте проблемы минимализма как формы философии повседневности.

жизни помогает экономить время и энергию, которую мы беспечно тратим на материальное, с тем, чтобы использовать их наилучшим образом и делать действительно что-то важное, например, более эффективно служить людям и обществу, заниматься творчеством и саморазвитием, философствовать. Минимализм как образ жизни является феноменом нашего повседневного бытия, который требует философского осмысления, поскольку в его основе находятся философские проблемы: проблема свободы (свободен ли я, если я постоянно зависю от вещей, которые не являются моими базовыми потребностями?); проблема смысла жизни (как жить правильно, как престать зависеть от чрезмерного влияния вещей?). Минималистическое мировоззрение является частным видом философии как образа жизни: человек, который встал сознательно на путь минимализма, — это человек философствующий.

Современным манифестом минимализма как образа жизни является книга известного американского минималиста и блогера Лео Бабауты «Жизнь без усилий» (2013). Книга Лео Бабауты содержит в себе много практических рекомендаций о том, как практиковать данный образ жизни, в основе многих его рекомендации находятся апелляции к восточной философии и восточным духовным практикам. Объектом изучения данной статьи являются не столько конкретные практические рекомендации, как статья минималистом, сколько философско-мировоззренческая основа минимализма как образа жизни. С этой точки зрения в книге Лео Бабауты можно выделить следующие философские идеи: 1) упрощение своей жизни; 2) принцип у-вэй; 3) избавление от иллюзии контроля и жесткого планирования. Проанализируем каждую из них.

1. *Исходный принцип минимализма — упрощение своей жизни и жизненных потребностей.*

В основе минимализма как формы философии повседневности находится концепт простоты. Простота состоит в том, чтобы сократить усилия на пути к цели (в нашем случае под целью понимается достижение счастья), отсекав все несущественное. С точки зрения философии минимализма, каждый день надо не увеличивать то, что имеешь, а уменьшать, отсекая все лишнее. Это относится как к физическому пространству человека (дом, собственность), так и к его ментальному пространству. Минимализм как образ жизни начинается с отказа от ненужного: люди, вставшие на путь мини-

мализма, начинают упрощение своей жизни с избавления от хлама в своем доме, чему посвящены целые пособия, например, книга Марии Кондо «Магическая уборка. Японское искусство наведения порядка дома и в жизни¹», ставшая бестселлером, и породившая метод расхламления дома, организации и хранения вещей, именуемый методом КонМари. Минималисты нередко стремятся настолько упростить свою жизнь, что отказываются от больших домов в пользу маленьких, что породило такой феномен как микротопию — строительство микродомов. Упрощение своей жизни предполагает также и отказ от вредных привычек, и переход на здоровое питание (многие поклонники минимализма являются вегетарианцами) и заботу об окружающей среде. Все это свидетельствует о том, что минимализм как форма философии повседневности означает стремление к простоте.

Американский минималист Лео Бабаута пишет, что люди очень просты по своей сути: «Еда, кров, одежда и отношения — вот все, что нам нужно для счастья. Еда растет просто и естественно. Кров — это простая крыша. Одежда — это просто ткань. Простые отношения состоят из наслаждения от общения друг с другом без всяких ожиданий» [1, с. 6]. Рассмотрим для примера такую потребность, как одежда, изначальная функция которой состоит в том, чтобы дарить тепло и прикрывать тело от наготы. В обществе потребления благодаря индустрии моды и маркетинговым технологиям одежда для современного человека превратилась в усложненный символ социального статуса, симулякр, приводящий к бездумному потребительству, идентификации себя с тем, что ты имеешь (носишь), а не тем, кто ты есть на самом деле, и как следствием — к духовному кризису современной цивилизации. Человек в отличие от животного создает культуру, поэтому его потребности выходят за границы чисто биологических, но проблема современного общества состоит в том, что искусственных потребностей стало слишком много, больше чем достаточно.

Почему современного человека поглощает страсть к большему, несмотря на увеличение уровня жизни в развитых странах? Стремление добиться социальной значимости, чувство безопасности, основанное на том, что ты имеешь, а не на том, кто ты есть на самом деле, стремление к удовольствию — вот скрытые психологические механизмы, на которых основан консюмеризм.

¹ Кондо М. Магическая уборка. Японское искусство наведения порядка дома и в жизни. М. : Э, 2015.

Современный человек стремится заполнить зияющую пустоту в своей жизни вещами, существует ради вещей, но на само деле он не живет вовсе. Социальные медиа, реклама и мода являются основными стимуляторами, заставляющими нас потреблять больше. Благодаря им создаются симулякры того, как должна выглядеть наша жизнь, попытка идти по такому пути вызывает чувство неудовлетворенности у большинства людей. Р. Барт в своих работах по семиотике моды пишет, что мода в одежде и не только, стимулирующая нас к избыточному потреблению, является неким символом, знаком социального успеха, привлекательности, молодости. Модная одежда порождает смыслы, которые вызывают желание покупать, мы покупаем не вещи, а эти смыслы [3]. мода является неотъемлемым элементом коллективного знакового сознания, доставляющим своим пользователям приятные переживания нередко путем замалчивания неприятных сторон реальности, например, того, сколько ресурсов человеческих и природных обслуживают индустрию «быстрой моды». С точки постмодернистской концепции потребительства Ж. Бодрийера, поведение человека в обществе потребления во многом определяется функцией потребления. При этом важно подчеркнуть, что в обществе потребления не потребности человека являются основанием для производства товара, как это было в индустриальном обществе, а, напротив, машина производства производит потребности [4]. В обществе потребления человек, таким образом, становится инструментом, чья функция сводится к обеспечению непрерывного процесса производства и потребления товаров и услуг.

Из вышесказанного следует, что человек покупает все больше и больше модных вещей не потому, что этого требует необходимость, а потому, что этого требует от него общество потребления, предлагая возможность «смены личности» в соответствии с модным трендом. Энергично захватывая человека как потребителя товаров и услуг, общество потребления отчуждает его как личность. Минимализм как форма философии повседневности дает возможность выйти из замкнутого круга «купил-выбросил-купил» с тем, чтобы не камуфлировать свою личность под модный тренд, а трансформировать ее путем саморефлексии, философствования и «заботы и о себе» (М. Фуко). Минимализм предлагает совершить переход от внешнего — социального, искусственного, ложного к внутреннему — личному, экзистенциальному и подлинному.

В тенденции к потребительству заключено стремление к счастью современного человека, поэтому в наше время слова «покупать» и «быть счастливым» стали практически синонимами. Но проблема в том, что, потребляя все больше и больше, мы никогда не станем по-настоящему счастливыми. Только упростив свою жизнь с материальной точки зрения и сосредоточившись на подлинных аспектах своего бытия (любовь, смысл жизни, отношение, творчество), по Хайдеггеру, «в-себе-самом-себя-нахождении» мы можем стать по-настоящему счастливыми, об этом говорит минимализм как форма философии повседневности.

С философской точки зрения идея упрощения материальных потребностей имеет большую историю. В истории философии одним из первых минималистов, который стремился упростить свою жизнь, был Сократ, отличавшийся простотой своего образа жизни. Он, часто говорил, глядя на множество рыночных товаров, «сколько же есть вещей, без которых можно жить» [6]. Простотой отличались многие древние философы, о чем писал американский мыслитель Генри Торо в книге «Уолден, или жизнь в лесу»: «Большая часть роскоши и многое из так называемого комфорта не только не нужны, но положительно мешают прогрессу человечества. Что касается роскоши и комфорта, то мудрецы всегда жили проще и скуднее, чем бедняки. Никто не был так беден земными благами и так богат духовно, как древние философы Китая, Индии, Персии и Греции» [15, с. 10].

Безусловно, минималистом стал Сиддхартха Гаутама, когда отрекся от мирской жизни и стал Буддой. Можно сказать, что стопроцентный минималист — это отшельник или монах. Радикальным минималистом был Диоген Синопский, устроивший себе жилище в глиняной бочке при храме Матери богов, а вслед за ним его последователи — киники, отрицавшие материальные блага.

Близкие минимализму идеи высказывали также стоики, проповедовавшие вслед за Сократом непривязанность к материальным ценностям. Идея простоты характерна также и для восточной философии, а именно в даосизме, только живя просто, мы сможем постичь дао. Избавление от материальных привязанностей является одним из условий достижения просветления в буддизме и йоги.

Минимализмом по сути является опрощение — выбор человеком образа жизни, связанного с отказом от большинства благ

современной цивилизации. Причины такого выбора могут быть различными: от этических и религиозных (как, например, в буддизме) до экологических (например, создание экопоселений, приверженцы которых отказываются от благ научно-технического прогресса, потому что они вредят природе). Философия опрощения стала известна благодаря учению Льва Толстого. После глубокого мировоззренческого кризиса, сопряжённого с духовным исканием, писатель пришёл к идее опрощения, предполагающей отказ от благ современной ему цивилизации и высшего общества. Сам Толстой, несмотря на принадлежность к высшим слоям общества, после 1870-х гг. переезжает в Ясную поляну, где постепенно отказывается от роскоши светской жизни, носит простую одежду, много занимается физическим трудом, становится вегетарианцем — в общем, реализовывает в жизни концепцию опрощения, что породило такое движение как толстовство. Основными идеями толстовства были непротивление злу насилием, всеобщая любовь, нравственное самосовершенствование личности и опрощение. Опрощение, на наш взгляд, безусловно, является одним из истоков минимализма как формы философии повседневности, но между этими течениями есть и существенные различия. Опрощение у Толстого связано, прежде всего, с религиозными исканиями, оно является одним из путей к обретению Бога. Современный минимализм свободен от любой религиозной составляющей, его принципы могут практиковать люди любой конфессии, в основе минимализма как формы философии повседневности находится проблема свободы: могу ли я быть по-настоящему свободным, если я постоянно зависим от того, что я имею?

Идея упрощения жизненных потребностей лежит также в основе книги американского мыслителя и писателя Генри Торо «Уолден, или жизнь в лесу» (1854), которая была написана на основе личного двухлетнего эксперимента автора по изоляции от общества и погружению в естественную жизнь на лоне природы. «Неплохо было бы среди внешнего окружения цивилизации пожить простой жизнью, какой живут на необжитых землях, хотя бы для того, чтобы узнать, каковы первичные жизненные потребности, и как люди их удовлетворяют. <...> Ибо столетия прогресса внесли очень мало нового в основные законы человеческого существования; точно так же и скелет наш, вероятно, не отличается от скелетов наших предков» — призывает

Г. Торо [15]. Эксперимент Торо по погружению в естественную жизнь на лоне природы являлся своего рода духовной робинзонадой, которая должна была дать понять зарождающемуся обществу потребления, что счастливо жить можно и вне общества, удовлетворяя все базовые потребности человека собственным трудом. Свобода от материальных благ, самодостаточность, созерцательность и близость к природе — вот основные идеи книги «Уолден, или жизнь в лесу», которые восходят к концепции естественного человека Ж.-Ж. Руссо [10]. Согласно концепции естественного человека Ж.-Ж. Руссо, человек, воспитанный на лоне природы, изначально обладает нравственностью, все плохое в человеке привнесено обществом; сходную идею высказывает Д. Дефо в романе «Робинзон Крузо» (1719), герой которого переживает нравственное возрождение на лоне природы, смело справляясь со всеми невзгодами.

Несмотря на кажущуюся утопичность идей Г. Торо, они переживают второе рождение в современной массовой культуре в таких течениях как минимализм как образ жизни, дауншифтинг, «Медленная жизнь» (Slow Movement). Надо сказать, что эксперимент Торо, совершенный в XIX в., в наши дни в несколько измененном варианте повторил житель Нью-Йорка, экологический активист Коллин Бивен, ставший вместе со своей супругой и малолетней дочерью добровольным участником годового эксперимента «Нулевое влияние» (2009) по максимальному снижению негативного воздействия на окружающую среду и выводу из общества потребления¹. Семья Бивенов из трех человек не изолировалась от общества, продолжая жить в современном мегаполисе, но при этом старалась не оказывать негативного воздействия на окружающую среду, для чего членам данной семьи пришлось свести свои жизненные потребности к самым базовым, чтобы продемонстрировать, какие из наших потребностей являются естественными, а какие, — навязанными обществом потребления.

В 1981 г. американский писатель Дюэйн Элгин опубликовал книгу «Добровольная простота», породившую одноименное движение. Целью данного движения является попытка увидеть более возвышенную цель жизни, нежели стремление к материальным ценностям. Стремление к добровольной простоте не означает довольства малым, скорее это говорит о балансе, о

среднем пути между излишеством и аскетизмом. Разновидностью данной идеологии в наши дни является такое движение как дауншифтинг, в основе которого находится идея антипотребительства, жизни ради себя, отказ от общепринятых стереотипов: карьера, высокий социальный статус, дорогие вещи. Отказавшись от бездумного потребления, дауншифтеры нередко покидают большие города и переезжают в развивающиеся страны или экопоселения, где, наслаждаясь жизнью на природе, занимаются физическим трудом, творчеством, духовными практиками, саморазвитием и совершенствованием себя как личности. В связи с этим уместно привести слова Сократа: «Наслаждение, роскошь — вот что вы называете счастьем, а я думаю, что ничего не желать — это блаженство богов, и потому нуждаться лишь в небольшом есть приближение к этому высшему счастью²». Дауншифтинг и минимализм как виды философии повседневности, на наш взгляд, тесным образом взаимосвязаны, поскольку в основе обеих идеологий находится упрощение своих жизненных потребностей и обращение к экзистенциальным аспектам своего бытия.

Таким образом, исходный принцип минимализма как формы философии повседневности — упрощение своих жизненных потребностей — имеет древнюю историко-философскую традицию, а сам минимализм как образ жизни оказывается феноменом далеко не новым, что еще раз доказывает старый философский принцип, что все новое — это хорошо забытое старое. Для современного человека минимализм не является радикальным отказом от благ цивилизации, а скорее становится философией осознанного потребления и умеренности. Минимализм как образ жизни не означает аскетизм, скорее он соответствует концепту «достаточно», или по-шведски «лагом»³. Стиль жизни «лагом», пришедший

² Цит. по: В поисках смысла / сост. А. Е. Мачехин. М.: Олма-Пресс, 2004, С. 630.

³ Лагом (швед. *lagom*) — концепт, описывающий шведский национальный характер, характеризующийся умеренностью, бережливостью, отсутствием излишеств, рассудительностью и разумностью. Шведско-английский словарь определяет *lagom* как «достаточно, достаточный, адекватный, в самый раз». «Lagom» переводится на русский язык как «в меру». В современной массовой культуре можно говорить о моде на стиль жизни «лагом», описанный, например, в книге: Джексон Дж., Ларсен Э. Маленькая книга лагом. Счастливая жизнь по-шведски. М.: Одри, 2018. Жизнь в стиле «лагом», как и минимализм, является одним из путей к счастью современного человека, выражающими тенденцию к антипотребительству.

¹ О проекте «Нулевое влияние». URL: https://rodovid.me/soznatelnoe_potreblenie/nulevoe-vozdeystvie.html.

из скандинавских стран и приобретающий все большую популярность в массовой культуре, по сути является разновидностью минимализма как формы философии повседневности. Поклонники стиля жизни «лагом», как и минималисты, довольствуются тем, что действительно необходимо, однако философия «лагом» не заключается в постоянной экономии. Основная ее идея состоит в соблюдении баланса между работой и отдыхом, пользой и удовольствием, излишеством и аскетизмом, в том, чтобы живя умеренно, чувствовать себя по-настоящему счастливым¹. Избавляясь от вещей, усложняющих нашу жизнь, мы становимся более свободными, а, значит, и более счастливыми, мы реализуем концепцию «быть», а не «иметь», как сказал бы Э. Фромм [17].

2. *Минимализм в делах: реализация принципа у-вэй (недеяние).*

Для современного человека характерна потребность делать все как можно быстрее, максимум эффективности в минимум времени. В результате это приводит к формированию психологии спешки, повышению уровня стресса и внутреннему выгоранию. Сегодняшний человек, можно сказать, не проживает, а пробегает свою жизнь. При таком темпе жизни естественно ни о каком экзистенциальном самоопределении не может быть и речи, поскольку у современного человека попросту нет на это времени, а философствование — это процесс, требующий неспешности. Предотвратить это способен минимализм в делах, в основе которого находится даосский принцип у-вэй или «недеяние».

Минимализм в действиях, неспешность, созерцательность в целом характерны для восточного дискурса, что проявляется во всем: в искусстве чайной церемонии, в культуре еды палочками, в садах для медитации, в искусстве икебаны, в пустоте традиционного японского дома, в японской живописи с ее минимализмом художественных средств, когда вокруг объекта изображения неизменно присутствует пустота, ничто, которое его обрамляет², и в том числе в даосском принципе у-вэй, породившем философию недеяния.

¹ Чтобы жить в стиле «лагом», нужно вести учет своих доходов и расходов, отказаться от ненужных покупок и привычек, минимизировать потребление воды и энергии, вторично перерабатывать мусор. Шведы — люди, которые думают о защите окружающей среды, проявлением чего является, например, отдельный сбор мусора, закрепленный на уровне законодательства.

² Образцом минимализма художественных средств в японской живописи являются работы японского художника Кацусика Хокусая (1760—1849).

Одно из ярких точных высказываний о недеянии можно встретить у Лао-Цзы: «Лучше ничего не делать, чем стремиться к тому, чтобы что-либо наполнить. Если [чем-либо] острым [все время] пользоваться, оно не сможет долго сохранить свою [остроту]. Если зал наполнен золотом и яшмой, то никто не в силах их уберечь. Если богатые и знатные проявляют кичливость, они сами навлекают на себя беду. Когда дело завершено, человек [должен] устраниваться. В этом закон небесного [Дао]» [9, с. 9]. У-вэй — это стиль жизни того, кто следует Дао, основанный на разуме, при затрачивании минимума усилий. Истинное счастье, с точки зрения даосизма, в умеренности, спокойствии и близости к природе. Даосский принцип у-вэй сегодня становится востребованным в массовой культуре, являясь мировоззренческим основанием минимализма как образа жизни. Л. Бабаута интерпретирует данный принцип как знание того, когда не надо действовать и когда необходимо действовать [1]. Находиться в состоянии «недеяния» трудно и почти невозможно для человека с западной традицией действия. Западная культура ценит действие и результат, а бездействие и покой вызывают беспокойство. Для европейского мышления в целом характерна предприимчивость, нацеленность на результат в отличие от мышления восточного с его созерцательностью и медитативностью, однако чрезмерная предприимчивость современного европейца приводит к большому уровню стресса, переизводству, неосознанному потреблению и экологическим проблемам современной цивилизации. Следует сказать, что нацеленность на результат и спешка, характерные для западной цивилизации, обусловлены также разным отношением ко времени на западе и на востоке. Если для восточного человека время циклично, то для западного — линейно, конечно, что и обуславливает феномен «нехватки времени», приводящий к чрезмерной активности. Распространение принципов минимализма не только на материальные объекты, но и на отношение ко времени и делам способно гармонизировать современного человека. Не спешить, делать любое действие медленно, осознавая настоящий момент; предпочитать избавление приобретению; не совершать ненужных действий — вот частные рекомендации по практикованию минимализма в делах, которые вытекают из даосского принципа «у-вэй», предлагаемые Лео Бабутой [1].

Недеянию, то есть минимализму в делах, уделял большое внимание Лев Толстой

в работе «Путь жизни». Для Толстого отказ от деятельности носит, в первую очередь, этический смысл: отказываться необходимо от дурной деятельности — поступков, направленных против живых существ или естественного миропорядка. Бездействие, с точки зрения Толстого, является способом предотвращения негативных последствий четырех наиболее опасных состояний: незнания, поспешности, страстного желания и душевного упадка [14, с. 287].

Примером практикования минимализма в делах в обыденном сознании является движение «Медленная жизнь» (англ. Slow Movement) — идеология замедления ритма жизни. «Торопиться нужно, только когда это необходимо, цель — найти свой правильный темп», — пишет один из основателей движения журналист Карл Оноре¹. Философию данного движения можно выразить в афоризме: если раньше все хотели быть быстрыми, как гепард, то теперь все хотят стать медленными, как улитка. Улитка, кстати, является одним из символов движения «Медленная жизнь». Медленный не значит инертный, а значит основательный, делающий все основательно, не случайно существует поговорка «поспешишь, людей рассмешишь», медленный значит ценящий жизнь во всех ее проявлениях, поскольку невозможно оценить красоту жизни не замедлившись. Идеологи движения пропагандируют замедление темпа жизни в больших городах с целью снижения уровня стресса, антипотребительство, поддержку местных производителей, простой образ жизни, антиглобализм. Направлениями применения движения «Медленная жизнь» являются: медленное искусство, медленный город, медленное старение, медленное образование, медленная еда², медленное воспитание и т.д.. В целом можно сказать, что у движения Slow Movement и минимализма как формы философии повседневности много

¹ Оноре К. Без суеты: как перестать спешить и начать жить = In Praise of Slow How a Worldwide Movement is Challenging the Cult of Speed. М., 2014. С. 21.

² Движение Slow Movement началось с проведения демонстрации против появления Макдоналдса рядом со знаменитой римской достопримечательностью — площадью Испании — в 1986 г. и с создания слоуфуд-движения (в противовес фастфуду). «Медленная еда» (слоуфуд) — это еда, распространенная в определенном регионе, местная кухня, поддержка местных производителей; на философском уровне это движение означает отказ от унификации и стирания культурных особенностей, антиглобализм, стремление сохранить культурную идентичность и самобытность.

общего, а именно отказ от чрезмерного потребления, упрощение жизненных потребностей, минимализм в делах.

Воздерживаясь не только от излишнего потребления, но и от лишних действий, мы переключаемся с телесной концепции жизни на духовную концепцию, о чем мы писали ранее. Человеку, находящемуся под влиянием телесной концепции жизни, начинает казаться, что главная цель его жизни состоит в том, чтобы получать чувственные удовольствия, пользуясь товарами и услугами, навязанными ему обществом потребления [7, с. 59]. Минимализм как образ жизни помогает человеку культивировать в себе чувство идентичности и уверенности в себе, основанные на вере в то, что ты есть, а не в то, что имеешь. Лишь по мере того, как мы начинаем отказываться от бездумного потребления, перестаем связывать свою безопасность и чувство идентичности с тем, что мы имеем, может возникнуть новый способ существования — «быть», о котором писал Э. Фромм в работе «Иметь или быть». Центр моего существования, по Э. Фромму, находится во мне самом, если я есть то, что я есть, а не то, что я имею [17, с. 136].

3. Минимализм в мышлении: избавление от иллюзии контроля и ментальной избыточности.

Под минимализмом в мышлении мы понимаем избавление от лишних мыслей, ментально-словесной избыточности, которое является путем сосредоточения сознания субъекта на чем-то более значимом, чем его повседневное бытие.

Чтобы достичь минимализма в мышлении, Лео Бабаута предлагает отказаться от жесткого планирования и иллюзии контроля. Согласно Лао-Цзы, «если кто-либо хочет овладеть миром и манипулирует им, того постигнет неудача. Ибо мир — это священный сосуд, которым нельзя манипулировать. Если же кто хочет манипулировать им, уничтожит его. Если кто хочет присвоить его, потеряет его» [9, с. 51]. Для западноевропейского мышления в отличие от мышления восточного характерно думать, будто мы держим все под контролем, когда в действительности это не так. Если для восточного типа мышления порядок вещей предопределен свыше, и человек бесконечно вращается в колесе сансары, то для человека европейского дискурса главным управляющим своей жизни является он сам. Со времен Ж.-П. Сартра европейский человек ощущает свою заброшенность в этот мир, предоставленность самому себе. Сартр считал, что «человек — это проект бытия,

он сам выбирает, кем он будет и стремится им стать» [11], а заодно пытается подстроить под свои интересы и весь окружающий мир, который, как ему кажется, должен соответствовать его ожиданиям, но реальная жизнь демонстрирует, что это не так. Человек европейской цивилизации постоянно пытается контролировать будущее, которое он не можем предсказать. Мы пытаемся контролировать других людей, когда не всегда можем контролировать себя и свои эмоции. «Мы встречаем хаотичный и сложный мир и ищем, как контролировать его любым возможным способом», — пишет Лео Бабаута [1, с. 23]. Здесь Лео Бабаута как мыслитель ставит под сомнение самоочевидную вещь: я контролирую свою жизнь, я — субъект, моя жизнь и окружающие люди и обстоятельства — объект; автор реализует философскую установку в сомнении, высказывая универсальное недоверие миру. Вопрос о том, контролирую ли я окружающий мир, является философским, здесь сталкиваются две философские установки детерминизм — индетерминизм. Л. Бабаута разделяет позицию индетерминизма, он предлагает мыслить о мире как об иррациональном хаосе, способном к самоорганизации.

Отказавшись от иллюзии контроля, от жестких целей и ожиданий, мы получаем много новых возможностей, о которых даже не мыслили, наши жесткие планы и контроль ограничивают наши возможности [1]. Человек — это не Бог, ему не дана ситуация во всей ее полноте, поэтому он не знает, к чему приведет та или иная цель и будет ли она осуществлена, он также в силу неполноты своего восприятия мира не видит и других возможностей, которые лежат на поверхности. В связи с этим, отказавшись от жестких целей и ожиданий, мы можем достичь большего, стать более спонтанными и высокоэффективными. Здесь уместно обратиться к концепции спонтанного мышления востоковеда Э. Слингерленда [11].

Суть данной концепции состоит в том, что спонтанность, достигаемая благодаря практикованию принципа у-вэй, помогает нам достичь более высоких результатах во всех сферах нашей жизни: от управления бизнесом до игры в теннис. Применяя данную концепцию к минимализму, можно сказать, что достигнув минимализма в мышлении путем отказа от иллюзии контроля и жесткого планирования, отказа от лишних мыслей, мы попадаем в то самое состояние «потока» или спонтанности, которое дает у-вэй, и можем действительно быть более

эффективны, чем если бы мы руководствовались разумом. Неслучайно в восточной философии высоко ценится состояние ума, которое характеризуется остановкой беспорядочного мыслительного процесса.

Остановка хаотичного мыслительного процесса, то есть минимализм в мышлении, является одной из целей йоги как духовной практики. Любопытно здесь сравнить тезис Декарта «я мыслю, следовательно, я существую» и восточную философию с ее стремлением успокоить ум и очистить его от лишних мыслей, именно в таком состоянии, с точки зрения и даосизма, и буддизма, и йоги, человек может быть наиболее эффективным и достичь просветления.

«Весь Дзен, — пишет Р. Барт в «Империи знаков», — литературным ответвлением которого является искусство хокку, предстает как мощная практика, направленная на то, чтобы остановить язык, прервать эту своего рода внутреннюю радиопонию, которая непрерывно вещает в нас, даже когда мы спим <...>, опорожнить, притупить, иссушить ту неудержимую болтовню, которой предается душа; и, быть может, то, что в Дзен называется сатори, и что на Западе могут перевести лишь приблизительными христианскими соответствиями (просветление, откровение, прозрение), есть лишь тревожная подвешенность языка, белизна, стирающая в нас господство Кодов, слом того внутреннего говорения, которое конституирует нашу личность» [2, с. 95]. Далее Р. Барт говорит о противопоставлении восточного и европейского способов мышления в отношении чувства меры в языке. Для европейского дискурса, по Барту, характерны бесконечное прибавление избыточных означаемых, интерпретация интерпретируемого. Означающее и означающее не соответствуют друг другу: либо мы имеем дело с избыточным означаемым (когда много текста, но мало смысла), либо мы имеем дело с углублением вербальной формы в направлении скрытого содержания (как в случае с афоризмом, о чем мы писали ранее¹). Афористичность мысли — это, пожалуй, та разновидность минимализма в мышлении, которой оперирует европейский стиль философствования. Речь идет о текстах Ницше, Хайдеггера, «литературной» философии в целом.

Минимализм в мышлении, по нашему мнению, является специфической чертой

¹ Дядык Н. Г. Многозначность афоризма как смыслового феномена: гносеологический аспект // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. Вып. 3. № 57—58. С. 204—210.

восточного дискурса, ярким примером чего являются «Дао Дэ цзин» Лао Цзы японское хокку. По Барту, идеальным вербальным способом выражения соответствия между означаемым и означающим является японское хокку. Хокку в отличие от афоризма не представляет собой некой философской мысли, результата философского общения, сведенного к лаконичной форме. Цель хокку не в том, чтобы сократить означаемое, не уменьшая объема означаемого, как в афоризме. И вместе с тем, представляя собой вербальную объективацию минимализма в мышлении, хокку, безусловно, является философским жанром: «оно есть краткое событие, которое вмиг находит единственно возможную форму выражения» [2, с. 95]. «Вы имеете право, говорит хокку, быть пустым, кратким, банальным; просто замкните то, что вы видите и чувствуете, узким горизонтом слов», при этом ваша фраза «высвободит символ, вы будете глубоким; малыми средствами вы достигнете полноты письма» — пишет Р. Барт [2, с. 88].

При интерпретации хокку важен не смысл, а само состояние бытийности, которое при этом возникает. Задача хокку состоит в избавлении от смысла посредством легко понятой речи, пишет Барт, оно вводит нас в состояние смысловой неопределенности, используя технику остановки смысла, подобно дзенской притче. Хокку не описывает, не выражает глубокого смысла, а сводится к чистому указанию: «хокку подобно жесту маленького ребенка, который на что угодно показывает пальцем и говорит «Это!»» [2, с. 88]. Таким образом, японское хокку — это литературно-философский жанр, демонстрирующий наилучшим образом минимализм в мышлении, когда на минимальном объеме означаемого являет себя миг истины. В хокку есть пустота, которая считается в восточной философии онтологической категорией, ибо из пустоты появляется все.

Проецируя рассуждения Р. Барта о хокку на минимализм в мышлении, можно заключить, что человек, начинающий практиковать минимализм как образ жизни, начинает с того, что расчищает свое внешнее пространство, создавая тоже своего рода пустоту. Следующий шаг состоит в том, чтобы расчистить свое ментальное пространство, избавившись от лишних мыслей, обид, дел, обязательств, спешки, научившись находиться в состоянии здесь и сейчас, тоже создать своего рода ментальную пустоту, только в таком состоянии можно начать по-настоящему философствовать и реали-

зовывать «заботу о себе» (М. Фуко). Минимализм как «форма заботы о себе», на наш взгляд, предполагает реорганизацию также своего вербально-коммуникативного пространства: минималист не говорит впустую, он ценит свое слово, говорит кратко и по сути, тщательно выбирая своих собеседников. В йоге есть такая духовная техника как мауна или обет молчания, заключающаяся в добровольном воздержании от акта говорения в течение определенного времени, эта техника, по нашему мнению, создает ту онтологически-смысловую пустоту, которая так привлекла Р. Барта в японском хокку, и которая способствует формированию привычки к минимализму в мышлении. Минимализм, таким образом, становится своеобразной формой духовной практики, близкой к техникам йоги и дзена. Минимализм в мышлении, по мнению Л. Бабауты, приведет к следующим результатам: мы научимся быть в состоянии здесь и сейчас и станем более осознанными; мы прекратим пытаться контролировать других, а вместо этого сконцентрируемся на том, чтобы быть добрыми к ним и показывать любовь; мы научимся принимать мир таким, какой он есть, нежели быть раздраженными от него, или пытающимися изменить его под себя, а, следовательно, станем более счастливыми [1, с. 23]. Минимализм, таким образом, действительно, становится одним из путей к осознанной и счастливой жизни современного человека. Практикуя минимализм в мышлении, мы сможем попасть в состоянии спонтанности и создать действительно нечто потрясающее, о чем писал в своих трактатах Чжуан-цзы: «Представьте себе художника или умелого ремесленника. Талантливый резчик по дереву или прекрасный кузнец не размышляет и не рассуждает логически по ходу своего действия. Он его совершает инстинктивно и спонтанно, не зная, почему добивается успеха. Его мастерство настолько стало частью его самого, что он просто доверяет своим движениям и не задумывается о причинах» [12, с. 121].

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что в последнее время в общественном сознании наблюдается позитивная тенденция: если раньше на вопрос, как стать счастливым, большинство отвечало в духе гедонизма «бери от жизни все», то теперь все более популярным становится ответ в духе минимализма «меньше значит лучше». Минимализм как форма философии повседневности имеет следующие философские источники: философию образа жизни Сократа, киников и стоиков; концепцию

естественного человека Ж.-Ж. Руссо; идею опрощения Л. Н. Толстого, концепцию «быть» и «иметь» Э. Фромма, философский принцип *epimeleia* или «заботы о себе» М. Фуко и идеи философии постмодернизма об обществе потребления (Ж. Бодрийяр и Р. Барт). В основе минимализма как формы философии повседневности находятся философские принципы, характерные для восточного философского дискурса: упрощение материальной жизни, воздержания от лишних действий (у-вэй), преодоления иллюзии контроля. Апелляция минимализма к восточной философии объясняется тем, что минимализм является философствованием об образе жизни. Для восточного типа философствования мысль о том, как жить правильно в отличие от дискурса восточноевропейского, для которого эта мысль после эпохи античности была практически потеряна и вновь реабилитирована в концепции «заботы о себе» М. Фуко, всегда была характерна, составляя его концептуальное ядро. Для современного человека минимализм как образ жизни становится своеобразной формой духовной практики, призванной освободить его от чрезмерной привязанности к вещам и сконцентрировать его внимание на своем подлинном «я». Минимализм как образ жизни меняет сознание субъекта и инициирует ситуацию философского вопрошания, выбор бытия в поисках смысла, бытия вопрошающего самого себя и мир; как форма «заботы о себе» минимализм призван направить наше внимание на поиск идентичности в обезличивающем дискурсе общества потребления.

1. Бабаута Л. Жизнь без усилий. М. : Альпина Паблишер, 2013. 178 с.

2. Барт Р. Империя знаков. М. : Праксис, 2004. 144 с.

3. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Культурная революция : Республика, 2006. 269 с.

5. Вальденфельс Бернхард. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос : пер. с англ., нем., фр. М., 1991. С. 39—50.

6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1998. 572 с.

7. Дядык Н. Г. Антиномия «телесность-духовность» в экзистенции современного человека // Социум и власть. 2015. № 4. С. 56—60.

8. Кожарова Т. В. Понятие заботы у Фуко и Хайдеггера // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия, политология,

социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2-1. С. 74—83.

9. Лао-Цзы. Дао Дэ цзин. Новосибирск : Вико, 1992. 128 с.

10. Руссо, Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. М. : Педагогика, 1981. 114 с.

11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М. : АСТ, 2009. 928 с.

12. Слингерленд Эдвард. И не пытайтесь! Древняя мудрость, современная наука и искусство спонтанности. М. : АСТ, 2017. 512 с.

13. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т., в 20 кн. Т. 21. Дневники. 1847—1894 гг. М. : Худ. лит., 1985. 576 с.

14. Толстой Л. Н. Путь жизни. М. : Республика, 1993. 431 с.

15. Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу. М. : Рипол Классик, 2018. 325 с.

16. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2002. 557 с.

17. Фромм Э. Иметь или быть. М. : Прогресс, 1996. 441 с.

18. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981—1982 учебном году. СПб. : Наука, 2007. 677 с.

19. Nehamas A. The Art of Living: Socratic Reflections from Plato to Foucault. Berkeley : University of California Press, 1998. 96 p.

20. Rhone P. Enough. London, Kindle Edition, 2012. 90 p.

References

1. Babauta L. (2013) Zhizn' bez usilij. Moscow, Al'pina Publ., 178 p. [in Rus].

2. Bart R. (2004) Imperija znakov. Moscow, Praxis Publ., 144 p. [in Rus].

3. Bart R. (2003) Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh Publ., 512 p. [in Rus].

4. Bodrijar Zh. (2006) Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury. Moscow, Kul'turnaja revoljucija Publ., Respublika Publ., 269 p. [in Rus].

5. Val'denfel's Bernhard. (1991) Povsednevnost' kak plavil'nyj tigl' racional'nosti // Socio-Logos. Moscow, pp. 39—50 [in Rus].

6. Diogen Lajertskij. (1998) O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenitykh filosofov. Moscow, Mysl' Publ., 572 p. [in Rus].

7. Djadyk N.G. (2015). *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 56—60 [in Rus].

8. Kozharova T.V. (2007). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofija, politologija, sociologija, psihologija, pravo, mezhdunarodnye otnoshenija*, no. 2-1, pp. 74—83 [in Rus].

9. Lao-Czy (1992). Dao Dje czin. Novosibirsk, Viko Publ., 128 p. [in Rus].

10. Russo, Zh.-Zh. (1981). *Jemil', ili O vospitanii*. Moscow, Pedagogika, 114 p. [in Rus].

11. Sartre, Zh.-P. (2009). *Bytie i nichto*. Moscow, AST Publ., 928 p. [in Rus].

12. Slingerlend Jedvard. (2017). *I ne pytajtes! Drevnjaja mudrost', sovremennaja nauka i iskusstvo spontannosti*. Moscow, AST Publ., 512 p. [in Rus].

13. Tolstoj L.N. (1985). *Sobranie sochinenij: v 22 t., v 20 kn. T. 21. Dnevniky. 1847—1894 gg.* Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 576 p. [in Rus].

14. Tolstoj L.N. (1993). Put' zhizni. Moscow, Respublika Publ., 431 p. [in Rus].

15. Toro G. (2018). Uolden, ili Zhizn' v lesu. Moscow, Ripol Klassik Publ., 325 p. [in Rus].

16. Toffler Je. (2002). Shok budushhego. Moscow, AST Publ., 557 p. [in Rus].

17. Fromm Je. (1996). Imet' ili byt'. Moscow, Progress Publ., 441 p. [in Rus].

18. Fuko M. (2007). Germenevtika subjekta: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1981—1982 uchebnom godu. St. Petersburg, Nauka Publ., 677 p. [in Rus].

19. Nehamas A. (1998). The Art of Living: Socratic Reflections from Plato to Foucault. Berkeley, University of California Press Publ., 96 p. [in Eng].

20. Rhone P. (2012). Enough. London, Kindle Edition Publ., 90 p. [in Eng].

For citing: Dyadyk N.G.

Minimalism as a form of everyday philosophy // Socium i vlast'. 2019. № 2 (76). P. 106—117.

UDC 128

MINIMALISM AS A FORM OF EVERYDAY PHILOSOPHY

Natalia G. Dyadyk,

South Ural State Humanitarian

Pedagogical University,

Senior Lecturer, Cand.Sc. (Philosophy).

Russian Federation,

454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.

E-mail: djadykng@cspu.ru

Abstract

The article is devoted to the philosophical analysis of minimalism as a form of everyday philosophy. The author considers philosophical and worldview ideas which are the basis for minimalism as a way of life, analyzes minimalism in the context of the problems of consumer society, the relationship of philosophical way of life, everyday life and philosophical discourse. The article discusses the basic principles of minimalism as a form of everyday philosophy that contains appeals to Eastern philosophical discourse: the simplification of their vital needs, the principle of wu wei, getting rid of the illusion of control and strict planning. Minimalism is seen as a form of "self-care" and a form of spiritual practice of a modern man.

Key concepts:

consumer society,

consumerism,

minimalism,

wu wei,

everyday philosophy.

Для цитирования: Миляева Е. Г.,
Пеннер Р. В., Сидорова У. В.
Методы философской практики
(философское консультирование и партнерство)
в студенческой аудитории:
образовательный эксперимент.
Часть II. Экзистенциальный опыт //
Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 118—131.

УДК 101

МЕТОДЫ ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ (ФИЛОСОФСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ И ПАРТНЕРСТВО) В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. ЧАСТЬ II. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ¹

Миляева Екатерина Галимулловна,
Южно-Уральский государственный университет,
старший преподаватель кафедры философии.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: miliaevaeg@susu.ru

Пеннер Регина Владимировна,
Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Сидорова Ульяна Владимировна,
Южно-Уральский государственный университет,
старший преподаватель кафедры философии.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: sidorovauv@susu.ru

Аннотация

Введение. В статье мы продолжаем отвечать на вопрос о возможностях имплементации методов философской практики в систему актуального академического образования. В этой части из цикла статей об образовательном эксперименте мы акцентировали свое внимание на проблеме экзистенциального опыта современного студента. В классических форматах мы привыкли обращаться к опытам значительных представителей духовной культуры (Марк Аврелий, Августин Блаженный, С. Кьеркегор). В свою очередь,

философская практика ориентирована на сознание современного человека. При опоре на методы и формы философского консультирования и философской практики можно создать оптимальный вариант заботы о себе в XXI в.

Цель. Зафиксировать смысл и особенности экзистенциального опыта; продемонстрировать новый, встраивающийся в социокультурную парадигму, формат презентирования экзистенциального опыта.

Методы. Исследование опирается на педагогический эксперимент со студентами III курса Архитектурно-строительного института (Южно-Уральский государственный университет) по внедрению методов философской практики в цикл семинарских занятий по философии. В исследовании были использованы общенаучные методы — анализ и синтез, индукция, дедукция, абстрагирование. Кроме того, применены сравнительно-исторический метод, метод интерпретации и системный подход. При анализе дневниковых записей студентов мы опирались на герменевтический подход.

Научная новизна исследования. В результате эксперимента по ведению студентами философского дневника коллектив философов г. Челябинска создал философский ежедневник — новый формат самостоятельной философской работы студента над собой.

Результаты. По результатам эксперимента более 50 % участников полностью выполнили поставленные задачи (ежедневное обращение к цитате из философского произведения, работа с текстом и с собой на основе текста). Более того, в своих записях участники продемонстрировали глубокую работу над собой: от ежедневного внимания к осмыслению философской цитаты до рефлексии своего опыта и ответов на актуальные смысложизненные вопросы.

Выводы. Проблема имплементации методов практики философствования дала повод для приглашения к дискуссии об актуальных образовательных моделях. По-новому в этой дискуссии встает вопрос о месте студента как целостного существа со своими экзистенциалами. Экзистенциальный опыт — исходный пункт философской практики, и, в то же время, ее конечная цель, на достижение которой направлены все процедуры и приемы. В статье мы сосредоточили внимание на возможностях актуализации экзистенциального опыта студента в рамках образовательного курса по философии. Статья может дать повод для рефлексии над оптимальными формами преподавания философии в условиях современности.

Ключевые понятия:

философская практика,
философское консультирование,
философское образование,
образовательный эксперимент,
философствование,
экзистенциальный опыт,
философский дневник.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Введение

Ранее опубликованная статья «Методы философской практики (философское консультирование и партнерство) в студенческой аудитории: образовательный эксперимент. Часть I» стала первой в цикле работ, апробирующих результаты образовательного эксперимента по имплементации методов и процедур из философской практики и философского консультирования в аудиторную работу со студентами Южно-Уральского государственного университета. Цель первой статьи была сформулирована как «обозначить возможности обращения к методам философской практики (философское консультирование, философское партнерство, сократический диалог) в процессе преподавания академического курса по философии с условием выполнения требований федерального образовательного стандарта» [1, с. 68]. Данная статья, в свою очередь, нацелена на фиксацию сути и особенностей экзистенциального опыта и демонстрирует новый формат его презентации на примерах работы студентов III курса Южно-Уральского государственного университета с философским дневником. В будущем мы планируем продолжить серию статей, сосредоточившись в новых публикациях на следующих вопросах:

1. Проблема осмысления современным человеком себя и внешнего мира глазами студента.
2. Возможность внедрения практик осмысления в реальный образовательный процесс, препятствия в этом направлении.
3. Апробация результатов качественных социологических исследований (глубинное интервью) со студентами, практикующими осмысление в рамках образовательного курса по философии.

Одна из задач преподавания философии в современной высшей школе выражена через формирование студентом мировоззренческих оснований на базе знаний по истории философии. В рабочих программах ОК-1 задает ориентир не на зазубривание и начетничество основ философии, а предполагает сложную работу преподавателя как проводника в мир подлинной рефлексии, нацелена на актуализацию студентом своего экзистенциального опыта. Но в условиях ограниченного времени (48 ч. аудиторной нагрузки), больших лекционных (до 100 человек) и семинарских (до 30 человек) потоков сделать философскую работу

индивидуальной, ориентируясь, например, на диалоги Сократа с Платоном, сложно. Решая проблему актуализации экзистенциального опыта студентом, осмысление опыта и, возможно, даже трансформацию смысложизненных ориентиров, мы использовали методы философской практики, в частности, медленное чтение, философское консультирование и партнерство. Но в условиях малого количества аудиторных часов у преподавателей и студентов возникает запрос на создание некоего путеводителя для самостоятельной практики философии. Этим путеводителем стал для нас философский дневник. Прежде апробации данных из самостоятельной философской работы студентов Южно-Уральского государственного университета следует обратиться к специфическому философскому понятию экзистенциального опыта, прочертить исторические этапы в его становлении и осмыслить его терминологические грани, опираясь на работы авторитетных мыслителей.

Экзистенциальный опыт: от классической философии к философской практике

В эпоху мира «пост» человек стоит перед проблемой сохранения изначальной жизненной сущности философии как целостного познания и «живого» мышления. С этой позиции современному философу необходимо обратиться к феноменолого-экзистенциальной традиции, к экзистенциальному опыту. Взгляд человека на себя сквозь призму своего же экзистенциального опыта становится исходной точкой сборки его ускользающей целостности и маркером собственно человеческого в анонимном мире цифровых технологий. Экзистенциальный опыт в формате самоосмысления становится герменевтическим опытом, когда *мое* бытие наполняется индивидуальным смыслом в рассеянном мире.

В определении экзистенциального опыта можно исходить из позиции глубинного и аутентичного измерения человека, это «опыт предельных оснований, характеризующихся подлинностью протекания и усиленной рефлексией» [17]. Данное определение нетривиально, т. к. выходит за границы классического понимания опыта как категории науки. В философии науки наиболее часто встречается понимание опыта как чувственного или эмпирического познания объекта, осуществляемого в ходе непосредственного контакта с ним, в том числе, и с помощью приборов. Классическая

философия понимает опыт как взаимодействие с чувственным миром. Современная постклассическая гносеология значительно расширяет объем этого понятия и рассматривает опыт как фундаментальную категорию для обозначения процесса и результатов деятельности сознания во всех его проявлениях: чувственном и рациональном, эмпирическом и теоретическом, объективном и рефлексивном, направленном во вне и во внутрь сознания [8, с. 187]. С точки зрения философской рефлексии можно говорить о некоем первоначальном опыте сознания и о различных его формах. Экзистенциальный опыт является одним из измерений опыта сознания, непосредственного самопереживания, переживания «сокровенного я» и связан с отношением человека с целостным бытием. Это порождает экзистенциальные эпифеномены и чувства, такие как страх, ужас или, напротив, чувство благоговения, например.

В работе «Мир» В. В. Бибихин указывал на ложное понимание человеком себя как совокупности общественных отношений и химических реакций; человек якобы должен подчиняться только «властным голосам страсти и необходимости». И вдруг философ заявляет: «Да ничуть». Иногда, в каком-то особом переживании мира как целого, в модусе согласия с миром, человек вдруг «перестает узнавать себя — и впервые узнает себя» как нечто новое в «основной мелодии своего присутствия» [3]. В этот момент у человека рождается экзистенциальное мышление, которое не сводит его больше к окружающей среде, но обрекает его на свободу. Это напоминает сказку: обретение неведомого себя неведомо где. Но тот, кто пережил подобный опыт глубокого осмысления себя, не может отрицать реальности происшедшего. В языке М. Хайдеггера подобное переживание мыслится как до-теоретический, бытийный опыт освобождения вот-бытия, находящегося по ту сторону предметности [15].

Итак, поскольку понятие экзистенциального опыта включает категории, лежащие вне материального мира, то это делает его трудно выразимым. Экзистенциальный опыт иррационален, он трудно осознаваем и не выводим на поверхность: «Есть вещь, не поддающаяся мышлению, и это — существование» [7, с. 144]. Поэтому зачастую экзистенциальный опыт раскрывается с помощью различных духовных метафор и символов, например, «глубинный опыт», «опыт чистого присутствия». Черты такого опыта, во-первых, приоритет экзистенции

над эссенцией (что-бытием, по М. Хайдеггеру), а во-вторых, свойство как всегда-мое, т. е. неповторимое и уникальное в человеке.

Это приобретает особую актуальность в научной объектно-ориентированной парадигме, стремящейся помыслить «мир без нас». В этих рамках кажется, что нужно другое, «внечеловеческое» мышление, которое бы представляло собой подобие операционной системы, усиливающей техническое, рассудочное мышление человека. Поэтому философия в лице спекулятивных реалистов пытается «помыслить запретную, внушающую ей ужас территорию, но для этого нужно как-то избежать постоянно возникающего субъективного остатка, то есть помыслить немислимое так, чтобы не запятнать ее мыслью» [16]. Метафорой такого понимания задач философии является искусственный интеллект, который, как показал еще Ж. Бодрийяр, способен к «манифестации мысли», но не к самой мысли [4].

Актуальная научная парадигма ориентирована на расчеловечивание мира, на уподобление человека машине и элиминации субъекта с его слишком человеческими чертами, снижающими эффективность процессов, частью которых мыслится сам человек. Иными словами, субъект сам становится одной из версий «мыслящего объекта» — машины. Так экзистенциальное мышление заменяется на неаутентичное, машинное. Бэкграунд экзистенциального опыта, опыт человеческого существования — одна из возможностей противостоять этому. Как бы ни превосходил мир человека, как бы человек не терялся в поглощающих его информационных и других потоках, все-таки нельзя терять из вида ту мысль, что мир смотрит на нас глазами человека. Никто иной как человек, по мысли М. Хайдеггера, является «пастухом бытия». Осознать это помогает экзистенциальный опыт, опыт «собрания себя» (Г. Померанц) из разрозненных частей, где человек является и художником и производителем, и садовником и цветком (О. Мандельштам), где нужно не только жить, но и осмысливать и созидать себя в процессе этого осмысления [6].

Кажется, что в мире остались одни структуры, которые постоянно требуют *твоей* мысли, *твоей* энергии; не люди, структуры. *Твое* место четко обозначено, роли прописаны, алгоритмы заданы, и выбраться из этих рамок в мире социальности практически невозможно. Экзистенциальный опыт в этом разрезе понимается нами как трансгрессивная возможность (скачок в духе С. Кьеркегора) собственной подлинности и экзи-

стенциальной первичности в отчужденном мире и «вечное становление» самотождественности. Зазор между мыслью о и философией как действием, зияние, куда должно спуститься сознание, чтобы, поднявшись, обрести жизненную позицию единственно для себя верную в данный момент времени. Экзистенциальный опыт есть собственное ничто за границами социальной личности и природной необходимости. Место встречи с собой неуловимо становящимся, ведь экзистенция всегда связана с бытием-становлением. И понимание лучшей версии себя связано с тем, что я еще не есть.

Эту мысль хорошо выражают экзистенциалы страха, отчаяния и ужаса. Когда человеку удастся выпрыгнуть из объективного мира структур в свою необъективированную искренность, его захлестывает ужас, связанный с принципиальной потерей контроля над реальностью и невозможностью ухватить в каких-то определениях открывшуюся бездну. Феноменология страха связана с его способностью ставить человека на границы его понимания, возможностей и опыта.

Как считают исследователи философии страха [19—21; 24—26; 28], реальное проявление страха случается при условии внутреннего напряжения, возникающего: во-первых, при активном отношении к миру (противостояние, преодоление, сопротивление, борение) как антипод и одновременно условие мужества; во-вторых, при пассивном отношении к миру как покорном принятии, непротивлении; в-третьих, как начало мудрости, т. е. начало открывающегося знания, познания абсолютной истины [2, с. 183].

К экзистенциалу страха обращался С. Кьеркегор. Предметом страха в экзистенциалистской парадигме является ничто. Страх и ничто постоянно соответствуют друг другу. С. Кьеркегор писал, что страх сродни головокружению от созерцания пустоты, бездны между собой и миром; и при этом головокружении человек теряет ложную уверенность в незыблемости повседневных связей и отношений, ощущает отторжение от них, собственную покинутость и обретает экзистенциальную свободу именно благодаря прохождению через страх.

В феноменолого-экзистенциальной философии М. Хайдеггера страх приобретает статус фундаментальной категории философского знания, выражающей специфическое отношение, возникающее между сущим и человеческим существом. Страх как сущностный ужас ставит человека перед бездной ничто. У М. Хайдеггера страх

есть одна из экзистенциальных структур, в которых коренится Dasein [15].

Экзистенциальный опыт погружает нас не в темный «мир-без-нас», а в собственную глубину нас самих и мира, с которым человек переживает если не единство, то некое чувство родства со всем живым. Иными словами, это опыт, который не разрушает нас, а преобразует и повышает нашу осознанность в мире. Поэтому в некоторых случаях он переживался как религиозный опыт (Сенека, Августин, С. Кьеркегор).

Заметим, что религиозный опыт не тождествен экзистенциальному опыту. Нам кажется, что экзистенциальный и религиозный опыт находятся по обе стороны границы, отделяющей человека от Другого. Экзистенциальный опыт связан с внутренней стороной, которая развернута к собственной глубине, где происходит встреча с собой-другим. Внешняя сторона границы упирается в трансцендентное, встреча с которым и переживается как религиозный опыт. Здесь экзистенциальный ужас усиливается религиозным, которым был охвачен С. Кьеркегор («попадание в руки Бога живого»), двоякое переживание смерти как конца всего и возможности жизни в другом экзистенциальном плане бытия.

Экзистирующая субъективность знает эту противоречивую целостность внутри себя. Ее можно представить в виде «резонирующей камеры, приюта многих и многих голосов, слышимых раздельно» [11]. У философов появляется настоятельная потребность в выражении своего глубинного опыта. Так пишутся дневники (Марк Аврелий), исповеди (Августин), автобиографические эссе-размышления (Э. М. Чоран, М. де Монтень). Если взять в качестве примера С. Кьеркегора, то, кажется, как будто его жизненный путь проходит через нескончаемые листы бумаги, ведь только так можно схватить неуловимое, зацепиться за реальность, которая стремится превратиться в отчужденные формы труда и зрелища. Писание как молитва, власть письма над жизнью, чтобы в исповедальности «встретиться с собственной пошлостью и как можно скорее эту пошлость преодолеть, обрести подлинного себя, чтобы о себе позабыть» [13].

Итак, в рамках бинарной антропологической модели, глубина в человеке противостоит поверхности, которая «рассматривается как совокупность предзаданных паттернов и автоматических реакций в поведении человека» [12, с. 20]. Цель философской практики и философского консультирования состоит в открытии глубинного

измерения в самопознании. Экзистенциальный опыт — исходный пункт философской практики, и, в то же время, ее конечная цель, на достижение которой направлены все процедуры и приемы. Во время сессий ставится задача его актуализации и рационализации. Для этого используются методы феноменологического анализа переживания, а не наблюдения, когда каждый участник рассматривает себя как уникальное «бытие-в-мире». Феноменологический метод как описание опыта изнутри, «бытие-с-собой». Целью встреч является не поиск объективной истины, а, напротив, как можно более глубокое погружение в свое сознание и сознание другого, самопонимание и понимание, экзистенциальная редукция. Все начинается с опыта и заканчивается им. В «бытии-в-мире» философских встреч, в их особой атмосфере, необходимо отвлечься от того, что мы знаем, и как будто с чистого листа, здесь-и-сейчас попытаться услышать себя [9, с. 94].

В разных форматах философской практики работа с экзистенциальным опытом практикующего осуществляется иначе. Ярким примером здесь могут выступать начинания представителей группы “Deer Philosophy” (глубинная философия) по созданию ежедневных recollections (грубый перевод на русский язык — воспоминания). В своих recollections участники делятся опытом анализа своей работы с философскими текстами и осмыслением самих себя. В нашем исследовании мы сосредоточились на эксперименте со студентами третьего курса по ведению философского дневника как опытом первой встречи с философским текстом и переживанием его.

Анализ опыта студентов по ведению философского дневника

Личные дневниковые записи философов позволяют их последователям прикоснуться к живой мысли автора, к его восприятию мира. Переживания, зафиксированные на бумаге, живое звучание мысли помогают не просто понять идеи философа, а увидеть его как живого человека с уникальным жизненным путем; буквально, применить его опыт к своему, задавая себе те же вопросы и формулируя ответы на них.

Экзистенциальный опыт философа, представленный в форме дневниковых записей, является не просто неким философским знанием, а представляет реальный опыт переживания самого себя и своей связи с бытием. Стихийность повествования в дневнике,

отсутствие вымысла, необходимые для художественного текста, свободный по сравнению с научными публикациями стиль — все это признаки дневника [18; 22; 23; 27; 29]. «О чем бы в нем не писалось — о событиях личной жизни или социальных переворотах, излагаются ли мысли, переживания автора или приводятся понравившиеся цитаты или услышанный обрывок разговора, это документ о личности пишущего и именно как таковой он пишущим воспринимается. Ощущение ценности этой личности является тем стержнем, который объединяет содержательно, сюжетно и стилистически разнородные фрагменты» [5, с. 171].

Несомненно, ценность дневника философа заключается в том, что в нем автор набрасывает черновик философского текста, оттачивает формулировки, перебирает гипотезы и аргументы, формирует структуру будущей работы. Сегодня доступны опубликованные дневниковые записи наших соотечественников, например, В. В. Библихина, И. А. Ильина, В. В. Розанова и зарубежных философов от М. де Монтеня до Л. Витгенштейна.

В рамках образовательного эксперимента нами была сформулирована идея ведения дневника студентом. Т. к. дневник предполагалось вести в рамках курса по философии, то каждый день сопровождала цитата из философского произведения. Идея ведения студентом дневника как основы для обращения к самому себе, фиксации своего экзистенциального опыта с последующей рефлексией над ним, связана с философской функцией дневника, отмеченной К. С. Пигровым: «Дневник — это текст не “вертикальный” и не “горизонтальный”, он “точечный”, это точка саморефлексии, но точка, в которой заключена актуальная бесконечность, это некоторый предел и, в известном смысле, итог бытийствования текста (и человека) вообще. Здесь случается самосознание» [10, с. 65].

С точки зрения философской антропологии, в познании человеком самого себя можно выделить диалог внешний и внутренний. В первом человек узнает и осознает свою самость через общение с другими при помощи слов, знаков или вещей. Это первая стадия знакомства человека с самим собой как многомерным существом. Затем возникает внутренний диалог, в котором человек определяет свои смысложизненные ориентиры, ценности. Только внутренний диалог позволяет человеку осознать свою конечность как существа биологического и бесконечность как существа духовного

и культурного, свою целостность в многообразии мира и согласия с ним. Но внутренний диалог возникает только при условии, что человеку мало своего внешнего образа, потребность в самоинтерпретации вызывается глубинным поиском смысла своей собственной жизни. Результатом подлинного внутреннего диалога, основанного на саморефлексии и самоинтерпретации, может стать ощущение связи, единства, согласия с миром. Здесь философия способна дать человеку необходимую опору для внутреннего диалога, напоминая ему о существовании фундаментальных вопросов, требующих осмысления. Экзистенциальный опыт, преобразованный при помощи философской рефлексии, может стать для молодого человека основой для самотворения, созидания и культивирования себя.

В первом семестре 2018—2019 учебного года группе студентов III курса Архитектурно-строительного факультета ЮУрГУ было предложено поучаствовать в философско-образовательном эксперименте по ведению ежедневника в течение 28 дней. Студенты работали с подборкой коротких цитат из философских текстов по методикам философской практики и самоанализа

за [14]. Ежедневник можно было вести как в рукописном классическом варианте, так и в современном формате (записи в социальной сети по выбору участника). В эксперименте решили принять участие двое юношей и три девушки. Участник А выбрал формат закрытой группы в социальной сети «ВКонтакте» (без разрешения ведущего группы никто не может увидеть записи). Участник В выбрал формат открытой группы в «ВКонтакте» — записи мог увидеть любой желающий. Участники С и D выбрали традиционную форму рукописного дневника. Участник Е выбрал формат записей в социальной сети «Инстаграм». Условия эксперимента были обозначены следующим образом: ежедневное обращение к философской цитате; рефлексия над ней; выражение этой рефлексии в виде записи в дневнике или поста в Интернете (в Интернете посты сопровождалась хэштегами #философская практика #каждыйдень). Форму своей записи участники определяли сами: только мысли, фразы, идеи, вызванные размышлением над цитатой, или ассоциативные связи с художественными формами (фотографии, картины, арты, музыка, клипы и т. д.). Через неделю эксперимента участник С отказался

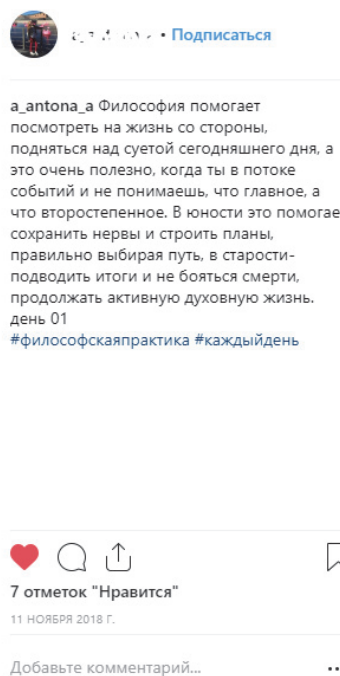

Рис. 1. Запись Е в социальной сети «Инстаграм». День 1*

* Здесь и далее: полноцветный вариант рисунков см. в электронной версии статьи на сайте журнала «Социум и власть»: <http://siv74.ru>.

продолжать, сославшись на нехватку времени и загруженность учебной. Участник D делал записи нерегулярно, также отметив нехватку времени. Остальные трое участников оставляли записи каждый день в течение всего месяца.

Участник E выбрал наиболее сложный, по словам участвовавших в эксперименте студентов, вариант записи — представить в открытом пространстве сетевого дневника собственные размышления. В этом случае произошел сознательный переход от интимного пространства собственной мысли и переживания экзистенциального опыта к формированию публичного приглашения невидимому сетевому читателю задуматься вместе с автором записи и даже оставить свое виденье в комментарии. Стоит отметить, что большинство иллюстраций к записям E выбрал из личного архива фотографий (музеи современного искусства, виды Санкт-Петербурга), отметив, что именно они передают чувственно-эмоциональный фон переживания мыслей, связанных с предложенными для рефлексии цитатами.

Участник B в начале эксперимента пошел наиболее простым путем, выбрав «постинг» цитаты, сопровождаемый ассоциативной иллюстрацией или песней. Но в день 4 B сформулировал несколько поэтических строк о

становлении человека, вызванные приведенной в посте цитатой (запись стихотворения сделана с телефона в мобильном приложении). В день 18 B отметил свое изменившееся состояние, сопроводив цитату из Ф. Ницше артом по мотивам известного аниме «Тетрадь смерти». Переживание экзистенциалов — страх, ненависть, вражда, дружба — для участника оказалось серьезным толчком для обращения к самому себе.

Участник A оставлял короткие, очень личные результаты размышлений над представленными цитатами, отрефлексируя свои эмоции и поведение.

К сожалению, работа с дневником участника D была прервана по причине нехватки времени перед зимней сессией. Но несколько записей были представлены.

После месяца работы с цитатами из философских произведений участники эксперимента поделились своими впечатлениями о проделанной работе. В своих фидбэках (от англ. feedback — обратная связь) они указали на важность и полезность подобной практики. Более того, участники отметили необходимость предложения подобной работы широкой аудитории для того, чтобы у каждого была возможность «раскрыть в себе то, что так глубоко сидит» (цитата по фидбэку одного из участников).

Подписаться

a_antona_a Философствование- это процесс поиска ответов на "детские" вопросы. Ребенка не интересует - сколько стоит, где взять, куда бежать и т.д. Ему важно - что это?и откуда оно? В детстве меня с братом очень интересовал вопрос: "На чем мы стоим?" И когда выяснялось, что стоим мы на Земле, которая летит во Вселенной, а что за краем Вселенной неизвестно, и неизвестно .ест ли этот край вообще, то становилось страшно. Оказывается, мы летим. В таких поисках есть большая польза, это как раз собственное удовлетворение жажды познания себя, мира и своего места в этом мире. Это даёт надежду, что мы не просто вид животных на планете, а нечто большее.

день 16

4 отметок "Нравится"

26 НОЯБРЯ 2018 Г.

Добавьте комментарий...

Рис. 2. Запись E в социальной сети «Инстаграм». День 16

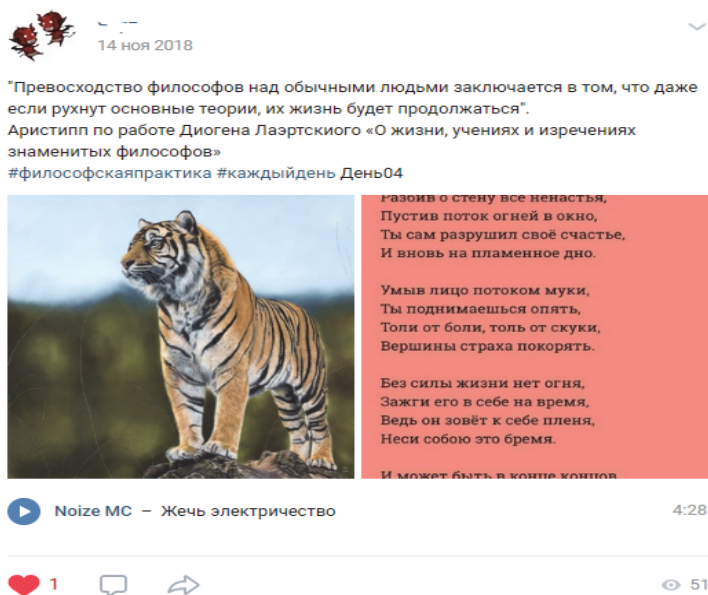

Рис. 3. Запись В в открытой группе социальной сети «ВКонтакте».
День 4

Рис. 4. Запись В в открытой группе социальной сети «ВКонтакте».
День 16

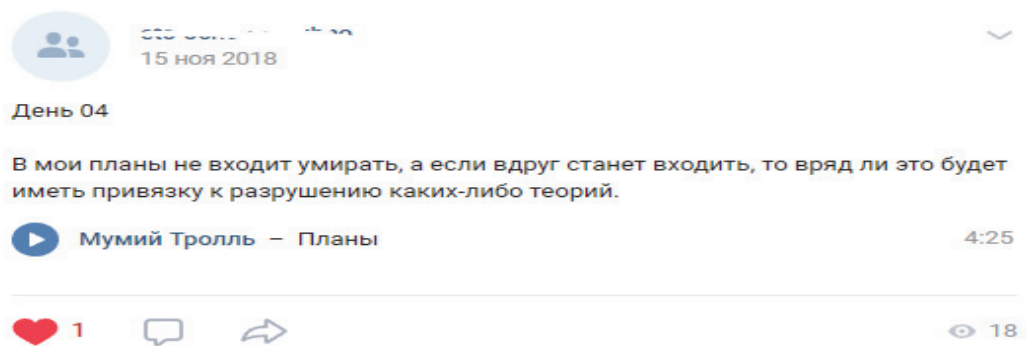

Рис. 5. Запись А в закрытой группе социальной сети «ВКонтакте». День 4

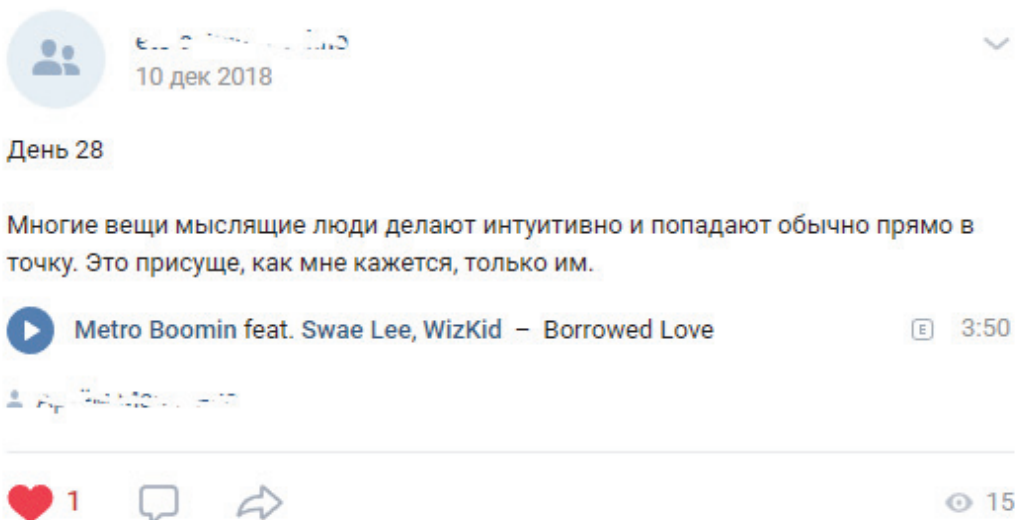

Рис. 6. Запись А в закрытой группе социальной сети «ВКонтакте». День 28

Примечательным выглядят те формулировки, которые использовал в своем фидбэке участник В: «Прошло уже больше двух недель с начала эксперимента, и тут я прочел фразу Фридриха Ницше: “Наша вера в других выдает, где мы охотно хотели бы верить в самих себя. Наша тоска по другу является нашим предателем. И часто с помощью любви хотят лишь перескочить через зависть. Часто нападают и создают себе врагов, чтобы скрыть, что и на тебя могут напасть. “Будь хотя бы моим врагом!” — так говорит истинное почитание, которое не осмеливается просить о дружбе. Если ты хочешь иметь друга, ты должен вести войну за него; а чтобы вести войну, надо уметь быть врагом. Ты должен в своем друге уважать еще врага. Разве ты

можешь близко подойти к своему другу и не перейти к нему?” Это было настолько близко моей точке зрения, что мне стало как-то не по себе, и я перечитал это еще раза три. После полного осознания того, что хотел сказать автор, я еще долго не мог отойти от случившегося. Этот случай дал мне повод задуматься и разобраться в себе». Примечательность этой цитаты — не только в движении к пониманию важности работы над собой во внешних планах (образование, спорт, общение), но и во вхождении в пространство внутреннего осмысления. Подобное вхождение не обязательно должно сопровождаться философией или оборачиваться в форму философской рефлексии. Вместе с тем, в словах самого студента лежит указание на значимость философской

ради удовлетворения своих собственных духовных потребностей.

(3) 27.11

Жизнь — это сложный процесс, ищущий своей целью развитие человека. В течение всей жизни человек претерпевает духовной рост и прищипывает свои знания. Разум позволяет человеку многообразно выразить мысли с помощью накопленного багажа знаний, но в то же время — многообразно понимать действительной мир. Видеть человек, в первую очередь ориентируется на свои личностные ценности и идеалы. Так говорится, сколько людей — столько мнений...

(17) 28.11

Жизнь абсолютно противоречива. И будучи абсолютно неоднородной, она не поддается никаким законам. Кроме, конечно, закона времени... В человеке также есть много противоречий, в которых самому человеку порой очень трудно разобраться. Соглашусь, каждый человек живет в своем микромире. Не зря же говорят, что люди часто судят по

говорить, основываясь на своем видении мира. В этом смысле дискуссия превращается в "безжалостный монолог, направленный одного соперника за другим". Именно поэтому философия не выносит дискуссий.

(5) 22.11

Очень часто сталкиваюсь с тем, что человеку гораздо легче замечается отдельный фрагмент чего-либо, чем связи между ними. Например, студент быстрее запомнит формулу, нежели ее вывод. Пожалуй, вся человеческая память состоит из бесчисленного множества фрагментов. Она может быть связана ^{между собой} с другими, а может быть совершенно не связана. Каждый отдельный фрагмент включает в себе определенную идею. Но очень важно уметь находить связи между отдельными фрагментами, строить взаимосвязанные связи, то есть разбивать логическое мышление.

Примером отдаленно-прерывающего открытого истинно является эскиз. Он представляет собой некий набросок или контур, лишенный мысли.

Откачиваясь от постоянного подпора к истине, то есть от разбуривших рас-

Рис. 7. Записи D.
Дни 3, 4, 5

цитаты в поиске ответа на эссенциальный вопрос: «Кто я?».

Эксперимент имеет положительные результаты. Трое из пяти участников не просто формально выполнили поставленные задачи, но провели глубокую работу над собой: от ежедневного внимания к осмыслению философской цитаты до рефлексии своего опыта и поиска ответов на актуальные смысложизненные вопросы. С точки зрения преподавателя, ценность таких самостоятельных занятий философии несомненна, дневник помог учащимся обнаружить и актуализировать значение философии в повседневной жизни.

**Вместо заключения.
От работы с фрагментами
философских текстов
к философскому дневнику:
опыт работы
челябинских философов**

Итогом работы по ведению философского дневника стало создание ежедневника. Цель философского ежедневника мы (как преподаватели в системе высшего образования) видим в реализации проекта удобного и доступного материала для философской работы студента над самим собой. Такому изданию необходимо было придать персонализированный характер и одновременно постараться открыть для студентов «сокровищницу» философской мысли.

По причине того, что сборников афоризмов и цитат философов на сегодняшний день существует великое множество и многие доступны онлайн, коллектив авторов решил отойти от простого набора цитат. В подготовке ежедневника приняли участие двенадцать преподавателей философии: от профессоров до ассистента, лишь недавно вставшего на путь преподавания. К созданию ежедневника были привлечены трое дизайнеров и один веб-разработчик. Стоит отметить, что для дизайнера (студентка IV курса, дизайн) опыт иллюстрации философских текстов стал значительным и, по ее словам, помог выйти из творческого кризиса (она отказалась от дизайна рекламы и занялась иллюстрированием детской художественной литературы). Веб-разработчик (студент II курса, программирование) также отметил, что даже во время работы с кодом приложения фрагменты философских текстов «цепляют внимание» и заставляют размышлять о себе самом. В апреле 2019 г. ежедневник «Философская практика на каждый день» будет издан в

Издательском центре ЮУрГУ; к лету того же года будет создано мобильное приложение для смартфонов, работающих на платформе Android.

Ежедневник представляет собой авторскую подборку текстов из 12 тем — любовь, философствование, выбор, целостность и др. — распределенных по месяцам года. Каждая тема состоит из фрагмента текста, задающего размышление на месяц. В начале каждой недели представлены тексты для размышления на неделю. Каждый день начинается с короткой цитаты, задающей мысль дня. Для читателя представлены несколько алгоритмов работы. Первый основан на методике Э. Фромма по самоанализу. В этом методе важны последовательность и выработка привычки к саморефлексии. Работа начинается с самого первого текста и идет последовательно к последнему, читатель не пропускает фрагменты и не забегает вперед. Один день равен одному фрагменту текста. Каждый день нужно выделять определенное количество времени (от 15 до 60 минут), которые рефликсирующий должен провести наедине с собой. Это может быть и время перед сном и перерыв на обед или путь в общественном транспорте по дороге на работу или домой.

Читателю рекомендуется использовать наиболее подходящий метод концентрации и сосредоточения: медитации, глубокого дыхания, аффирмаций и т. д. После он должен сосредоточиться на представленном фрагменте месяца, недели, дня. Прочитать его по возможности вслух, медленно, проговаривая каждое слово. Прочитать еще несколько раз. Прислушаться к себе. Затем ответить на вопросы: «Как отзываются слова философа в Вас? Как фрагмент дня созвучен с фрагментом недели и фрагментом месяца? Что Вы видите за словами философа? Что чувствуете? Может ли Ваш личный опыт, воспоминания о котором вызвали эти слова, стать важным для других? Или стать чем-то большим, более важным?» Затем рекомендовано прочитать фрагмент еще раз. Если возникнет желание, читатель может записать свои мысли, использовать звуковое фото или картинку, отметить название фильма или песни. В конце каждой недели и месяца рекомендовано подводить итог размышлений, обобщая свой ежедневный опыт философской практики. Согласно нашей идеи, с помощью ежедневника каждый способен пройти философский путь самостоятельно; и у каждого этот путь будет своим — индивидуальным, неповторимым, персонифицированным.

1. Апухтина Н. Г., Миляева Е. Г., Пеннер Р. В. Методы философской практики (философское консультирование и партнерство) в студенческой аудитории: образовательный эксперимент. Часть I // Социум и власть. 2018. № 6. С. 68—79.

2. Баркова В. В., Сидорова У. В. Постановка проблемы экзистенции страха в философской практике // Наука ЮУрГУ: материалы 70-й науч. конф. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2018. С. 181—188.

3. Бибихин В. В. Мир. URL: <https://libking.ru/books/sci-philosophy/323730-2-vladimir-bibihin-mir.html> (дата обращения: 09.04.19).

4. Бодрийяр Ж. Ксерокс и бесконечность // URL: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/kseroks.ru.html> (дата обращения: 21.03.19)

5. Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162—180.

6. Касавина Н. А. Экзистенциальный опыт: переживание пути и становление структуры // Вопросы философии. 2013. № 7.

7. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»: что значит существовать. Действительность // Логос. 1997. № 10. С. 144.

8. Лебедев С. А. Опыт: философия науки: слов. основ. терминов. М.: Академ. проект, 2006. С. 187.

9. Миляева Е. Г., Сидорова У. В. Экзистенциальный опыт // Язык философской практики: кр. слов.-презентация. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2018. С. 94.

10. Пигров К. С. Интимный дневник как «Простая вещь» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2008. № 1. С. 64—78.

11. Подорога В. Выражение и смысл. М.: Ad Marginem, 1995. С. 123.

12. Резвущкин К. Е., Миляева Е. Г. Глубина // Язык философской практики: кр. слов.-презентация. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2018. С. 20.

13. Трофимова Е. Исповедь и проповедь дневников Алексея Лосева. URL: <https://vk.com/@lynette-ispoved-i-propoved-dnevnikov-alekseya-loseva> (дата обращения: 11.04.19).

14. Фромм Э. Искусство быть. М.: АСТ, 2015. 352 с.

15. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Наука, 2006.

16. Харман Г. Мы живем внутри метафизики. URL: <https://knife.media/graham-harman> (дата обращения: 05.04.19).

17. Черденниченко И. П. Экзистенциальный опыт реального существования. URL: https://hses-online.ru/2010/04/09_00_13/16.pdf (дата обращения: 09.04.19).

18. Ardila J.A.G. New reading of Niebla: Kierkegaard and love // Revista de Literatura. 2008. № 70 (139). P. 85—118.

19. Boghossian P. Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism. London, 2010. 152 p.

20. Carlson L. The Faces of Intellectual Disability: Philosophical Reflections. London, 2010. 266 pp.

21. Clarke A., Warren L. (2007) Hopes, fears and expectations about the future: What do older peo-

ple's stories tell us about active ageing? // Ageing and Society. 2007. № 27 (4). P. 465—488.

22. Clucas S. Samuel Hartlib's ephemerides, 1635-59, and the pursuit of scientific and philosophical manuscripts: The religious ethos of an intelligencer // Seventeenth Century. 1991. № 6 (1). P. 33—55.

23. Golinski J. 'Exquisite atmography': Theories of the world and experiences of the weather in a diary of 1703 // British Journal for the History of Science. 2001. № 34 (2). P. 149—171.

24. Nussbaum M.C. The therapy of desire: Theory and practice in hellenistic ethics // The Therapy of Desire: Theory and Practice in Hellenistic Ethics. London, 2013. 558 pp.

24. Phillips A. Multiculturalism without culture. Princeton: Princeton University Press, 2009.

25. Priest G. Towards Non-Being: The Logic and Metaphysics of Intentionality. London, 2005. 205 p.

26. Schervish P.G., Havens J.J. The Boston Area Diary Study and the moral citizenship of care // Voluntas. 2002. № 13 (1). P. 47—72

27. Sherman N. Stoic Warriors: the Ancient Philosophy Behind the Military Mind. London, 2011. 256 p.

28. Withnall A. Improving Learning in Later Life. London, 2009. 155 p.

References

1. Apukhtina N.G., Miliarova E.G., Penner R.V. (2018) *Socium i Vlast'*, no. 6, pp. 68—79 [in Rus].

2. Barkova V.V., Sidorova U.V. (2018) *Nauka SUSU*. Chelyabinsk, Izdatelskij tsentr YuURGU Publ., pp. 181—188 [in Rus].

3. Bibichin V.V. Mir. Available at: <https://libking.ru/books/sci-philosophy/323730-2-vladimir-bibihin-mir.html>, accessed 09.04.19 [in Eng].

4. Baudrillard J. Kserox I Beskonechnost'. Available at: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/kseroks.ru.html>, accessed 21.03.19 [in Rus].

5. Zaliznyak A.A. (2010) *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 106, pp. 162—180 [in Rus]

6. Kasavina N.A. (2013) *Voprosy filosofii*, no. 7 [in Rus].

7. Kierkegaard S. (1997) *Logos*, no. 10, pp. 144 [in Rus].

8. Lebedev S.A. (2006) *Opyt: Philosophia nauki*. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., pp. 187 [in Rus].

9. Miliarova E.G., Sidorova U.V. (2018) *Eksistencialny opyt: Yazyk filosofskoi praktiki*. Chelyabinsk, Izdatel'stvo YuURGU Publ., p. 94 [in Rus].

10. Pigrov K.S. (2008) *Vestnik Samarskoi Gumanitarnoi Akademii*, no. 1, pp. 64—78 [in Rus].

11. Podoroga V. (1995) *Vyragenie i smysl*. Moscow, Ad Marginem Publ., pp. 123 [in Rus].

12. Rezvushkin K.E., Miliarova E.G. Glubina: Yazyk filosofskoi praktiki. Chelyabinsk, Izdatel'stvo YuURGU Publ., pp. 20 [in Rus].

13. Trofimova E. Ispoved' I propoved' dnevnikov Alekseya Loseva. Available at: <https://vk.com/@lynette-ispoved-i-propoved-dnevnikov-alekseya-loseva>, accessed 11.04.19 [in Rus].

14. Fromm E. (2015) *Iskusstvo byt'*. Moscow, ACT Publ., 352 pp. [in Rus].

15. Heidegger M. (2006) *Bytie i vremya*. Moscow, Nauka Publ. [in Rus].

16. Harman G. My givem v mire metaphiziki. Available at: <https://knife.media/graham-harman>, accessed 05.04.19 [in Rus].
17. Cherednichenko I.P. Eksistencialny opyt realnogo sushestvovaniya. Available at: https://hses-online.ru/2010/04/09_00_13/16.pdf, accessed 09.04.19 [in Rus].
18. Ardila J.A.G. (2008) *Revista de Literatura*, no. 70 (139), pp. 85—118 [in Eng].
19. Boghossian P. (2010) *Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism*. London, 152 p. [in Eng].
20. Carlson L. (2010) *The Faces of Intellectual Disability: Philosophical Reflections*. London, 266 p. [in Eng].
21. Clarke A., Warren L. (2007) *Ageing and Society*, no. 27 (4), pp. 465—488 [in Eng].
22. Clucas S. (1991) *Seventeenth Century*, no. 6 (1), pp. 33—55 [in Eng].
23. Golinski J. (2001) *British Journal for the History of Science*, no. 34 (2), pp. 149—171 [in Eng].
24. Nussbaum M.C. (2013) *The therapy of desire: Theory and practice in hellenistic ethics*. London, 558 p. [in Eng].
25. Phillips A. (2009) *Multiculturalism without culture*. Princeton, Princeton University Press Publ. [in Eng].
26. Priest G. (2005) *Towards Non-Being: the Logic and Metaphysics of Intentionality*. London, 205 p. [in Eng].
27. Schervish P.G., Havens J.J. (2002) *Voluntas*, no. 13 (1), pp. 47—72 [in Eng].
28. Sherman N. (2011) *Stoic Warriors: the Ancient Philosophy Behind the Military Mind*. London, 256 p. [in Eng].
29. Withnall A. (2009) *Improving Learning in Later Life*. London, 155 p. [in Eng].

For citing: Milyaeva E.G.,
Penner R.V., Sidorova U.V.
Methods of philosophical practice
(philosophical counseling and companionship)
in the student audience:
an educational experiment.
Part II. Existential experience //
Socium i vlast'. 2019. № 2 (76). P. 118—131.

UDC 101

METHODS OF PHILOSOPHICAL PRACTICE (PHILOSOPHICAL COUNSELING AND COMPANIONSHIP) IN THE STUDENT AUDIENCE: AN EDUCATIONAL EXPERIMENT. PART II. EXISTENTIAL EXPERIENCE

Ekaterina G. Milyaeva,

South Ural State University,
Senior Lecturer of the Department Chair
of Philosophy,
Russian Federation,
454080, Cheliabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: miliaevaeg@susu.ru

Regina V. Penner,

South Ural State University,
Associate professor of the Department Chair
of Philosophy, Cand.Sc. (Philosophy),
Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Ulyana V. Sidorova,

South Ural State University,
Senior Lecturer of the Department Chair
of Philosophy,
Russian Federation,
454080, Cheliabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: sidorovauv@susu.ru

Abstract

Introduction. In the article, we continue to answer the question about possibilities of implementing methods of philosophical practice into the system of actual academic education. In this part of the series of articles on the educational experiment, we focus on the problem of a modern student's existential experience. In classical formats, we are used to refer to the experiences of significant representatives of spiritual culture (Marcus Aurelius, Augustine of Hippo, S. Kierkegaard). Philosophical practice is focused on the consciousness of a modern person. By relying on the methods and forms of philosophical counseling and philosophical

practice, we can create the optimal way self-caring in the 21st century.

The aim of the study is to record the meaning and characteristics of existential experience; demonstrate a new format of presenting existential experience that is being integrated into the sociocultural paradigm.

Methods. The study is based on the pedagogical experiment with third-year students of the Institute of Architecture and Construction (South Ural State University) to introduce philosophical practice methods in a series of seminars in philosophy. The study used general scientific methods – analysis and synthesis, induction, deduction, abstraction. In addition, a comparative historical method, an interpretation method and a systematic approach are applied. In analyzing the students' diaries, we relied on the hermeneutic approach.

Scientific novelty of the study. As a result of the experiment in which the students kept philosophical diaries, a team of philosophers from Chelyabinsk created a philosophical diary – a new format of the student's independent philosophical self-improvement.

Results. According to the results of the experiment, more than 50 % of the participants completed their tasks (a daily reference to a quotation from a philosophical work, working with text and with themselves on the basis of the text). Moreover, in their notes, the participants demonstrated deep work on themselves: from daily attention to understanding philosophical quotes to reflecting on their experience and answering actual life-long questions.

Conclusions. The problem of implementing the methods of philosophical practice gave rise to a discussion about current educational models. In a new light, there arises the question about the place of a student as an integral being with his experience. Existential experience is the starting point of philosophical practice, and, at the same time, its ultimate goal, towards which all procedures and techniques are directed. In the article, we focused on the possibilities of actualizing the existential students' experience in the framework of the educational course on philosophy. The article can give a reason for reflection on the optimal forms of teaching philosophy in modern conditions.

Key concepts:

philosophical practice,
philosophical counseling,
philosophical education,
educational experiment,
philosophizing,
existential experience,
philosophical diary.

Для цитирования: Борисов С. В. Энциклопедия философской практики (рецензия на книгу: Amir L. Taking Philosophy Seriously, Cambridge Scholars Publishing, 2018, 504 pp.) // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 132—137.

УДК 1(091) + 101.1 + 101.9

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: AMIR L. TAKING PHILOSOPHY SERIOUSLY, CAMBRIDGE SCHOLARS PUBLISHING, 2018, 504 pp.)¹

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
Российская Федерация,
454080, Челябинск, пр. Ленина, 69
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой рецензию на книгу Лидии Амир «Принимая философию всерьез» (Cambridge Scholars Publishing, 2018). Книга синтезирует академическую и практическую философию, инициирует их диалог. Автор придерживается мелиористского взгляда на философию, который дает новое видение ее традиционных проблем, способствует новым формам ее изучения и обеспечивает признание философов-практиков вне академической среды. В книге рассматриваются главные аспекты «серьезного» отношения к философии, на основе которых для философской практики могут открыться новые перспективы развития.

Ключевые понятия:

философия,
философское консультирование,
философская практика,
мелиоризм,
интеллектуальные добродетели.

¹ Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Автор книги — израильский философ Лидия Амир — хорошо известна в области философской практики. На протяжении всей своей академической карьеры она пропагандировала философскую практику как внутри академической среды, так и за ее пределами, используя свой опыт в обеих областях. Ее работы по этике, юмору и философской практике переведены на многие языки мира. Все ее книги и статьи представляют большой интерес, поскольку автору удается сочетать широкую научную эрудицию с элегантным стилем изложения. Здесь есть юмор, но, как известно, юмор для профессионала — дело серьезное. Относимся ли мы серьезно к философии? На первый взгляд — странный вопрос. Понятно, что только серьезное отношение может уберечь грандиозный философский проект от дискредитации. Но если в этом деле мы утратим чувство меры, то философия будет казаться обычному человеку затеей скучной и далекой от его насущных жизненных проблем. Автор рецензируемой книги предлагает нетривиальное решение этой дилеммы.

Традиционный взгляд на философа, витающего в облаках, сделал философию сначала смехотворной в глазах общества, а затем смехотворной для тех философов, которые отдают предпочтение практике в сравнении с теорией. Автор утверждает, что для философской практики важно разобраться не только с теоретическими вопросами относительно самой природы философии, но также определить с целями и средствами практической деятельности, а также с характером отношений с академической традицией.

Автор поднимает эти вопросы с целью наметить рамки, в которых могут реализовывать себя все направления философской практики, не теряя при этом своих существенных особенностей. Амир также отмечает немалую роль академической философии, поскольку рассматривает философскую практику как непрерывный процесс, который начинается с успешного освоения философских теорий, что требует эффективных методов обучения, и заканчивается дальнейшей специализацией в соответствии с потребностями и способностями философствующих субъектов. Автор проводит различие между *перфекционизмом* — радикальной формой «философии для немногих» и *мелиоризмом* — демократизированной формой «философии для всех», которая, по словам Амир, может быть реализована как в академической среде, так и за ее пределами (р. 3).

Что такое мелиоризм? В чем смысл этого понятия? Как эта концепция может помочь в решении проблем, изложенных выше? «Под мелиоризмом я подразумеваю те философские концепции, которые менее амбициозны, в большей степени соответствуют здравому смыслу, психологическим потребностям и социальным целям обычных людей, скептически относятся к перфекционистским устремлениям», — отмечает автор в своей статье «Принимая философию всерьез: перфекционизм versus мелиоризм»¹. Например, «Никомахову этику» Аристотеля можно отнести к мелиоризму, исключая ее десятую главу; другими философами из этой традиции, можно считать, по словам автора, Юма, Локка, Рассела, Поппера. Инструменты для активизации человеческой свободы, в концепциях этих философов, — это не роскошь, украшающая этический проект самосовершенствования. Это необходимые средства для выживания демократии, так как они включают в себя моральные и интеллектуальные добродетели, без которых индивидуальная автономия не имеет смысла, а свобода без способности ее осознавать и реализовывать на практике — просто абстрактное понятие. Чтобы быть плодотворным, философское воспитание требует индивидуального подхода. Философская практика может играть важную роль в жизни современного общества, поскольку услуги, которые она предлагает, являются ценными и необходимыми для всех. Никакая другая дисциплина не может удовлетворить эти потребности, следовательно, философы несут за это моральную ответственность перед обществом.

В своей книге Лидия Амир обращается к незаслуженно забытой теме философского образования как наставничества посредством тонкого анализа отношений между наставником и его учеником. Она раскрывает проблемы, присущие философской практике прошлого, начиная с александрийских времен, эпохи Просвещения, XIX в., указывая на необходимость пересмотра, переосмысления многих инструментов, средств и методов, используемых в современной философской практике. С этой целью автор заостряет внимание на проблеме диалога, самопознания и самопреобразования, ставит под сомнение целесообразность изо-

лированного существования течений философской практики, а также сущностные различия между философией и психологией. Автор предлагает оригинальное решение обозначенных проблем, указывает на уникальные возможности философской практики, способствующие разрешению кризиса современной философии.

В первой главе рецензируемой книги представлены основные темы, которые получают подробное освещение в ее дальнейших разделах. В этой главе определяются философские цели и средства, которые способны преодолеть многочисленные «разрывы» между теорией и практикой в философии, а также между различными направлениями философской практики. Во-первых, автор заостряет внимание на значении абстрактного мышления в философской практике: «схематизация», которую оно предполагает, является ценным инструментом при условии, что она используется лишь как временное средство. Во-вторых, автор подчеркивает важность эпистемологии и разрабатывает эпистемологию интеллектуальных добродетелей как теоретический материал для философской практики. В-третьих, в силу тесной связи моральных и интеллектуальных добродетелей автор отстаивает тезис о том, что философская практика играет важную моральную роль в демократичных и либеральных обществах.

Автор приходит к выводу, что мелиоризм верен как целям (истина, освобождение, мудрость), так и методам (адекватная рефлексия, с использованием абстрактного мышления, логики и эпистемологии) философии, и в то же время такая философия может быть доступной для всех. Три инструмента мелиористской философской практики, предложенные в первой главе (приспособление абстрактного мышления к практике, воспитание интеллектуальных добродетелей и совершенствование чувств посредством моральных добродетелей), по мнению автора, усиливают автономию, свободолюбие. Укрепление личной автономии помогает смягчить напряженные отношения между свободой и равенством, противоречивое истолкование которых порождает конфликты в любом демократичном и либеральном обществе. Эту достойную цель, считает автор, можно рассматривать в качестве главной для «демократизированной» философской практики (р. 31).

После вступительной первой главы книги следуют шесть ее основных частей. Каждая часть посвящена тому или иному

¹ Amir L. Taking Philosophy Seriously: Perfectionism versus Meliorism, *Philosophical Practice. From Theory to Practice*, Sevilla : Grupo de Investigación de la Universidad de Sevilla "Filosofía Aplicada" (HUM 018), 2006. P. 13.

аспекту «серьезного» отношения к философии; на этом теоретическом материале могут базироваться новые направления философской практики.

Автор начинает с рассмотрения недостаточно исследованного аспекта философского образования — отношений между наставником и учеником. Часть I «Философы-наставники и их ученики» посвящена древним философским образовательным практикам. Если для академической философии это не столь актуально, то для философской практики — это предмет повышенного интереса. Посредством исторического анализа, который проливает свет на современные проблемы, автор обосновывает необходимость учителя-наставника (Глава 2) и важность самообразования (Глава 3). Поскольку можно усмотреть противоречие между этими двумя требованиями, Лидия Амир анализирует различные методы, которые философы использовали для предотвращения или ослабления этого противоречия. Например, обучение философии как дарение, философское образование с минимальным вмешательством учителя или нетрадиционные методы обучения для поиска учеником собственного личностного пути, предполагающие весьма жесткие философские практики, граничащие с жестоким обращением с учеником и его моральным унижением. Автор критически анализирует эти методы и приходит к выводу, что вся их «хитрость» заключается в том, чтобы приобщить ученика к философскому образу жизни без каких-либо назиданий и наставлений, так как все это считалось признаком нарушения полной автономии ученика. Отказ от того, чтобы манипулировать поведением ученика, чтобы он руководствовался только собственным умом, а не «мудрыми наставлениями» учителя, и является самым верным способом сохранения автономии: ведь «знания нельзя просто передать или “вложить” в ученика, даже в виде дара» (р. 105—106).

Во второй части «Философы-практики прошлого» рассматриваются главные ориентиры философии на заре ее возникновения, некоторые из которых могут быть весьма полезными, а некоторые очень опасными для нынешних подражателей. Здесь речь идет главным образом об эллинистической философии — стоицизм, эпикурейство и пирронизм, а также кинизм (Глава 4), о «сократе» английского просвещения графе Шефтсбери (Глава 5) и о датском философе XIX века, предшественнике экзистенциализма, С. Кьеркегоре. В Главе 6 Лидия Амир обосновывает мысль о том, что экзистенциальные проблемы, поднятые Кьеркегором, позволяют *prima facie* рассматривать его как предшественника современной философской практики. В частности, она выделяет концепт «субъективной рефлексии» Кьеркегора как особо значимый для понимания взаимного отношения между конкретным и абстрактным, и делает вывод о том, что данный концепт можно рассматривать в качестве парадигмы всей философской практики (р. 180—181).

Часть III «Незаслуженно забытые темы» посвящена четырем нетривиальным практическим вопросам, которые, несмотря на чрезвычайную важность, обычно игнорируются как в академической философии, так и в философской практике. В Главе 7 рассматриваются причины современного «холодного» отношения к основным положениям этики Бенедикта Спинозы, хотя именно у него представлено деление добродетелей на эпистемологические и моральные, что может открыть новые возможности для развития философской практики. Глава 8 посвящена анализу феноменов человеческого существования, среди которых особое значение автор отводит юмору, что недостаточно учитывается в философской практике, хотя юмор, в известном смысле, можно считать инструментом выживания человека, смягчающим состояние безысходности. Глава 9 затрагивает еще одну незаслуженно забытую тему западной философии — воспитание воли, необходимость волевых усилий для самосовершенствования человека, что дает возможность философии позиционировать себя в качестве духовной альтернативы религии. В этой главе автор анализирует программу философской практики, предложенную известным религиозным философом Р. Невиллом для воспитания воли с целью достижения самосознания через самооценку, действие, осознанность и ответственность. Критически анализируя эту программу, автор предлагает философский инструмент для достижения человеком автономности в условиях потери жизненных идеалов, как альтернативу разнообразным «восточным практикам» или психоанализу. «Когда консультант открывает клиенту возможности для философского образа жизни, а не просто дает историческую справку по этому вопросу, синтез западных и восточных знаний о роли волевых усилий в жизни человека может оказаться полезным. Или же, в

качестве альтернативы, можно сослаться на свой образ жизни, помня при этом, что юмор является действенным философским инструментом освобождения», — пишет Лидия Амир (р. 247). По мнению автора, этот трудный путь может быть смягчен умелым использованием юмора, и, хотя воспитание воли может оказаться делом всей жизни, вознаграждение будет пропорционально затраченным усилиям.

Особое внимание следует обратить на Главу 10, рецензируемой книги, в которой в повестку дня философов-практиков включается тема сексуальности. Поскольку любые публичные разговоры о сексуальности так или иначе осуждаются общественной моралью, относятся к области секретного и даже запретного, философ должен взять на себя личную ответственность за разработку сексуальной этики. Исследование именно этического плана сексуальности как одного из условий радостной и хорошей жизни — это, по мысли автора, дело философов и философов-практиков. Сексуальность дает уникальную возможность насладиться нашей биологической природой, однако — это исключительно человеческий опыт. «Реабилитация» этических сторон сексуальности, гармонизация эроса, всего того, что может служить источником жизненной активности человека, представляется весьма трудным проектом. Тем не менее, автор считает, что за этот проект стоит браться, опять-таки, не забывая о юморе, который может также служить подспорьем и в этом вопросе. Философия может внести свой вклад в определение и исследование значения сексуальности в жизни человека, открыть новые возможности, помогающие использовать энергию эротизма для улучшения и даже совершенствования его душевного состояния, для освобождения от иллюзий и предрассудков в этой области, не ставя под угрозу моральную целостность его бытия. Автор отмечает, что для философов-практиков, работающих с душевными состояниями клиента, непросто быть неподготовленными или излишне стеснительными в этой области, нужно оставаться до конца верным своей философской миссии. Эта миссия тем более важна в наше время, когда различные нарративы эмансипации переплетаются в запутанный клубок вместе с разнообразными социальными и политическими программами. Все это оттесняет на задний план этический долг человека перед самим собой, но в либеральных обществах в условиях свободы и равенства на челове-

ка налагается гораздо большая личностная ответственность, чем было ранее, отмечает Лидия Амир (р. 272).

Часть IV рецензируемой книги посвящена пересмотру средств философской практики. Со времен Сократа самопознание и диалог являлись главным предметом интереса философов-практиков. Три главы, составляющие эту часть книги, критически оценивают возможности самопознания, учитывая преобладание фактора бессознательного как в самой философии, так и в психологии, а также возможности диалога, как внутриличностного, так и межличностного. Можно утверждать, что душевные страдания клиента могут стать стимулом для самотрансформации. Более того, можно даже убедить клиента в том, что рациональные усилия устранят болезненные и неприятные эмоции, при этом рациональность не обязательно должна стать для него единственной программой самореализации, а лишь использоваться в качестве инструмента для улучшения его состояния. Эта стратегия, однако, базируется на другой форме рациональности — способности соотносить цели и средства. Автор не разделяет мнение, что философы-консультанты должны гарантировать фундаментальные изменения душевного состояния клиента. Никто не может предугадать заранее, какие конкретные изменения произойдут, и произойдут ли они вообще. Мы знаем одно: только тогда, когда человек реально станет готов к переменам, это все заработает. Клиенты, не только благодаря полученным знаниям, но и во многом благодаря личности консультанта, могут обнаружить в себе жажду самосовершенствования, которая может привести их к философии, открывая перед ними новые горизонты (р. 319—320). Так обретает силу практика внутреннего диалога. «С этой точки зрения я делаю две вещи, — пишет Лидия Амир, — я постепенно обращаю вашу речь ко мне — к вам самим; я призываю вас слушать вашу речь посредством, хотя и более удаленного, но более информированного внутреннего слушателя. То есть, во-первых, я призываю вас прислушиваться к своему внутреннему голосу, чтобы вы лучше поняли свою речь, и, во-вторых, прислушиваясь к внутреннему голосу, открыть для себя нечто большее, чем то, что было услышано в первый раз. Таким образом, я даю вам гарантирую, что даже в мое отсутствие ваш внутренний диалог не прекратится, более того, он будет все более богат смыслами, а его границы

будут все более широкими. Именно внутренний диалог открывает способность к философской рефлексии: если внутренний слушатель останется не более чем дубликатом меня самого, просто моим внутренним «эхом», никакого самообразования, саморазвития, критической, а значит, и творческой рефлексии произойти не может» (р. 345). Таким образом, включение в себя безличной инаковости, которая есть не что иное, как обобщение и абстракция нашей человечности, является в философской практике самым существенным.

В Части V, состоящей из двух глав, автор дает критический анализ инструментам, используемым в философской практике. В Главе 14 представлена авторская методика философской практики, которая позволяет сохранять «серьезное» отношение к философии. Эта методика предлагает философские цели и философские средства для их реализации, опирается именно на философский инструментарий, а не на другие способы консультирования, для реализации которых философы могут быть просто не готовы. Методологический принцип автора прост — «меньше консультирования, больше философии». Лидия Амир объясняет суть своего принципа посредством достижения следующих целей: 1) совершенствовать абстрактное мышление, переходя от конкретного к абстрактному и наоборот; 2) пробуждать интеллектуальные добродетели с конечной целью развития интеллектуальной смелости и самостоятельности; 3) укреплять внутренне единство личности, ибо беспристрастных мыслей для мудрости недостаточно, необходимы и глубокие чувства (р. 359). Реализация всех этих целей является необходимым условием «демократически ориентированной» философской практики.

В Главе 15 автором рассматривается «трудная проблема» самотрансформации с помощью философских инструментов, что необходимо для достижения счастливой, осознанной жизни. С этой целью автор дает критический анализ основным философским измерениям «благой жизни»: соотношению трагического и комического, условиям самопознания, способности принимать жизнь во всей ее противоречивости, способности понимать. Кроме того, автор подробно рассматривает связь между разумом и эмоциями, между радостью и страданием, как условие для того, чтобы наполнить жизнь смыслом и развить сострадание. Автор предполагает возможность жить с неразрешимым

конфликтом, однако в конечном итоге, любой конфликт, характеризующий основное состояние человека, может быть разрешен. Инструментом для этого, по мысли автора, является юмор. Посредством процесса, включающего в себя систематическую практику юмора, мы дисциплинируем свой вкус, находим удовольствие в противоречиях, в которых ранее мы не видели ничего смешного, постепенно поднимаемся по лестнице совершенства, которая приводит нас к состоянию, сравнимому с высшими философскими или религиозными озарениями. Эта постепенная трансформация основана на изменении видения в соответствии со способностью, по словам автора, «превращать страдание в радость посредством алхимии юмора» (р. 387—388).

В Части VI («Проблемы и достижения») рассматриваются препятствия, с которыми сталкивается философская практика, которые сводятся в глазах академической философии к «сомнительным допущениям», лежащим в ее основе (Глава 16). Однако наряду с этим автор отмечает те уникальные преимущества, которые философская практика может дать академической философии (Глава 17). Эта последняя глава вовлекает читателя в оживленную дискуссию, которая помогает осознать и преодолеть разрыв между теорией и практикой в философии. Поскольку большинство студентов, изучающих философию, не будут заниматься этим профессионально, преподаватели философии могут использовать опыт философов-практиков в своей работе, выстраивая взаимодействие с самой разной аудиторией. В связи с этим автор предлагает разрабатывать некий критерий релевантности для оценки учебного плана и способа преподавания философских теорий. Эти разработки могли бы способствовать распространению философии, так как любая аудитория смогла бы получить от этих занятий что-то полезное, что обеспечило бы достойное место философии, как в академической среде, так и за ее пределами.

Заключительный раздел книги также весьма интересен и содержателен. Он представлен в форме увлекательного интервью с автором, в котором даны краткие ответы на все ключевые вопросы, связанные с философской практикой.

Книгу Лидии Амир «Принимая философию всерьез» можно по праву назвать «энциклопедией» философской практики, которая обобщает богатый опыт прошлого и открывает широкие перспективы для бу-

дущего в этом философском направлении. В этой книге сочетаются высокие академические стандарты рассмотрения проблем и доступный стиль изложения, поэтому она будет интересна как представителям академической среды, так и философам-практикам, преподавателям, психологам, а также широкой публике.

For citing: Borisov S.V.

Encyclopedia of philosophical practice (book review: Amir L. Taking Philosophy Seriously, Cambridge Scholars Publishing, 2018, 504 pp.) // *Socium i vlast'*. 2019. № 2 (76). P. 132—137.

UDC 1(091) + 101.1 + 101.9

**ENCYCLOPEDIA
OF PHILOSOPHICAL PRACTICE
(BOOK REVIEW: AMIR L.
TAKING PHILOSOPHY
SERIOUSLY,
CAMBRIDGE SCHOLARS
PUBLISHING, 2018, 504 pp.)**

Sergey V. Borisov,,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
South Ural State University
(National Research University),
Doctor of Philosophy, Professor.
Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Abstract

The article is a review of Lydia Amir's book "Taking Philosophy Seriously" (Cambridge Scholars Publishing, 2018). The book synthesizes academic and practical philosophy, initiates a meta-philosophical dialogue. The author adheres to the melioristic view of philosophy that rethinks the approach to philosophy, reinvigorates its academic teaching and secures the respectability of its practitioners outside the academic environment. The book considers the main issues of a "serious" attitude to philosophy on the basis of which there can be opened new prospects for philosophical practice.

Key concepts:

philosophy,
philosophical counseling,
philosophical practice,
meliorism,
intellectual virtues.

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется в формате IMRAD на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельный файл в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учёбы), учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in the IMRAD format in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography. The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

